

Управление делами Воронежской области
Воронежское областное отделение
Российского общества историков-архивистов

ВОРОНЕЖСКИЙ ВЕСТНИК АРХИВИСТА

Научно-информационный ежегодник

Выпуск 16

Цифровая типография
«Фортуна»

Воронеж
2018

УДК 94 (470. 324)
ББК 79.3 (2 РОС-4ВОР)
В 75

**Главный редактор –
В.В. Гуров**

Редакционная коллегия:

Н.Г. Воротилина (ответственный секретарь),
В.Н. Глазьев, П.В. Загоровский, М.Д. Карпачев,
Н.А. Комолов, О.Г. Ласунский, В.А. Перцев,
П.А. Попов, С.И. Филоненко

В 75 Воронежский вестник архивиста : научно-информационный ежегодник. Выпуск 16. / Управление делами Воронежской области ; Воронежское областное отделение Российского общества историков-архивистов. – Воронеж : «Фортуна», 2018. – 220 с.

ISBN 978-5-6041904-2-5

Научно-информационный ежегодник посвящен 100-летию государственной архивной службы России и отражает различные стороны административной, социально-экономической и культурной жизни воронежского края. Публикуются исторические исследования по архивным материалам, тематические подборки документов, статьи, затрагивающие проблемы архивоведения, источниковедения, обобщающие архивный опыт и сотрудничество с учреждениями культуры, СМИ и общественными организациями, хроника событий. Издание предназначено для архивистов, историков, краеведов, работников образования, культуры и всех, кто интересуется историей родного края.

УДК 94 (470. 324)
ББК 79.3 (2 РОС-4ВОР)

*На 1-й странице обложки: мемориальный комплекс «Песчаный лог»,
установленный в 1975 г. в г. Воронеже.*

Скульптор Б.А. Катков.

Архитектор П.П. Даниленко.

*Авторы фотографии: А.В. Гончаров,
Д.П. Краневитер.*

© Коллектив авторов, 2018

© Издательство – Гончарова Галина Григорьевна,
ISBN 978-5-6041904-2-5 редакционно-издательское оформление, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ АРХИВОВЕДЕНИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ, ДОКУМЕНТОВЕДЕНИЯ, АРХЕОГРАФИИ

Литвинова Т.Н. Периодические издания, хранящиеся в Государственном архиве Воронежской области, как источник для воссоздания истории сел и деревень воронежского края	5
--	---

АРХИВНЫЙ ОПЫТ, СОТРУДНИЧЕСТВО

Вербицкая Т.С. Создание электронного архива	9
Змеева Л.М. Взаимодействие КУВО «Государственный архив Воронежской области документов по личному составу» с ликвидированными организациями при подготовке к приему документов по личному составу в государственный архив	13
Новикова Н.И. Обеспечение сохранности документов в Государственном архиве Воронежской области	18
Щербакова Н.В. О работе отдела комплектования и экспертизы ценности документов Государственного архива Воронежской области	22

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ

Глазьев В.Н. Российское Черноземье в Смутное время. Свидетельства документов	25
Карпачев М.Д. Архивные документы о продовольственном положении Воронежской губернии в годы Первой мировой войны	33
Комолов Н.А. Визиты Ольги и Петра Ольденбургских в Воронежскую губернию в 1910-е гг.: по материалам Государственного архива Воронежской области	65
Коробанов А.Е. Первый послевоенный экзамен. Воронежский авиационный завод: 1943-1949	69
Пилипенко А.А. Восстание против мобилизации в городе Острогожск в марте 1919 года	78
Перегудов А.В. Конец эпохи: жандармская полиция Воронежской губернии после Февральской революции	83
Перцев В.А. Производство товаров народного потребления промышленными предприятиями Центрального Черноземья в 1950–1980-е годы	88
Подлесных С.Н. Образование поселков Орловский и Ракитинский Новокурлякской волости Бобровского уезда в 1921-1923 гг.	99

Попов П.А. Следы творчества зодчего В.П. Стасова в Воронеже	111
Пыльнев Ю.В. Народное образование в Воронежской губернии в канун Февральской революции 1917 г.	121
Разиньков М.Е. «Мятеж анархистов» в Воронеже в 1918 г.: исследовательские версии и исторические факты	125
Сапелкин Н.С. Воронежская епархия в период Великой русской революции.	137
Старикова М.Г. Иркутская история семьи Граженских.	151

ПУБЛИКАЦИИ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ

Алленова В.А. «Прошу Вас поддержать мое ходатайство и не дать человеку окончательно загубить здоровье»: переписка А.Ф. Карельской с правозащитной организацией «Е.П. Пешкова. Помощь политическим заключенным» (Помполит).....	157
Бахтин В.В. «Сверх должности занимался приведением в порядок дел архива»: формулярный список статского советника Григория Борисовича Бланка.	173
Мокшин Г.Н. Из истории Данковской волости Воронежского уезда начала 1920-х гг.	182
Рылов В.Ю. «Паршивой овце не место в Советском стаде». Антиповстанческая пропаганда на Тамбовщине в 1921 г.	188
Четкина Н.В. «Спасибо вам, Анна Андреевна, за все...» К 110-летию со дня рождения А.А. Русановой.	190

ИЗ ИСТОРИИ АРХИВОВ, МУЗЕЕВ, БИБЛИОТЕК

Разинков А.П. «Золотой век» воронежского партархива: из истории Государственного архива общественно-политической истории Воронежской области.	199
---	-----

ХРОНИКА СОБЫТИЙ

Воротилина Н.Г. День архивов в Воронеже	205
Тимошенкова С.И. «Круглый стол» в Рамонском муниципальном архиве. ...	209
Степанова Ю.В. Торжественное заседание, посвященное 100-летию государственной архивной службы России в Государственном архиве Воронежской области.	210
Тимошенкова С.И. «Круглый стол» в Панинском муниципальном архиве ...	212
Кузин К.И. Торжества в Большом зале Дома актера.	213

НАШИ ЮБИЛЯРЫ	215
---------------------------	-----

ПРОБЛЕМЫ АРХИВОВЕДЕНИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ, ДОКУМЕНТОВЕДЕНИЯ, АРХЕОГРАФИИ

Периодические издания, хранящиеся в Государственном архиве Воронежской области, как источник для воссоздания истории сел и деревень воронежского края

*Т.Н. Литвинова,
главный архивист
Государственного архива
Воронежской области*

Справочно-информационный фонд КУВО «Государственный архив Воронежской области» существует более 40 лет и ежегодно пополняется новыми методическими пособиями, нормативными актами, ведомственными изданиями. В настоящее время общий объем фонда составляет более 53 тыс. единиц хранения, из них нормативной и методической литературы – более 3 тыс. экземпляров, книг и периодических изданий – 50 867 (41 059 книг, 9539 газет и журналов). В основном это историко-краеведческая и научно-справочная литература с конца XVII в. до наших дней.

Периодические издания, хранящиеся в госархиве, являются весьма ценным источником по истории сел и деревень воронежского края.

Проведем краткий обзор этих изданий. В первую очередь остановимся на губернских и областных газетах и журналах.

«Воронежские губернские ведомости» – первая в воронежском крае газета, орган губернского правления, выходила еженедельно, с 1865 г. – дважды в неделю с 1838 г. по 1917 г. В официальной части газеты публиковались указы, распоряжения правительства и губернского начальства, в неофициальной – различные

исторические, фольклорные, этнографические материалы. Активными сотрудниками «Воронежских губернских ведомостей» были Н.И. Второв и члены его культурно-просветительского кружка: К.О. Александров-Дольник и М.Ф. Де-Пуле, в газете печатались исторические документы XVII в. В госархиве имеются газеты за 1839 г., 1841 г., 1846-1848 гг., 1853 г. и неполный комплект с 1872 по 1917 гг.

С конца 60-х гг. XIX в. в Воронеже стали издаваться крупные частные газеты «Воронежский телеграф» и «Дон».

«Воронежский телеграф» – общественно-политическая и публицистическая газета, выходила с января 1869 г. по 5 июня 1918 г. (закрыта по распоряжению местных властей). Издание было возобновлено в октябре 1919 г., когда Воронеж находился во власти Белой армии. В газете освещались преимущественно местные проблемы в области социально-экономической и духовной жизни, вопросы народного образования и здравоохранения в Воронежской губернии. К сожалению, в госархиве имеется лишь один годовой комплект газеты – за 1907 г. В еще меньшем объеме представлена газета «Дон» (отдельные номера за 1879-1915 гг.).

Эта газета издавалась в 1868-1915 гг. и претендовала на роль общественной провинциальной трибуны, пыталась решать местные проблемы в связи с задачами русской жизни, широко освещала социально-экономические и культурные вопросы. Издателями были известные общественные деятели и краеведы Г.М. Веселовский и его сын В.Г. Веселовский, ставшие авторами нескольких книг по истории Воронежской губернии и ее уездов.

«Воронежские епархиальные ведомости» – периодическое издание Воронежской епархии. Ведомости выходили с 1866 г. по 1917 г. «Воронежские епархиальные ведомости» состояли из официальной части и неофициальной, до 1909 г. издавалось 24 номера в год, позже – 52 номера в год.

В числе издателей были известные церковные и общественные деятели: архимандрит Димитрий (Самбикин), архимандрит Серафим (Соболев), А.М. Правдин, А.М. Спасский. В «Воронежских епархиальных ведомостях» публиковались статьи по истории монастырей и храмов воронежского края, историко-этнографические описания сели приходов, биографии воронежских архиереев, местночтимых святых.

В качестве приложения в ведомостях печатался «Указатель храмовых празднеств церквей Воронежской епархии», составленный архимандритом Димитрием (Самбикиным), в котором содержится описание воронежских церквей и приходов. В госархиве имеются практически все экземпляры «Воронежских епархиальных ведомостей» за 1866-1917 гг., а также газеты «Вестник церковного единения», выходившей в 1917-1918 гг.

Из специальных краеведческих изданий большой интерес представляют «Труды Воронежской ученой архивной комиссии». Основными направлениями деятельности ВУАК (1900-1918) были изучение истории, этнографии и археологии края, издание соответствующих материалов, ВУАК издала 4 выпуска своих трудов (1902-1908), в которых опубликованы материалы о заселении воронежского края, истории возникновения городов Воронежа, Богучара, Новохоперска, Острогожска, Павловска. В справочно-информационном фонде госархива имеются 1, 2, 4-й выпуски трудов ВУАК.

В 1856-1916 гг. Воронежский губернский статистический комитет издавал «Памятные книжки Воронежской губернии». В «Памятной книжке» были разделы: справочный, статистический, историко-литературный и адрес-календарь. Среди авторов были известные воронежские краеведы: С.Н. Введенский, С.Е. Зверев, Т.М. Олейников, Н.И. Поликарпов и др.

В «Памятных книжках» имеются как важнейшие справочно-статистические сведения, так и интересные статьи по истории судоходства на реках Дон и Воронеж, историко-статистические очерки торговли и промышленности г. Воронежа, летопись воронежского края с начала заселения и по 1883 г. и др. В госархиве «Памятные книжки» представлены за 1861, 1878-79, 1887, 1891-1916 гг.

Воронежский церковный историко-археологический комитет (1901-1917) издавал ежегодник «Воронежская старина». Всего вышло в свет 14 выпусков за 1902-1916 гг. В этом издании печатались архивные материалы и исследования по истории заселения уездов, истории монашества на Дону, статьи об окладных книгах Воронежского и Елецкого уездов, историко-статистическое описание Нижнедевицкого уезда, описание церквей Острогожска и др. В 11-м вып. была перепечатана книга Е. Болховитинова «Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии» (Воронеж, 1800).

Журналы Воронежского губернского собрания издавались с 1865 г. В госархиве имеются материалы за 1865-1918 гг., в них представлена самая разная информация о жизни губернии в конце XIX в.

Журналы уездных земских собраний представлены по уездам: Бобровский, Богучарский, Валуйский, Воронежский, Задонский, Землянский, Коротоякский, Нижнедевицкий, Новохоперский, Острогожский, Павловский.

Из периодических изданий советского периода госархив располагает неполными комплектами газет «Известия Воронежского губисполкома» (1918 г.), «Воронежский красный листок» (1918 г.), «Воронежская беднота» (1918-1919 гг.), которые незаменимы при изучении становления новой власти в воронежском крае.

Газета «Воронежская коммуна», с 1929 г. – «Коммуна» (с 1919 г.), хранит свидетельства о коллективизации, строительстве заводов и фабрик в годы первых пятилеток, оккупации Воронежской области и ее героическом освобождении, восстановах городов и сел в послевоенное время. Хранятся в госархиве также подшивки газеты «Молодой коммунар» за 1928-1931 гг., с 1950 г. – по настоящее время и современных газет «Воронежский курьер», «Берег».

Имеются в справочно-информационном фонде ведомственные журналы, издававшиеся на территории Воронежской области в 1918-1939 гг.: «Железный путь», «Вестник Ю.-В.жд.», «Здравоохранение в Воронежской губернии», «Народное хозяйство», «Хозяйство ЦЧО», «Социалистическое хозяйство», «Здравоохранение ЦЧО», «Ленинский путь», «Культурный фронт», «Литературный Воронеж», «Подъем», «Ленинская печать» и другие.

Особую ценность для исследователей-краеведов представляют комплекты районных и многотиражных газет. Большинство комплектов районных газет хранится с 1943 г., а в отдельных случаях по районам, не подвергшимся оккупации, – с сентября 1942 г. Коллекция районных газет включает в себя и подшив-

ки газет тех районов, которые были ликвидированы в процессе изменения административно-территориального деления – Белогорьевский район («Большевик», «Ленинские заветы», «За большевистский урожай» за 1943-1962 гг.), Ведутский район («Знамя Ленина» за 1943-1959 гг.), Воронцовский район («Знамя социализма» за 1942-1960 гг.), Полянский район («Путь Сталина», «Ленинское знамя» за 1942-1959 гг.). В районных газетах публиковались материалы о трудовых достижениях местных колхозников, строительстве школ и домов культуры, размещались фотографии жителей района, отличившихся на производстве.

Для поиска периодических изданий в большом массиве справочно-информационного фонда был создан специальный каталог. В первой его части все издания расположены по алфавиту, это удобно для исследователя, знающего точное название газеты или журнала. Во второй части каталога применен систематический принцип, издания распределены по разделам: центральные, губернские, областные газеты, газеты ЦЧО; районные и многотиражные газеты, газеты упраздненных районов, упраздненные многотиражные газеты.

В последние годы наметилась положительная динамика по созданию цифровых копий ценных краеведческих изданий. «Памятные книжки» были оцифрованы по договору с научной библиотекой ВГУ в 2010 г. Копии «Воронежской старины» и «Воронежских епархиальных ведомостей» изготовлены по договору с Воронежской епархией. Все эти электронные копии краеведческих изданий размещены в сети государственного архива в «Ресурсах ГАВО» и доступны для исследователей.

АРХИВНЫЙ ОПЫТ, СОТРУДНИЧЕСТВО

Создание электронного архива

Т.С. Вербицкая,
*начальник отдела информационных
технологий
Государственного архива
Воронежской области*

В последнее время особое значение придается внедрению современных технологий во многие сферы жизни общества. Архивное дело не стало исключением. Сегодня архивы России невозможно представить без использования компьютерной техники и специализированного программного обеспечения.

В настоящее время в архивах возрастает количество информационных ресурсов, создаваемых путем оцифровки документов на традиционных носителях. В широкую практику постепенно входит реализация проектов перевода в цифровой формат традиционных источников и постепенное изъятие оригиналов из непосредственного обращения. Тенденции, зародившиеся в архивном деле в 1990-е гг., оказали влияние на развитие архивов, изменяя формат их деятельности.

Оцифровка фондов в государственных и муниципальных архивах служит решению сразу нескольких задач: наведению порядка в фондовом учете, упрощению поиска документов, снижению нагрузки на сотрудников и времени при отработке запросов пользователей, сохранению ветхих оригиналов, переходу к предоставлению архивных услуг в электронном виде, в том числе платных услуг.

В декабре 2011 г. во исполнение решения Координационного Совета при гу-

бернаторе Воронежской области по развитию информационного общества в рамках областной целевой программы «Информатизация Воронежской области» было приобретено новое оборудование, в частности комплекс планетарного сканирования «Элар План Скан С-2-ЦА-400» и универсальный сканер микроформ «Элар СканПро 2000».

Приобретение нового оборудования позволило значительно увеличить производительность работ по оцифровке. Если в 2009-2013 гг. было оцифровано в общей сложности около 1200 архивных дел, то в 2013-2017 гг. вышли на уровень 2991 дела (25 000 электронных образов) в год.

Кроме того, для оцифровки архивных документов привлекаются сторонние организации. Так, в 2013 г. в рамках Федеральной целевой программы «Культура России» силами ЗАО «Корпорация «ЭЛАР»» оцифрованы ревизские сказки из фонда Воронежской казенной палаты из числа находящихся в плохом физическом состоянии (16 932 дела, около 3 195 016 электронных образов).

Рассмотрим чуть подробнее некоторые особенности сканирования и индексирования архивных документов и описей. В отличие, к примеру, от тиражируемых книг, в архивах почти каждый документ уникален. Огромная ответственность ложится на сотрудника, занимающегося сканированием, который должен увидеть особое состояние документа (ветхость, повреждения, уход текста в корешок, особую сшивку и т.д.) и оперативно настроить оборудование либо передать документ на реставрацию.

Особенности документов предъявляют симметрично высокие требования и к оборудованию. Для архивных документов можно использовать исключительно бесконтактную сканирующую технику – планетарные сканеры.

Причем сканер должен обладать высочайшими характеристиками разрешения, цветопередачи и контрастности, так как велико наличие неконтрастных, угадываемых текстов и изображений.

Особая структура, толщина, вес архивных документов иногда приводят к необходимости разработки специальной техники. Так, в большинстве государственных архивов среди востребованных фондов генеалогической направленности имеются дела толщиной более 30 см.

Планетарные книжные сканеры зарекомендовали себя положительно и в отличие от планшетного сканера обладают высокой производительностью, дружелюбным интерфейсом, довольно быстры и удобны в работе. Их недостаток, или, скорее, особенность – высокая стоимость.

Но надо заметить, на поточном сканере можно оцифровывать только расшитые документы, т.е. полистно! После оцифровки необходимо затратить силы на их переплет. Оцифровка описей без расшивки – аналогична оцифровке обычных документов фондов на книжных сканерах и требует гораздо больших временных затрат. Оцифровка на обычных планшетных сканерах – самая трудоемкая и временнo-затратная работа (для сравнения: 20 с. в минуту или 1 с. в 2 минуты).

Главное их отличие от планшетных сканеров – они позволяют бережно сканировать документы, без физического воздействия на основу – т.е. на бумажный лист.

Первый такой сканер был разработан ЭЛАР в рамках проекта оцифровки фонда 350 «Ревизские сказки и исповедальные ведомости» Российского государственного архива древних актов. Для того чтобы сканировать ветхие оригиналы высотой до 50 см и весом до 50 кг, сканер оснащен моторизированной колыбелью. Безопасный уровень силы прижатия к стеклу контролируется несколькими сенсорами.

Сканирование производится по принципу «один лист – один файл». Документы сканируются в полноцветном режиме с разрешением 300х300 dpi. Описи архивных дел обычно сканируются в полутоновом режиме («в градации серого»). После сканирования образы сохраняются на компьютере в графическом формате стандарта jpeg (joint photographic expert group). Данный формат хранения сжатых изображений позволяет создать минимальный по размерам файл с наименьшей потерей качества изображения. В отдельных случаях – оцифрованные образы в формате стандартов Tagged Image File Format (TIFF) или Portable Document Format (PDF).

Файлы именуются в соответствии с архивным шифром (номер фонда, описи, дела, листа), группируются по каталогам (папкам), соответствующим фонду, описи, единице хранения. Из-за особенностей сортировки файлов в Проводнике Windows в названии каждого файла перед номером листа добавляются нули: Ф. И-5. Оп. 1. Д. 20. Л. 001. Обороты листов именуются добавлением сокращения «об.» после номера листа. Обложки дел и листы-заверители именуются отдельно.

После сканирования листов полученные образы проходят обработку в графических редакторах. Обработка заключается в развороте образов, исправлении недостатков яркости-контрастности изображений, удалении «подложки» или рваных краев документов. При сканировании фотографий образы фотографий очищаются от пятен и явных царапин.

После графической обработки электронных образов документов, файлы сохраняются на файловом сервере.

Затем образы загружаются в «ЭЛАР АИС-Архив».

Чтобы вести учет и иметь возможность искать документы, их надо проин-

дексировать – заполнить карточки в АИС. Большинство архивных документов и описей выполнены вручную или с помощью печатной машинки, то есть не поддаются качественному программному распознаванию. Требуется ручная ретроконверсия.

Снова появляются дополнительные требования к исполнителю. Во-первых, он должен обладать достаточным штатом, чтобы выполнить работу в срок.

Наш архив вполне устраивает программный продукт «ЭЛАР АИС-Архив». В нем используется структурированное описание документов по принятой в архивах иерархической схеме: «Фонд; – Опись с разделами систематизации; – Единица хранения (дело); – Документ». Данная автоматизированная информационная система обеспечивает возможность присоединения к описям, делам, документам соответствующих электронных образов в произвольных форматах (JPG, PDF, TIFF, DOC, MP4, MP3 и др.). Это позволяет специалистам архива и пользователям в читальном зале просматривать описи и дела на экране монитора, администратору дает возможность открывать различные уровни доступа к документам, производить масштабный поиск документов по ключевым словам и т.д., оператору позволяет делать ввод и корректировку записей. Для того чтобы организовать поиск любого дела или документа, необходимо их проиндексировать, т.е. сделать ретроконверсию. Другими словами, заполнить электронную карточку на каждую единицу хранения. Работу по ретроконверсии можно проводить двумя способами: самостоятельно силами специалистов архива или использовать аутсорсинг.

Только после прохождения длинной цепочки: сканирование, ретроконверсия с использованием специального программного комплекса или ПК «Архивный фонд» и пользуясь системой хранения документов, мы получаем готовый продукт – электронный архив. Т.е. структурированную базу данных с возможностью обширного поиска документов, с электронным читальным залом, возможностью работы с документами через сети Internet, исполнением запросов и т.д. Таким образом, создание электронных архивов, финансово емкая и трудозатратная работа, требующая высокой квалификации специалистов. Но, проанализировав выполненные работы в Государственном архиве Воронежской области за последнее время, можно с уверенностью сказать, что эта работа «по плечу» архивистам и проделана она не зря. Число благодарных пользователей растет с каждым годом.

Взаимодействие КУВО «Государственный архив Воронежской области документов по личному составу» с ликвидированными организациями при подготовке к приему документов по личному составу в государственный архив

*Л.М. Змеева,
заместитель руководителя
Государственного архива
Воронежской области
документов по личному составу*

Государственный архив Воронежской области документов по личному составу, образованный в июле 2007 г. в соответствии с постановлением администрации Воронежской области № 646 от 09.07.2007 г. для обеспечения сохранности документов по личному составу, образовавшихся в результате массового банкротства предприятий и организаций области, а также ликвидированных, реорганизованных с изменением формы собственности учреждений, организаций и предприятий, не имеющих правопреемника или вышестоящего по подчиненности органа, начал свою деятельность и комплектование с января 2008 г.

Основными источниками комплектования архива являются крупные промышленные предприятия Воронежской области, строительные тресты, а также учреждения и организации федерального и областного подчинения, прошедшие через процедуру банкротства или ликвидации.

На данный момент на государственном хранении в архиве находятся 93 фонда (291 опись) – 170 957 ед. хранения на бумажной основе. Из них – 26 фондов промышленных предприятий. А именно: предприятия машиностроения, радиоэлектронной, химической, легкой, пищевой промышленности, 16 фондов строительных организаций.

Многие фонды крупных предприятий и организаций имеют широкую подведомственную сеть. В настоящее время в фондах архива находятся документы 54 детских садов, 26 столовых, также имеются базы отдыха, подсобные хозяйства, клубы, общежития, автобазы, ЖКО, учебные комбинаты и профтехучилища.

В связи с ростом организаций, признанных несостоятельными, остро встает вопрос о передаче на хранение документов ликвидируемых организаций, подлежащих обязательному хранению. При этом сдача документов по личному составу объясняется необходимостью социальной защиты граждан (бывших работников) в области обеспечения пенсионных и иных прав.

При реорганизации или ликвидации организации, в том числе в процессе банкротства, передача документов на хранение в архив входит в обязанность ликвидационной комиссии или конкурсного управляющего и осуществляется в соответствии с законодательством Российской Федерации. Указанная деятельность регламентируется Федеральным законом от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», Федеральным законом от 22 октября 2004 г. № 125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации», рядом подзаконных актов.

Прием документов от источников комплектования осуществляется в соответствии с планом-графиком, который утверждается руководителем архива по согласованию с передающей дела организацией.

Подготовительная работа по приему документов от источников комплектования начинается задолго до поступления дел в архив: предварительно сотрудники архива выходят в организацию для определения объема и состояния документов, налаживается работа с конкурсными управляющими, даются рекомендации по научно-технической обработке документов, уточняется дата передачи документов в архив. Как правило, конкурсные управляющие заинтересованы сдать документы в полном объеме и привести их в архивно-технический порядок, согласно требованиям «Правил организации хранения, комплектования, учета и использования документов архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в государственных и муниципальных архивах, музеях и библиотеках, организациях Российской академии наук», разработанных ВНИИДАТ и утвержденных Федеральным архивным агентством (Росархив, М., 2007).

В рамках работы с источниками комплектования архива специалисты КУВО «ГАВОДЛС» ежегодно проводят проверки организаций, находящихся в стадии банкротства и подготовки документов по личному составу на хранение. Кроме того, архив оказывает консультативную помощь учреждениям, организациям и предприятиям независимо от их организационно-правовой формы.

Методическая и практическая помощь в подготовке документов к передаче на государственное хранение состоит в следующем:

- ознакомление с составом и физическим состоянием документов;
- проверка правильности формирования дел;
- рекомендации по оформлению и систематизации дел;
- консультация по составлению описей дел по личному составу;
- консультирование исполнителей по подготовке дел к передаче на государственное хранение, о порядке рассмотрения и утверждения описи на ЭПК.

В соответствии с п. 4.4.1 архивных Правил и с п. 6.3-6.4 «Правил организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в государственных органах, органах местного самоуправления и организациях», утвержденных приказом Министерства культуры России от 31.03.2015 № 526, документы в государственный архив передаются на постоянное хранение в упорядоченном состоянии с соответствующим научно-справочным аппаратом и подготовка и передача архивных документов, в т.ч. их упорядочение и транспортировка, осуществляется за счет средств ликвидируемой организа-

ции. Что также определено в ст. 23 Федерального закона «Об архивном деле в Российской Федерации».

Основная цель работы с документами в процессе ликвидации – обеспечить их сохранность.

Упорядочение документов может производиться собственными силами организации или с помощью специалистов архивных учреждений. От того, как описаны и подготовлены документы, будет зависеть дальнейшая работа с фондом в процессе его использования и поиск необходимой информации. Качество подготовки документов на архивное хранение зависит от профессионализма исполнителей. Зачастую обрабатывать документы берутся частные фирмы и лица, не имеющие лицензии на данный вид деятельности, а также достаточного опыта и знаний. Тогда возникают проблемы, выявляются ошибки, работу приходится пересматривать в соответствии с правилами.

Эффективность работы с документами зависит от полноты состава документов по личному составу. Иногда в целях экономии средств конкурсным управляющим выгодно обрабатывать и сдавать документы не в полном объеме. Затрудняют работу с документами и «глухие» заголовки на делах и в описях.

Прием-передача документов на хранение проводится сотрудниками архива и представителем ликвидируемой организации.

При проведении работ по приему-передаче дел по личному составу на государственное хранение сотрудники архива:

- проверяют наличие и физическое состояние дел, указанных в описях;
- проверяют соответствие заголовков, архивных шифров, крайних дат документов на обложках дел с описью;
- оформляют передачу дел на государственное хранение по установленной форме;
- размещают дела на стеллажах;
- делают отметки о размещении дел в топографических указателях.

Прием документов оформляется актом приема-передачи документов на хранение, в котором фиксируются количество, техническое состояние передаваемых дел, отмечается отсутствие дел. Такой акт составляется в двух экземплярах и утверждается руководителем архивного учреждения и председателем ликвидационной комиссии (конкурсным управляющим). Один экземпляр описей и один экземпляр акта приема-передачи документов на хранение в архив передаются председателю ликвидационной комиссии или конкурсному управляющему.

И по завершении приема документов на постоянное хранение, уже в процессе их использования, госархив поддерживает отношения с сотрудниками архивов организаций, при необходимости обращается к ним за консультацией.

Но не всегда работа с источниками комплектования по вопросу сохранности документов и передачи их после ликвидации организации в архив складывается гладко. Не все конкурсные управляющие добросовестно исполняют свои обязанности. Довольно часто встречаются случаи отказа или уклонения конкурсного управляющего выделять средства на подготовку к передаче документов на хранение, ссылаясь на отсутствие необходимых денежных средств.

Например, в КУВО «ГАВОДЛС» в 2015 г. обратился представитель ОАО «Семилукский огнеупорный завод» по вопросу передачи на государственное хранение архивных документов в связи с ликвидацией организации. Сотрудники архива выехали на место хранения документов и в результате предварительной проверки их физического, технического состояния, а также схемы описания были выявлены недостатки в формировании дел и подготовке к архивному хранению. Для того чтобы передать данные документы по личному составу на государственное хранение в архив, необходимо осуществить комплекс работ по их отбору, упорядочению, составлению научно-справочного аппарата. Однако на сегодняшний день документы так и не приведены в архивно-технический порядок в соответствии с правилами и не переданы на государственное хранение.

Определенные трудности возникли с передачей на хранение документов по личному составу фонда ОАО «Воронежсельмаш» (АО «Триер»). Ссылаясь на отсутствие достаточных средств, конкурсный управляющий выполнил лишь минимум, требуемый к подготовке документов, – оформление обложек дел, нумерация листов, составление листов заверителей дел и частичное составление описи дел.

Проблемы при передаче документов объясняются также отсутствием в законодательстве прямого указания, на какой стадии организации необходимо начать подготовку документов для сдачи в архив. Несвоевременное обращение конкурсных управляющих или представителей ликвидационных комиссий (ликвидаторов) в архив при завершении ликвидационных процедур, когда отсутствует время на подготовку документов к передаче и финансовые средства для заключения возмездных договоров, зачастую приводит к утрате документов. Фактов недобросовестного исполнения конкурсными управляющими своих обязанностей более чем достаточно.

Согласно письму Росархива от 11 декабря 2014 г. № 2/2342-А «О передаче документов негосударственных организаций на хранение в государственные и муниципальные архивы», архивные учреждения могут принимать архивные документы только на основании договоров. В нашей практике встречались случаи, когда конкурсные управляющие пытались передать документы путем почтового отправления или грозились оставить их у входа в архив. Что говорит о низкой степени ответственности конкурсных управляющих при передаче дел в архив.

Недобросовестная работа конкурсных управляющих приводит к внеплановому приему документов по личному составу от организаций, ликвидированных в ходе банкротства. Ситуация усугубляется тем, что в ряде случаев в архив поступают документы от организаций, ликвидированных в ходе банкротства, в неупорядоченном состоянии или некачественно подготовленные. Учитывая загруженность архива, последующее использование переданных документов для обеспечения социальных прав граждан весьма затруднено.

Ярким примером является предприятие ОАО «Тяжэкс» им. Коминтерна, процедура конкурсного производства в отношении которого была введена в июне 2004 г. В июне 2015 г. процедура банкротства была завершена, о чем архив даже не был проинформирован. Конкурсным управляющим в нарушение ст. 129 Федерального закона от 26.10.2001 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» не была

исполнена его прямая обязанность – передача на хранение документов должника, подлежащих обязательному хранению в соответствии с федеральными законами.

Со стороны архива и управления делами Воронежской области в течение всего периода банкротства предприятия проводилась работа, направленная на передачу документов по личному составу ОАО «Тяжэкс» им. Коминтерна на государственное хранение: неоднократные обращения непосредственно к конкурсному управляющему, в саморегулируемую организацию Некоммерческое партнерство объединенных арбитражных управляющих «Авангард», в управление федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии по Воронежской области, в прокуратуру Коминтерновского района г. Воронежа. К сожалению, предпринятые усилия не принесли положительного результата.

В связи с угрозой утраты документов по личному составу ОАО «Тяжэкс» им. Коминтерна работники госархива в конце 2017 г. вынуждены были переместить материалы в подвальное помещение архива в неупорядоченном состоянии, не позволяющем осуществлять их использование.

В настоящее время в архиве, как в плановом порядке, так и сверх плана за счет повышения производительности труда и перевыполнения показателей эффективности деятельности, ведется работа по подготовке документов ОАО «Тяжэкс» им. Коминтерна к выдаче архивных справок (проверка состояния и наличия документов, формирование и реформирование дел, переплет, подшивка, оформление обложек дел, нумерация листов, составление описи дел и т.д.). Без осуществления указанных видов работ использование документов невозможно.

С проблемой бесхозных документов архив в процессе своей деятельности неоднократно сталкивался и ранее. Документы по личному составу таких организаций, как ОАО «Пластмасс», ОАО «Финист», Воронежский горпромторг, после ликвидации были безответственно брошены бывшими владельцами на территории предприятий. Для защиты прав граждан на пенсионное обеспечение работникам архива пришлось своими силами доставлять в архив и проводить научно-техническую обработку документов вышеуказанных организаций. В результате безответственного хранения часть документов была утрачена. Количество ликвидированных организаций с неустановленным местонахождением документов по личному составу увеличивается ежегодно.

В соответствии со статьей 27 Федерального закона «Об архивном деле в Российской Федерации» должностные лица, виновные в нарушении законодательства об архивном деле в Российской Федерации, несут гражданско-правовую, административную и уголовную ответственность, установленную законодательством Российской Федерации. Однако на практике арбитражные управляющие редко привлекаются даже к административной ответственности.

В заключение хочется отметить, что сотрудники архива, несмотря на все трудности, возникающие в работе с ликвидированными организациями при подготовке и приеме документов по личному составу в государственный архив, прилагают все возможные усилия для того, чтобы обеспечить сохранность документов данных организаций как на местах, так и в процессе их использования в архиве при исполнении запросов, связанных с социальной защитой граждан.

Обеспечение сохранности документов в Государственном архиве Воронежской области

Н.И. Новикова,
*начальник отдела обеспечения
сохранности документов
Госархива Воронежской области*

В Госархиве Воронежской области на хранении находится около миллиона дел на бумажной основе, из которых более 140 тысяч относятся к дореволюционному периоду, более 17 тысяч являются особо ценными. Документы архива начали свой отсчет с XVII в. (ранний документ датируется 1611 г.) и фрагментарно охватывают 400-летний период становления и развития воронежского края. Кроме того, архив располагает фонодокументами, фотодокументами, кинодокументами, видеодокументами и микрофильмами страхового фонда документов на бумажной основе.

Главнейшая задача архивной службы вообще и отдела обеспечения сохранности документов в частности – сохранить для потомков этот громадный массив ценной исторической информации.

Весь комплекс документов обслуживает отдел обеспечения сохранности. В состав отдела входят 14 специалистов: начальник отдела, 4 заведующих архивохранилищами, которые несут персональную ответственность за сохранность документов и противопожарную безопасность во вверенных им хранилищах, 3 главных архивиста, 5 ведущих архивистов и 1 архивист I категории.

Документы размещены в 3 зданиях, территориально разобщенных между собой. Большинство из них сконцентрировано в хранилищах основного здания на ул. Плехановская, 7, четыре из которых занимают документы на бумажной основе, остальные – на других носителях. Хранилища оборудованы двусторонними металлическими стеллажами. Стеллажи и полки пронумерованы. Протяженность стеллажных полок госархива в 3 зданиях составляет 16 208 м, на которых размещены документы на бумажной основе. Для их поиска имеются пофондовая и постеллажная топографии. Дела в хранилищах располагаются в связках, незначительная часть – в коробках. Порядок расположения фондов в архиве определяется схемой их размещения по историческим периодам и отраслевому признаку.

Ежегодно хранилища пополняются вновь принятыми от организаций и частных лиц документами, согласно плану комплектования, что составляет более 6 тысяч дел на бумажной основе, а также фото-, фоно- и видеодокументами. Доку-

менты распределены между заведующими архивохранилищами и архивистами в соответствии с их количеством и интенсивностью использования.

В круг обязанностей семи сотрудников, обеспечивающих сохранность документов в хранилищах, входит:

- прием документов на постоянное хранение, их учет, формирование связок с оформлением ярлыков, размещение в хранилищах;
- подготовка документов к выдаче (нумерация листов, проверка нумерации);
- выдача документов во временное пользование представителям организаций-фондообразователей, исследователям в читальный зал, сотрудникам госархива;
- учет, регистрация выданных из хранилищ документов;
- прием возвращенных дел, их подкладка в связки и коробки в соответствии с описями;
- проверка наличия и физического состояния документов на бумажной основе и других носителях;
- выявление и отбор находящихся в неудовлетворительном физическом состоянии документов, передача их на консервационно-профилактическую обработку и реставрацию;
- выявление и учет особо ценных дел;
- восстановление угасающих текстов документов;
- поддержание чистоты, порядка и необходимого температурно-влажностного режима в хранилищах.

Аналогичная работа проводится с документами на других носителях (прием, проверка наличия и химико-физического состояния, выдача и т.д.).

Период становления Государственного архива Воронежской области пришелся на первые годы советской власти, когда 6 апреля 1919 г. был создан губархив, а из фондов губернского музея выделены документы для его комплектования. За почти столетнюю историю своего существования архив пережил Гражданскую и Великую Отечественную войны, многочисленные переезды и эвакуации.

Первым архивистам пришлось собирать документы по лавкам, торгово-промышленным заведениям, где в них заворачивали отпускаемые покупателям товары. В архиве из-за нехватки площадей и недостатка финансирования дела лежали на полу навалом в малоприспособленных неотапливаемых помещениях. Это наложило свой отпечаток на их состояние.

Поэтому реставрация документов является одним из важнейших этапов в деле обеспечения их сохранности.

Реставрационная лаборатория входит в структуру отдела обеспечения сохранности документов и включает в себя 6 специалистов. Из них: 2 главных архивиста, 3 ведущих архивиста и 1 архивист I категории. Обязанности распределены между сотрудниками по степени сложности реставрации.

Основными направлениями работы лаборатории являются:

- реставрация и консервация документов на бумажной основе;
- консервационно-профилактическая обработка микрофильмов страхового фонда;

- сканирование фотодокументов;
- подшивка и переплет дел;
- изготовление ксерокопий документов;
- фотосъемка объектов и событий, имеющих важное значение в жизни региона.

Лаборатория ежегодно реставрирует более 40 тысяч листов различной степени сложности, в их числе документы XVII-XVIII вв., генеалогические древа, планы, схемы, газеты и т.д., что составляет около 500 дел. Все документы, прошедшие реставрацию, подшиваются и переплетаются. После обновления дела возвращаются в хранилища.

Выдача документов из хранилищ осуществляется по заказам, поступающим от пользователей читального зала и сотрудников архива, занимающихся исполнением различного рода запросов (тематических, генеалогических, социально-правового характера), а также информационно-публикаторской деятельностью (написание статей, проведение теле- и радиопередач, подготовка сборников документов, организация фотодокументальных выставок, экскурсий, чтение лекций, докладов и т.д.).

Воронежский архив с каждым годом становится все более привлекательным не только для наших краеведов, но и для ряда российских и зарубежных исследователей, так как располагает интереснейшими документами, освещающими историю заселения воронежского края, строительство Воронежа и других городов, борьбу с крымскими татарами и участие в походах против турок. В архиве хранится богатейший материал о строительстве Петром I в Воронеже военно-морского флота России.

В фонде Воронежской казенной палаты можно найти сведения о семье А.П. Чехова, русских поэтах А.В. Кольцове, И.С. Никитине, художнике И.Н. Крамском.

В фонде Воронежского дворянского депутатского собрания, Воронежского предводителя дворянства имеются списки дворянских родов, дворянские родословные книги Воронежской губернии, сведения об учреждении Михайловского Воронежского кадетского корпуса, о предках русского писателя И.А. Бунина, о рождении известного шахматиста А.А. Алехина, документы об известном педагоге Н.Ф. Бунакове и др. В фондах Воронежской городской управы, Воронежского губернского по земским и городским делам присутствия имеются документы об открытии заводов, торговых домов, училищ, театров, институтов, о сборе средств на строительство памятника И.С. Никитину, о народных промыслах и сельскохозяйственных выставках в Воронежской губернии, о строительстве Юго-Восточной железной дороги и др. Фонды Воронежского губернатора и Воронежского губернского правления содержат документы о революционной деятельности, о социально-политической борьбе рабочего класса за свои права, о волнениях крестьян и др.

Фонды советского периода представлены губернскими, уездными, волостными революционными комитетами, губернскими, уездными, волостными и сельскими советами, документы которых воссоздают довольно полную картину вре-

мен установления советской власти и Гражданской войны на территории Воронежской губернии.

Экономическое развитие воронежского края прослеживается в фондах Центрально-Черноземного экономического района, ЦЧОблисполкома, Воронежского облисполкома и горисполкома и др. Здесь имеются сведения о строительстве крупных промышленных предприятий, о выпуске продукции, развитии науки и техники.

В фонде редакции журнала «Подъем» имеются авторские рукописи известных писателей А. Платонова, Е. Дубровина, печатные рукописи стихов О. Мандельштама из «Воронежский тетрадей» и др.

Большую ценность представляют коллекции фронтовых писем и народного творчества, личных фондов, известных в свое время чиновников, военных, педагогов, писателей, издателей и т.д.

Существенно дополняют картину жизни воронежского края документы, рассекреченные в 90-е гг. XX в. Предреволюционный период, периоды Февральской революции, Временного правительства и Октябрьской революции представлены в фондах Воронежского губернского комитета партии социалистов-революционеров, партии кадетов Воронежского отделения, коллекцией листовок, воззваний, объявлений партий центральных и местных органов власти, общественных организаций царского и Временного правительств, Воронежского губернского жандармского управления, Канцелярии Воронежского губернатора и др.

Страшную и развернутую картину периода фашистской оккупации территории Воронежской области в 1942-1943 гг. дает фонд Воронежской областной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников. Документы фонда содержат сведения о расстрелах мирных граждан в Песчаном логу, на улицах Воронежа и в районах области, об утоне воронежцев в Германию, создании концлагерей, об ущербе, причиненном фашистами в период Великой Отечественной войны народному хозяйству Воронежской области.

Неменьший интерес вызывают хранящиеся в госархиве фотодокументы. К ним относятся виды дореволюционного и послереволюционного Воронежа.

Фотодокументы о Великой Отечественной войне представляют разрушенный Воронеж, а также отображают зверства фашистов, учиненные над мирными жителями. Дополняют коллекцию фотодокументы участников войны – Героев Советского Союза.

Послевоенный период представлен фотодокументами, отражающими достижения воронежцев в разных областях народного хозяйства, науки, культуры. Это снимки строящихся промышленных объектов, митингов и демонстраций трудящихся, открытия театров, музеев, мемориальных досок и т.д. В коллекции фотодокументов достойное место занимают видные деятели политики, науки, культуры, прославившие воронежскую землю.

Относительно новыми документами в архиве являются электронные документы.

В 2004 г. на смену кинодокументам на пленочных носителях пришли видеодокументы, в 2006 г. архив прекратил прием фонодокументов на магнитной ленте и с 2007 г. осуществляет прием фонодокументов на лазерных дисках. С 2008 г. взамен фотодокументов на пленочных носителях архив перешел на прием фотодокументов в цифровом варианте. С 2009 г. в архиве было положено начало оцифровке документов на бумажной основе.

Работа отдела обеспечения сохранности документов осуществляется в тесном взаимодействии с другими структурными подразделениями госархива.

Стабильный кадровый состав отдела, высокая квалификация его сотрудников позволяют работать в хорошем ритме, справляясь с возложенными на него задачами.

О работе отдела комплектования и экспертизы ценности документов Государственного архива Воронежской области

Н.В. Щербакова,
*начальник отдела комплектования
и экспертизы ценности документов
Госархива Воронежской области*

Комплектование Государственного архива Воронежской области – это систематическое пополнение его документами, образующимися в деятельности организаций и учреждений города Воронежа и Воронежской области.

Комплектование архива включает в себя:

- определение источников комплектования архива;
- определение состава архивных документов, подлежащих приему в архив;
- прием-передачу архивных документов в архив.

Основными задачами отдела являются повышение качества подготовки документов для передачи их на государственное хранение, а также получение денежных средств от оказания платных услуг по обработке документов учреждений, организаций и предприятий города Воронежа и области.

Деятельность отдела способствует планомерному и качественному комплектованию государственного архива, формированию единой системы научно-справочного аппарата для документов, хранящихся в государственных и ведомственных архивах.

В соответствии с Федеральным законом № 125-ФЗ от 22 октября 2004 г. «Об

архивном деле в Российской Федерации» документы постоянного хранения должны приниматься на дальнейшее хранение в государственный архив в упорядоченном состоянии.

Сотрудники отдела комплектования и экспертизы ценности документов при оформлении документов и дел в организациях проводят научно-техническую обработку документов строго в соответствии с федеральным законодательством и «Правилами организации хранения, комплектования, учета и использования документов архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в органах государственной власти, органах местного самоуправления и организациях» (М., 2015).

При оформлении документов постоянного хранения и по личному составу в организациях Воронежа и области специалистами отдела в первую очередь проводится экспертиза ценности документов – это изучение документов на основании критериев их ценности в целях определения сроков хранения документов и их отбора на постоянное хранение. Отнесение документов к составу Архивного фонда Российской Федерации осуществляется по результатам экспертизы ценности и на основании принципов историзма, системности и целостности путем комплексного применения критериев происхождения, содержания, внешних особенностей документов.

К критериям происхождения относятся: роль и место организации в системе государственного управления или конкретной отрасли, значимость выполняемых ею функций.

К критериям содержания относятся: значимость события, отраженного в документе, значение имеющейся в документе информации, вид документа, подлинность документа.

К критериям внешних особенностей относятся: оформление документа, его физическое состояние.

При проведении экспертизы ценности документов осуществляется отбор документов постоянного и временного (свыше 10 лет) хранения, отбор документов с временными сроками хранения, подлежащих дальнейшему хранению в структурных подразделениях, выделение к уничтожению дел за предыдущие годы, сроки хранения которых уже истекли. При этом одновременно проверяются качество и полнота действующей номенклатуры дел организации, правильность определения сроков хранения дел, заведенных в соответствии с номенклатурой, соблюдение установленного порядка оформления документов и формирования дел путем полистного просмотра дел. Отбор документов постоянного хранения проводится на основании перечней типовых архивных документов с указанием сроков хранения, перечнями документов, образующихся в процессе деятельности федеральных органов государственной власти, иных государственных органов РФ, а также в процессе деятельности подведомственных им организаций, с указанием сроков хранения (отраслевые перечни), а также сроками хранения отдельных видов архивных документов, в том числе не вошедших в указанные перечни, которые устанавливаются законодательством РФ.

Кроме проведения экспертизы ценности дел сотрудниками отдела при оформлении документов проводится также работа по формированию дел – это группировка исполненных документов дела в соответствии с номенклатурой дел, отбор и группировка по вопросам, систематизация по хронологии, выделение дублетных документов, выделение из ранее сформированных дел не относящихся к ним документов, после этого проводится составление заголовков и оформление обложки дела, брошюровка документов, переплет дел в картонную обложку, нумерация листов в деле, простановка архивных шифров, штампов на обложке дела, оформление листа заверителя.

По окончании работы сотрудниками отдела составляются: историческая справка – составляется в том случае, если организация обрабатывается впервые, предисловие к описи постоянного хранения, в котором указываются изменения в названии организации, если таковые происходили за обрабатываемый период, состав документов, особенности формирования документов, а также полного фонда.

По результатам экспертизы ценности документов и соответственно всего комплекса работ, связанных с оформлением документов, составляются описи дел постоянного хранения и по личному составу, а также акты о выделении к уничтожению дел, не подлежащих хранению, в дальнейшем описи и акты рассматриваются на заседании ЭПК управления делами Воронежской области. ЭПК управления делами Воронежской области утверждает описи дел постоянного хранения и согласовывает описи дел по личному составу.

В настоящее время в отделе работают 6 сотрудников. Обязанности сотрудников отдела распределяются следующим образом: начальник отдела контролирует качество выполняемых работ, поступление денежных средств, планирует работу с организациями, проводит совещания в организациях, главные и ведущие архивисты отдела проводят работу по экспертизе ценности документов, отбору дел на хранение или уничтожение, составление НСА к описям, архивисты 1-й категории занимаются технической обработкой документов, составлением описей на дела по личному составу и временного хранения. Опытные специалисты являются наставниками для начинающих сотрудников. Кадровый состав отдела обеспечивает стабильность и качество его работы.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ

Российское Черноземье в Смутное время. Свидетельства документов

В.Н. Глазнев,

*д. и. н., декан исторического
факультета Воронежского
государственного университета*

В XVI в. территория современного российского Черноземья составляла часть Поля – обширного малозаселенного пространства, через которое проходили пути вторжений отрядов из Крымского ханства. На Поле Российское государство создавало систему оповещения о неприятельских набегах – станичную и сторожевую службу. Центральное Черноземье было местом промыслов (охоты, рыбной ловли, бортничества) для населения прилегающих территорий.

В 1568 г. на Поле на берегах верхнего Дона был построен город-крепость Данков. С 1585/1586 г. на Поле возводились новые российские города-крепости Воронеж (1585/1586), Ливны (1585/1586), Елец (1592), Курск (1596), Белгород (1596), Оскол (1596), Валуйки (1599), Царев-Борисов (1599)¹. В 1612 г. Царев-Борисов был разрушен и не восстановлен², с 1613 г. к числу городов-крепостей на Поле стала относиться Лебедянь³.

Основное население городов-крепостей – приборные служилые люди: стрельцы, городовые казаки, пушкари. Их набирали из крестьян и служилых людей близлежащих южнорусских уездов. Так, Елец и его округу заселяли жители: Орловского, Новосильского, Пронского, Алексинского, Тульского, Каширского, Соловского, Крапивенского, Епифанского, Болховского уездов. Наряду с набором «охочих» людей в Елец «сводили» ратных людей. В частности, 60 полковых казаков перевели в Елец из Ливен. На жительство в Елец переводили тульских пушкарей. Гарнизон

Ельца пополняли донские казаки. К осени 1592 г. по царскому указу за рекой Сосной под Лутовым болотом поселились 30 донских казаков с атаманами М.А. Шлыком и Р. Дробышевым (Клушиным). Это место отвели им воеводы, потому что «та слобода всему городу крепость». Голова Б. Хрущев принимал в воронежские казаки выходцев из тульских, рязанских, орловских мест, с «вольного» Дона и других степных рек, выдавал им жалование деньгами и хлебом, отводил землю.

По указу в окрестностях Ельца следовало испоместить 200 детей боярских из числа неслужилых родственников. До 19 августа 1592 г. кн. А.Д. Звенигородский и И.Н. Мясной верстали 164 человека из разных городов. В присутствии окладчиков им определили поместные оклады и денежное жалованье: 1-й статье – 200 четвертей в Поле, 6 руб. в год, 2-й статье – 150 четвертей в Поле, 5 руб., 3-й статье – 100 четвертей в Поле, 4 руб. 31 августа 1592 г. елецкий воевода кн. А.Д. Звенигородский и И.Н. Мясной получили распоряжение – отделить землю детям боярским в соответствии с их окладами по реке Сосне и за Сосной, чтобы на отведенных землях елецкие помещики могли строить дворы и распахивать землю. На время устройства елецкие дети боярские освобождались от станичной службы и городского дела. Как можно заметить, елецкие дети боярские были мелкопоместными по сравнению с представителями этой категории замосковных городов⁴.

Под Воронежем, Валуйками, Царевым-Борисовым до Смуты дети боярские не испомещались. Эти города были населены только приборными служилыми людьми. Корпорация воронежских детей боярских сформировалась в Смутное время, в Валуйках детей боярских не было до конца XVII в. Невоенное посадское и крестьянское население на Поле до Смуты было малочисленным. В известных нам документах сведений о нем не сохранилось.

В годы царствования Бориса Годунова (1598-1605) в пяти городах Черноземья (Елец, Воронеж, Курск, Белгород, Оскол) была установлена отработочная государственная повинность – десятинная пашня. Ее размер для каждого города составлял 200 десятин в Поле. Десятинная пашня обрабатывалась детьми боярскими, стрельцами, казаками, пушкарями и посадскими людьми. Они выполняли повинность на своих лошадях и со своим инвентарем.

Собранный с десятинной пашни урожай использовался на различные государственные нужды: выдавался в качестве жалованья тем служилым людям, которые еще не были устроены землей, отвозился в Царев-Борисов и Валуйки для содержания послов, отправлялся к донским казакам. Связанная с принуждением повинность могла исполняться в условиях стабильности в государстве. Но мирные времена закончились.

13 октября 1604 г. границу России перешел отряд Лжедмитрия I. Под его властью оказались Чернигов, Путивль, Рылск⁵. Их жители захватили воевод и отвели их к самозванцу. По распоряжению царя Бориса в Брянске сосредоточились крупные военные силы, во главе которых был назначен боярин Ф.И. Мстиславский. В войско были призваны стрельцы и казаки из Воронежа и Ельца⁶.

В январе-феврале 1605 г. бои с самозванцем шли с переменным успехом. Осада Рылска войсками боярина Ф.И. Мстиславского закончилась неудачей. Отступление правительственных войск из-под Рылска укрепило позиции «ца-

ревича Дмитрия». Движение в его поддержку ширилось. Самозванца признал самый южный российский город-крепость Царев-Борисов. На сторону самозванца перешли 500 стрельцов, которые несли службу в Цареве-Борисове⁷.

Весть о поражении годиновских войск под Рильском распространилась по южной окраине государства, «царевича Дмитрия» признали крепости: Белгород, Валуйки, Оскол. В это же время на сторону самозванца перешли Воронеж, а чуть позже – Ливны и Елец. Их жители привели в Путивль к Лжедмитрию своих воевод, закованных в цепи⁸. Отказ от подчинения назначенным из Москвы воеводам, признание «царевича» означало распространение гражданской войны на территорию российского Черноземья.

С весны 1605 г. осаждавшая Кромь правительственная армия была охвачена брожением. Оно еще более усилилось после смерти Бориса Годунова 13 апреля 1605 г. В начале мая 1605 г. под Кромами произошел антигодуновский мятеж. После того как все казаки и стрельцы были приведены к присяге Лжедмитрию I, их отпустили по домам. «И от того в городах учинилась большая смута»⁹, – отметил составитель разряда. Стрельцы и казаки, отпущенные в Воронеж и Елец, вернулись в города, уже ставшие на сторону самозванца. Лжедмитрий I послал в восставшие против Годунова города своих воевод. Он издал указ, обеспечивающий ему прочную поддержку южных городов, – отменил десятинную пашню. «Государевы десятины» были разделены между жителями.

После воцарения Лжедмитрия I в Москве гражданская война в городах-крепостях на Поле временно затихла. Царем было принято решение о войне с Османской империей и Крымом. Он начал подготовку к походу на турецкую крепость Азов, расположенную в устье Дона. Базой русской армии был избран Елец, в который в течение зимы свозились оружие и припасы. К Азовскому походу готовилась дворянская армия¹⁰. Но планы наступления на Азов сорвались. Самозванец был убит, воцарился Василий Шуйский.

На южных окраинах В. Шуйского не поддержали. Здесь ходили слухи о спасении «царя Дмитрия». В Путивле появился Иван Болотников – воевода «царя Дмитрия». Он собрал войско для похода на Москву. Жители городов Черноземья восстали против Василия Шуйского. Посланных им воевод убивали. В Белгороде был убит воевода П.И. Буйносов, в Цареве-Борисове – М.Б. Сабуров, в Осколе – М.В. Бутурлин, а из Ливен воевода М.Б. Шеин еле-еле успел убежать¹¹. Около двух месяцев правительственная армия безуспешно осаждала Кромь и Елец и в августе 1606 г. потерпела поражение под этими крепостями¹².

Как свидетельствовали очевидцы, жители южных городов жестоко расправлялись с присланными из Москвы начальниками и другими людьми: их бросали с высоких башен, подвешивали за ноги, иных распинали на крепостных стенах¹³. Гражданская война на юге Российского государства разгоралась с новой силой.

Царь Василий Шуйский стремился установить свой контроль над окраиной. В 1607 г. Василий Шуйский посылал в Воронеж воеводой московского дворянина Михаила Самсоновича Дмитриева (в боярском списке 1606-1607 гг. дворянин московский М.С. Дмитриев указан с пометой «На Воронаже»)¹⁴ – представите-

ля старинного служилого рода. В том же 1607 г. в Воронеж посылался кн. Даниил Иванович Долгорукий Шибановский – сын погибшего от черкас в Воронеже в 1590 г. князя Ивана Андреевича Долгорукого. В боярском списке 1606-1607 гг. дворянин московский кн. Д.И. Долгорукий указан с пометой «На Ворожа»¹⁵. В 1608 г. царь Василий Шуйский посылал в Воронеж воеводу кн. Федора Борисовича Елецкого и голову Бориса Хрущева¹⁶. Ранее они уже были воронежскими воеводой и головой.

В какой-то момент царь Василий Шуйский утратил власть над пограничными городами. В 1610 г. Воронеж находился во власти Лжедмитрия II, который в это время находился в Калуге. Лжедмитрий II готовил в Воронеже убежище, снабдив город оружием и продовольствием¹⁷.

После смещения царя Василия Шуйского с престола Воронеж не вошел в число городов, присягнувших королевичу Владиславу. Город находился в зоне влияния Первого ополчения, пытавшегося освободить Москву от польских войск. В условиях ослабления центральной власти и продолжавшейся гражданской войны возросло значение самоорганизации населения. В Курске в 1612 г. известен губной староста А. Мезенцев, очевидно, выбранный местными сословными группами¹⁸. В Воронеже в 1611-1612 гг. шло составление поручных записей по служилым людям¹⁹, между тем о воронежских воеводах 1611-1612 гг. сведений нет.

«Утвержденную грамоту» 1613 г. об избрании на царство Михаила Федоровича Романова подписали выборные представители городов-крепостей на Поле. Из Курска – И. Паркин от имени курских дворян, детей боярских, посадских и уездных людей. Из Ливен – егорьевский поп Гавриил представлял детей боярских и казаков. Из Оскола – спасский поп Богдан от имени детей боярских, казаков и стрельцов. Из Белгорода – богородицкий поп Исаак от имени детей боярских, атаманов, казаков и стрельцов²⁰. Обращает на себя внимание тот факт, что из четырех выборных «полевых» городов три были священниками. Грамотные и обладающие влиянием лица из числа духовенства выступили как объединяющие представители от разных сословных групп.

После избрания царем Михаила Романова правительство повело решительную борьбу с И.М. Заруцким. В Воронеж в 1613 г. были отправлены воеводы кн. Михаил Андреевич Куракин и Иван Язвцов Жук²¹. Им была прислана грамота из Москвы с предписанием собрать ратных людей и отправить их против Заруцкого.

В июне 1613 г. И.М. Заруцкий со своим войском занял Лебедянь. Против него была направлена правительственная армия под командованием И.Н. Одоевского. Перед лицом превосходящих сил Заруцкий, не принимая боя, оставил Лебедянь и направился к Воронежу²².

Среди воевод армии И.Н. Одоевского находился Мирон Андреевич Вельяминов. О его службе свидетельствует челобитная сыновей 1647 г., в основу которой положен послужной список воеводы. В источнике сообщается, что в ходе продвижения Заруцкого к Воронежу «воронежские атаманы, усманские и соколовские, все своровали, Маринке крест целовали и пошли с ними под Воронеж»²³.

По Дозорной книге Воронежского уезда 1615 г. известны размещенные на берегах р. Усмани атаманы сел Собакина и Бобяково, а также ступинские и излого-

щинские атаманы. О соколовских атаманах ни Дозорная книга Воронежского уезда 1615 г., ни Воронежская десятина 1621/22 г. ничего не сообщают. А.Л. Станиславский предположил, что текст челобитной Вельяминовых испорчен и следует читать: «ступинские». Однако данные челобитной Вельяминовых в основном подтверждаются другими документами, что свидетельствует о том, что источник в целом достоверен.

Донские беломестные атаманы и казаки размещались в г. Воронеже в 1594 г. Они были переведены из Ряжска и Данкова²⁴. Позднее в окрестностях Воронежа поселились новые группы казаков. Жившие в селах казаки назывались «слободскими». Как считал В.П. Загоровский, при поступлении на службу все казаки отдельных групп называли себя иногда атаманами, так, видимо, возникли села, где жили одни «атаманы»²⁵.

Возможно, атаманы были поселены под Воронежем в конце 1612 – начале 1613 г. Небольшая часть казаков – участников Первого ополчения, как показал А.Л. Станиславский, получили земли сразу после освобождения Москвы. Поместьями наделялись видные представители казачества, отмечено и групповое помещение неверстанных казаков в Оскольском уезде. По их челобитной отделялась земля в Голубиной поляне. О землевладении голубинских беломестных казаков сохранились сведения в Оскольской дозорной книге 1615 г.²⁶

В описи архива Разрядного приказа отмечен «отпуск по челобитью усманских казаков о воронежских землях 121 году»²⁷. Не исключено, что в челобитной казаков речь шла о наделении землями в Воронежском уезде на р. Усмани в 1612/13 г.

Как отмечал В.П. Загоровский, на рубеже XVI-XVII вв. в среднем течении р. Воронеж на землях бояр Романовых возникли первые постоянные селения; крестьяне Романовых стали распахивать здесь целину. Позже, в 20-х гг. XVII в., владельцем вотчины был Иван Никитович Романов, дядя царя Михаила Федоровича, центром вотчины являлось село Романово городище²⁸.

Севернее Романова городища располагалось с. Соколье. В 1647 г. в этом месте возникла крепость Белгородской черты Сокольск (ныне городская черта Липецка). Время возникновения села Соколье не известно. Выскажу предположение о том, что упомянутые в послужном списке М.А. Вельяминова соколовские атаманы связаны с этим местом. Известно, что И.М. Заруцкий со своими сторонниками шел к г. Воронежу по правому берегу одноименной реки. Не исключено, что из Лебедяни он вышел к р. Воронеж в районе с. Соколье.

Если жившие на реках Воронеж и Усмань слободские атаманы поддерживали И.М. Заруцкого, то остальные воронежские служилые люди сохраняли верность царю Михаилу Романову. Примечательно, что сражение войска И.М. Заруцкого с правительственной армией произошло у Русского рога, за четыре версты от воронежской крепости. Казачий предводитель оказался между двух огней, и ожесточенное сражение окончилось его поражением.

Многу высказывалось предположение о том, что Воронежский уезд образовался в 1598-1605 гг. в связи с испомещением детей боярских в окрестностях Воронежа²⁹. М.Ю. Зенченко оспорил это мнение. Он обратил внимание на то обстоятельство, что помещики Воронежского уезда перечислены в Дозорной книге

1615 г. без упоминаний о дворах. М.Ю. Зенченко отмечал, что «собственных дворов нет не только у помещиков, но и у крестьян (хотя дозорщик различал наличие у помещиков крестьян – сравним «пашни паханные помещиковы и крестьянские» и «пашни паханные помещиковы»). По мнению М.Ю. Зенченко, в 1615 г. еще вся помещицья запашка обрабатывалась наездом. По его словам, возникновение уезда надежно датируется 1615 г.³⁰

Представляется, что существуют основания отнести возникновение Воронежского уезда к более раннему времени. В период с 15 мая по 12 августа 1613 г. в Москве выдавались грамоты на поместья воронежским детям боярским, причем некоторые из поместий названы «старыми». Например, «Мая в 15 день: Запечатана грамота в Воронежской уезд в жеребей села Рамони по челобитью Нелюба Томашина: отказная на старое поместье. Пошлин полполтины. Взято»³¹. В июне 1613 г. И.М. Заруцкий разорил воронежские деревни: Синдякину, Остапову, Сушиловку. Следовательно, дворы в этих населенных пунктах размещались. В 1612/13 г. был основан Борщев монастырь, поместье в с. Белый колодезь было получено владельцем по грамоте 1612/13 г.³² Таким образом, в 1613 г. поселения в Воронежском уезде уже существовали, а появились они, возможно, ранее.

С начала XVI в. – времени завершения политического объединения русских земель – сложилась практика назначения наместников и воевод в те уезды, где администраторы не имели земельных владений. Отступления от традиционной практики прослеживаются в эпоху Смуты³³. Наблюдения Б.Н. Флори можно дополнить воронежскими материалами. В 1613 г. И.И. Язвецов – второй воевода в Воронеже. По боярскому списку 1606-1607 г. И.И. Язвецов – рязанский дворянин с окладом 500 четвертей³⁴. В том же 1613 г. И.И. Язвецов получил грамоту на поместье в Воронежском уезде в с. Белколодезь площадью сто четвертей в Поле. И.И. Язвецов продолжал владеть поместьем и после прекращения воронежского воеводства. По Дозорной книге Воронежского уезда 1615 г. в Белколодезе находилось поместье И.И. Язвецова, была построена деревянная Богоявленская церковь, пахалась помещицья и крестьянская пашня. По грамоте 1615 г. поместье И.И. Язвецова в с. Белколодезь увеличивалось до трехсот четвертей в Поле.

После кн. М.А. Куракина воронежским воеводой был назначен кн. Василий Петрович Ахамашуков-Черкасский. В это время князь был еще относительно молодым человеком, родственником нового царя Михаила Романова. В.П. Ахамашуков-Черкасский начинал службу еще до Смуты в чине жильца. До назначения в Воронеж он упоминался в боярском списке 1606-1607 гг. как стольник, участвовавший в битве с войсками Болотникова под Калугой. Кн. В.П. Ахамашуков-Черкасский, так же как и И.И. Язвецов, являлся помещиком Воронежского уезда. В 1615 г. ему принадлежал починок Усть-Двуречки в сто четвертей в Поле³⁵.

Итак, при назначении воронежских воевод в 1613 г. традиция определять на этот пост лиц, не имеющих земельных владений в уезде, не соблюдалась. Сказывалась, по всей видимости, сложная обстановка в стране. Воцарение Михаила Романова, бои с мятежным Заруцким вызывали исключение из общего правила. По всей видимости, применительно к Воронежу – это единственное исключение. Ни до 1613 г., ни после 1613 г. местные землевладельцы воеводами не назначались.

Необходимо заметить, что города-крепости на Поле страдали не только от внутренних междоусобиц. В 1613-1614 гг. окрестности крепостей подвергались нападениям татар и «воровских» черкас. В десятипудовый воронежский востовой колокол при известиях о вражеских нападениях били так часто, что он раскололся. В 1613-1614 гг. началось восстановление воронежской крепости – под руководством воевод построили новый острог. Однако башни и крепостные стены оставались непокрытыми, тайник, ведущий из города к реке, завалился. Последствия разорения еще предстояло преодолеть.

В годы Смуты десятинная пашня в городах Черноземья была заброшена. Ее восстановление осуществилось в 1616 г. Учитывая последствия Смуты, правительство в два раза сократило объем работ, определив площадь десятинной пашни в 100 десятин в Поле для каждого из пяти городов. Постепенно десятинная пашня заменялась натуральным налогом. Он назывался посопный, отсыпной или десятинный хлеб. В Воронеже замена была осуществлена с 1621 г. За каждую десятину «государевой пашни» следовало собирать со служилых и посадских по 10 четвертей ржи и по 10 четвертей овса. В общей сложности на воронежцев налагалась обязанность выплачивать 1000 четвертей ржи и 1000 четвертей овса в год. В Курске по примеру Воронежа замена десятинной пашни на посопный хлеб была осуществлена в 1628 г. В течение XVII в. посопный хлеб вместо десятинной пашни вводился и в других городах Черноземья.

В 1617-1618 гг. произошло обострение отношений с Речью Посполитой. На этот период пришлось мощные удары польско-литовских отрядов по южной окраине России. В 1617 г. был уничтожен Оскол. Гетман Сагайдачный разорил Ливны, Елец, Лебедянь, Данков, Сапожок, Рязск и Шацк. Им же был уничтожен Михайлов и сожжены посад и острог в Калуге³⁶.

В феврале 1618 г. произошло нападение пятитысячного польско-литовского отряда на Воронеж. Штурм неприятеля был отбит³⁷. Свой успех воронежцы объяснили заступничеством святителя Алексея, в день памяти которого произошло событие. В память о нем воронежцы устроили монастырь в честь святителя Алексея³⁸, существующий поныне.

Преодоление последствий гражданской войны начала XVII в. потребовало значительных усилий общества и власти. В пограничных городах юга России после Смуты остро стояла необходимость укрепления системы обороны, восстановления разрушенных земледелия, ремесел и торговли.

¹ Загоровский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI в. Воронеж, 1991. С. 16, 105, 188-236.

² Фоминов А.В. Нерешенные вопросы истории «польских» городов Московского государства: основание Валук и гибель Царева-Борисова//Очерки феодальной России. М.; СПб., 2013. С. 223

³ Гамаюнов А.И. Лебедянь в начале XVII в. Липецк, 2013. (Исторический квартал. Иллюстрированный научно-популярный альманах историко-культурного наследия Липецкого края. Вып. 3). С. 69.

⁴ Российская крепость на южных рубежах. Документы о строительстве Ельца, заселении города и окрестностей в 1592-1594 гг. Подг. текста, вступ. ст. и коммент. В.Н. Глазьев, Н.А. Тропин, А.В. Новосельцев. Елец, 2001. С. 36, 116, 124-127, 179, 64-65.

⁵ Тюменцев И.О. Лжедмитрий I и жители Северщины в самом начале Смуты //Представительные институты Смуты в России в контексте европейской истории XV- середина XVII в. С. 201-208.

⁶ Станиславский А.Л. Труды по истории государева двора в России XVI-XVII вв. М.: РГГУ, 2004. С. 384.

⁷ Русская историческая библиотека. СПб., 1872. Т. 1. С. 393.

⁸ Скрынников Р.Г. Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII в. Л., 1985. С. 210-211.

⁹ Белокуров, С.А. Разрядные записи за Смутное время (7113-7121 гг.) / С.А. Белокуров. – М., 1907. С. 5.

¹⁰ Лаврентьев А.В. Царевич-царь-цезарь. СПб., 2001. С. 121.

¹¹ Анпилов Г.Н. О восстании в Среднем Поволжье и г. Осколе //Вестник Московск. Ун-а. Серия 9, История. 1969. № 2. С. 91-96.

¹² Скрынников Р.Г. Смута в России в начале XVII в. Иван Болотников. Л., 1988. С. 84-91.

¹³ Восстание И. Болотникова: Документы и материалы. М., 1959. С. 110.

¹⁴ Станиславский А.Л. Труды по истории государева двора в России XVI-XVII вв. С. 83, 139.

¹⁵ Там же. С. 300.

¹⁶ Белокуров, С.А. Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.) / С.А. Белокуров. – М., 1907. С. 179.

¹⁷ Записки гетмана Жолкевского о Московской войне // Тушинский вор: личность, окружение, время. М., 2001. С. 43.

¹⁸ Глазьев В.Н. Власть и общество на юге России в XVII в.: противодействие уголовной преступности. Воронеж, 2001. С. 69.

¹⁹ Глазьев В.Н. Поручная запись воронежских стрельцов (начало XVII в.) // Советские архивы. 1991. № 5. С. 94.

²⁰ «Утвержденная грамота» 1613 г. об избрании на царство Михаила Федоровича Романова //Козляков В.Н. Смута в России. XVII век. М., 2007. С. 522.

²¹ Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.) / С.А. Белокуров. – М., 1907. С. 108.

²² Станиславский А.А. Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. М., 1990. С. 72.

²³ Челобитная шацких дворян М.М. и А.М. Вельяминовых о поместье с описанием службы их отца окольничего М.А. Вельяминова //Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII в. М., 2003. С. 342.

²⁴ РГАДА. Ф. 141. Приказные дела старых лет. Оп. 1. 1594 г. № 1. Ч. 2. Л. 1-3.

²⁵ Загоровский В.П. Белгородская черта. Воронеж, 1969. С. 30.

²⁶ Оскольские древности. Оскольская дозорная книга 1615 г. /Подг. текста А.П. Никулов. Старый Оскол, 2004. С. 13, 89.

²⁷ Описи архива Разрядного приказа XVII в. Подг. текста и вступ. ст. К.В. Петрова. СПб., 2001. С. 65.

²⁸ Загоровский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI в. Воронеж, 1991. С. 234.

²⁹ Глазьев В.Н. Власть и общество на юге России в XVII в.: противодействие уголовной преступности. Воронеж, 2001. С. 56, 307.

³⁰ Зенченко М.Ю. Южное российское порубежье в конце XVI – начале XVII в. М., 2008. С. 177-179.

³¹ Документы Печатного приказа (1613-1615 гг.)/Сост. акад. С.Б. Веселовский. М., 1994. С. 109 и сл.

³² Материалы для истории Воронежской и соседних губ. Т. 2. Воронежские писцовые книги. Воронеж, 1891. С. 130.

³³ Флоря Б.Н. Польско-литовская интервенция в России и русское общество. М.: Индик, 2005. С. 90-91.

³⁴ Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII в. 1601-1608. Сборник документов. М., 2003. С. 145.

³⁵ Материалы для истории Воронежской и соседних губ. Т. 2. Воронежские писцовые книги. Воронеж, 1891. С. 130.

³⁶ Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.; Л., 1948. С. 67.

³⁷ Книга сеунчей 1613-1619 гг. Документы Разрядного приказа о походе А. Лисовского (осень-зима 1615 г.). М.; Варшава, 1995. С. 54-55.

³⁸ Материалы по истории монашества на Дону: Обзор грамот Коллегии Экономии // Воронежская старина. Воронеж, 1903. Вып. 2. С. 116; Зверев С. Историческое известие об основании Воронежского Алексеевского монастыря // Воронежские епархиальные ведомости. 1892. № 21. С. 846-847.

Архивные документы о продовольственном положении Воронежской губернии в годы Первой мировой войны

М.Д. Карначев,
д. и. н., профессор Воронежского
государственного университета

Толчком к началу Великой русской революции 1917 г. стал продовольственный вопрос. Точнее, вопрос с обеспечением городов и армии хлебом. Лозунг женщин-работниц Петербурга с требованием “Хлеба!” стал мощным детонатором социального взрыва, приведшего к стремительному крушению монархического строя.

Истоки и причины крушения российской монархии в феврале 1917 г. исследовались долго и основательно. Существует громадная литература, посвященная анализу глубоких социальных корней освободительного движения в России. Абсолютное большинство исследователей (как отечественных, так и зарубежных)

оценивало падение самодержавно-монархического строя как закономерный и неизбежный итог долголетнего противостояния власти и прогрессивных сил русского общества¹. При этом ближайшие и непосредственные причины революции связывались с тяготами Первой мировой войны, точнее с неспособностью самодержавия организовать эффективное руководство жизнью воюющей страны. Советские историки старались доказать, что продовольственный кризис был закономерным итогом антинародной политики властей, заинтересованных исключительно в обеспечении прибылей и выгод эксплуататоров всех мастей: помещиков, промышленной и торговой буржуазии. В работах В.Я. Лаверычева, А.Л. Сидорова, А.П. Погребинского, Т.М. Китаниной собран большой фактический материал о продовольственных трудностях в годы войны. Но основной вывод всех трудов одинаков: иного развития событий при царизме быть не могло, спасти страну от голода и разорения могла только социалистическая революция².

После распада СССР историки чаще стали говорить о стихийном характере Февральской революции. Действительно, сохранилось множество свидетельств о том, что падение династии поразило современников своей внезапностью. Ни либеральные, ни революционные деятели не ожидали такой скорой и оглушительной развязки. Хорошо известно, например, что В.И. Ленин в январе 1917 г. очень осторожно, почти пессимистично, расценивал перспективы русской революции³.

Стремительный выброс народной энергии в феврале 1917 г. породил немало версий о потаенных пружинах революционного процесса, в том числе о германских провокациях и подкупе⁴. Широкое хождение приняли версии о таинственном заговоре масонов⁵. Новейшие исследования показывают, что суждения о стихийном характере народного движения в Петрограде страдают сильными преувеличениями. События, приведшие к потере власти последнего русского царя, отмечает Б.Н. Миронов, «следует рассматривать не как господство стихийности и хаоса, а как острую борьбу интересов различных группировок и личностей, пытавшихся извлечь для себя максимум выгоды из созданного ими же острого политического кризиса, который застал их не врасплох, а хорошо подготовленными»⁶. При таком разбросе суждений необходимо изучение обстановки в регионах. Оно должно пролить свет на подлинные причины кризиса государства на исходе тяжелой войны.

В данной статье содержится попытка проследить, как складывалась реальная ситуация в типичном и характерном углу обширной страны. При этом автор исходил из того, что любое, в том числе, казалось бы, самое закономерное событие, совершали живые персонажи истории, люди, с присущими им интересами и представлениями. Участники событий могли совершать подвиги и преступления, их разумные, порой мудрые поступки чередовались с грубыми ошибками и даже с глупостью. Исторический процесс не был фатальным, в нем были и состоявшиеся варианты, и неосуществленные альтернативы. Не надо, кроме того, лишний раз доказывать, что социальная ситуация, сложившаяся в Воронежской губернии, была типичной и, при некоторых частных отличиях, повторилась в большинстве регионов обширной страны.

Для начала – один любопытный документ из архивного фонда Воронежской городской управы. Примерно за месяц до падения монархии группа депутатов

городской думы во главе с городским головой Н.В. Чмыховым направила губернатору М.Д. Ершову докладную записку. В ней, в частности, говорилось: “З сего (1917 г. – М.К.) января городским головою было создано чрезвычайное заседание городской думы для рассмотрения доклада Продовольственной комиссии управы по вопросу о снабжении населения города Воронежа мукой. В докладе этом были выражены нижеследующие основные положения. Городское управление, взяв, в силу сложившихся обстоятельств, в свои руки с осени 1915 г. мучное дело и выпуская в продажу, по заготовительной цене пшеничную муку, тем самым, до известной степени, сдерживало тенденцию частных продавцов к непомерному поднятию цен на этот продукт. С введением в конце лета 1916 г. твердых цен на предметы продовольствия, положение резко изменилось к худшему. Первое время торговцы допродавали старые запасы, а мельницы домалывали ранее закупленное зерно, а через несколько недель мельницы совершенно остановились, частные мукомолы прекратили свои операции и почти единственным поставщиком муки для городских пекарен и всего населения города стала являться городская управа, которая располагала весьма недостаточными запасами, быстро сокращавшимися, благодаря оказавшейся невозможности их пополнения.

Положение со снабжением населения пшеничной мукой еще более обострилось месяца два тому назад, вследствие чего городская дума в заседании 31 октября 1916 г. поручила управе сделать через городского уполномоченного обследование на местах, где, по справкам, были более или менее значительные склады пшеницы и попытаться закупить возможно большее количество зерна.

Результаты такой меры со стороны городского управления оказались самые плачевные: поездки на места были сделаны, запасы пшеницы были найдены, но купить их по добровольному соглашению, за весьма незначительным исключением, не удалось; путь же реквизиции оказался для года совершенно недоступным⁷. Пшеницы, сообщалось в записке, в Воронеже осталось так мало, что городские власти вынуждены прекратить выдачу муки пекарям. “При условии отпуска населению пшеничной муки порциями по 5 фунтов на человека в месяц исключительно по карточкам, запасов ее хватит приблизительно на 4 месяца⁸”.

При таких условиях, естественно, должен сильно увеличиться расход ржаной муки. Пятимесячный запас ее для 167-тысячного населения города и его пригородов должен составлять 1 250 000 пудов из расчета по 250 тысяч пудов в месяц. Однако Воронежской думе пришлось констатировать “весьма печальный факт, что при существующем положении нет твердой уверенности и в том, что город будет обеспечен в достаточном количестве даже ржаным хлебом⁹”. Дело в том, что все наличное поступление ржи и ржаной муки уже распределено по нарядам для военных поставок. “Таким образом, при недостатке хлеба, при недостатке мясного питания, жиров и прочих пищевых продуктов, уже в довольно ближайшей перспективе рисуются страшные призраки надвигающегося голода и, быть может, народных волнений... и это в то время, когда огромные запасы хлеба, с риском подвергнуться порче, лежат на железнодорожных станциях в ожидании транспорта”. Считая, что положение еще можно исправить, городские депутаты просили губернатора принять срочные меры “для предотвращения огромного народного бедствия¹⁰”.

Этот красноречивый документ требует пояснений. Понятно, что мировая война стала тяжким испытанием для народа. Причем не только для российского. Перевод экономики на военные рельсы, массовые мобилизации, колоссальный рост государственных расходов не могли не сказаться на резком ухудшении материального положения народных масс. Однако война для немого числа людей создала благоприятные условия для легкого и скорого обогащения. Проявления вопиющей социальной несправедливости дали мощный толчок нарастанию политических конфликтов в разных слоях общества.

Между тем в первые месяцы войны положение с продовольственным обеспечением не вызывало больших опасений ни у властей, ни у большинства жителей империи. Русское сельское хозяйство, вставшее со времени премьерства П.А. Столыпина на путь рационального переустройства, неуклонно наращивало свой потенциал. В стране перед войной полностью удовлетворялись внутренние потребности в продуктах питания. Большие объемы зерновых культур (до 800 млн пудов) ежегодно экспортировались на мировые рынки. И в годы войны сельское хозяйство вполне успешно справлялось с повышенными нагрузками. Урожайи военных лет оказались не ниже благополучных показателей мирного времени. Прекращение же хлебного экспорта вело к образованию сверхнормативных запасов зерна, которые к 1916 г. превысили, по подсчетам специалистов, 1 млрд пудов¹¹. Известный русский экономист проф. П.П. Мигулин в начале войны писал: «Страна земледельческая, Россия, конечно, пострадает вследствие сокращения экспорта своих сельскохозяйственных продуктов. Однако это будет иметь и свою хорошую сторону: названные продукты подешевеют для внутреннего потребления, в то время, как они резко должны подорожать в странах промышленных»¹². По оценке современников и исследователей, отмечал П.В. Волобуев, «несмотря на обусловленное войной сокращение сельскохозяйственного производства в стране к весне 1917 г. имелись изрядные запасы хлеба, оставшиеся от богатого урожая 1915 г. и среднего урожая 1916 г.»¹³. Не испытывавший никаких симпатий к столыпинской политике и к монархии А.М. Анфимов фактически также признавал устойчивость отечественного сельского хозяйства. Даже без учета хлебных запасов Сибири, писал он, «которые были весьма значительными, Европейская Россия вместе с армией до самого урожая 1917 г. могла бы снабжаться собственным хлебом, не исчерпав всех остатков хлеба от урожаев прошлых лет»¹⁴.

Положение с продовольствием в Воронежской губернии тем более не должно было внушать опасений. В начале XX в. экономика губернии оставалась преимущественно аграрной, причем значительная часть производимой продукции систематически вывозилась в промышленные районы страны и на экспорт. По вполне достоверным данным губернской земской управы, ежегодный вывоз хлебов из губернии в 1909-1913 гг. превышал их ввоз примерно на 30 млн пудов¹⁵. По данным 1915 г., на продовольственные нужды в губернии оставалось свыше 86 млн пудов зерна и свыше 33 млн пудов картофеля. В пересчете на душу населения это составляло соответственно 25,9 пуда хлебов и чуть больше 10 пудов картофеля. Такие показатели считались очень хорошими, заметно превышавшими потребности населения. Продовольственные запасы, таким образом, не должны

были вызывать опасений. По словам председателя Воронежской уездной земской управы Н.А. Александрова, «уездное земство пришло к убеждению, что население Воронежского уезда благодаря хорошему урожаю в достаточной мере обеспечено рожью, просом и картофелем, т.е. предметами, которые оно не покупает»¹⁶.

Конечно, не все было гладко. Во время войны воронежским земледельцам пришлось столкнуться с серьезными трудностями. По мобилизациям в армию из губернии ушло около 400 тыс. трудоспособных крестьян¹⁷. Тем не менее, оставшиеся дома труженики справлялись с повышенными нагрузками. Сказались несколько факторов: довольно ощутимый избыток трудовых ресурсов мирного времени, рациональный курс столыпинского землеустройства, использование труда военнопленных¹⁸. Все три предреволюционных года показатели сбора хлебов и картофеля были в Воронежской губернии вполне благополучными. В 1914 и 1916 гг. общие сборы зерновых составили около 110 млн пудов, а в 1915 г. урожай вообще был очень хорошим (ок. 150 млн пудов), существенно более высоким, чем средний по меркам довоенного времени. При этом озимых хлебов было собрано свыше 63 млн пудов, яровых – около 72 млн пудов и картофеля свыше 33,4 млн пудов¹⁹. Если учесть, что, по расчетам авторитетного в ту пору экономиста А.В. Чаянова, потребительская норма хлебов в губернии составляла 18 пудов на едока в год, то для удовлетворения собственных продовольственных нужд требовалось около 55 млн пудов, из которых горожанам вполне хватало 2 млн пудов. На семена требовалось около 20 млн пудов. Следовательно, в губернии должны были оставаться ощутимые товарные хлебные ресурсы (от 35 до 75 млн пудов ежегодно).

Располагая общей информацией о достаточности ресурсов, власти поначалу фактически не вмешивались в действие привычных экономических отношений и рыночных связей. Потребности населения обеспечивались свободной торговлей, в том числе продуктами первой необходимости. Но все же определенные ограничения на рынке продовольствия и фуража стали применяться уже в первые дни войны. В отношении армейских нужд был сразу введен принцип обязательных закупок по фиксированным ценам. Безусловное обеспечение закупок для военных потребностей достигалось установлением цены на них, как правило, несколько превышающей рыночную²⁰. Финансовое обеспечение такой операции обеспечивалось печатным станком²⁰. Кроме того, необходимо было гарантированно снабжать предметами первой необходимости работников оборонной промышленности. Поставками, обеспечивавшими нужды обороны, руководил правительственный орган – Главное управление земледелия и землеустройства, преобразованное вскоре в Министерство земледелия. На местах его представляли особые уполномоченные по закупкам хлеба для армии, получившие право приобретать продовольствие в необходимых объемах. В Воронежской губернии таким уполномоченным стал председатель губернской земской управы и член Государственного Совета Российской империи В.Н. Томановский.

В первые месяцы войны практически все предметы первой необходимости (хлеб, мясные и молочные продукты, топливо и промышленные товары) в продаже были. Об этом свидетельствовали сообщения с мест уездных исправников и руководителей учреждений общественного самоуправления. Однако к началу

1915 г. появились тревожные симптомы: обнаружился заметный рост цен практически на все товары первой жизненной необходимости. В свободной торговле стали замечаться первые признаки сбоев, все более широкое развитие стала приобретать спекуляция. Оптимистический прогноз проф. П.П. Мигулина об удешевлении продовольствия на внутреннем рынке оказался несостоятельным.

Что повлияло на рост цен в первые месяцы войны? Это вопрос обсуждался на совещании при воронежском губернаторе 3 февраля 1915 г. На нем были представлены руководители администрации, земства, управления железной дороги, биржевого комитета и видные торговцы. Губернатор Г.Б. Петкевич собрал это совещание из-за полученной им телеграммы министра внутренних дел Н.А. Маклакова, потребовавшего выяснить причины роста цен на предметы первой необходимости и выработать меры по удержанию этих цен “на нормальном уровне”. Из собранной перед совещанием информации следовало, что к началу 1915 г. рост цен был еще не повсеместный. Например, “чрезмерное” (на 25-30%) повышение цен на хлеб, соль, рыбу, топливо и корма было зафиксировано в Землянском уезде, зато в Валуйском и Коротоякском уездах потребительский рынок был спокоен, здесь не отмечалось ни особого роста цен, ни дефицита продуктов²¹. Об осязаемом росте цен 26 января 1915 г. доносил острогужский уездный исправник. Здесь до войны пуд ржаного хлеба стоил 1 р., теперь же – 1 р. 40 к. при вполне достаточном урожае. Объяснялось такое положение воздействием внешних причин: размещением в уезде войск, прибытием большого числа беженцев, спекуляциями.

Как полагали участники совещания, на рост цен полагали три основных фактора. Прежде всего, взяв в свои руки закупки хлеба для армии, правительство сразу же установило для этой операции цены выше рыночных, в первую очередь для стимулирования производителей. В некоторых уездах помещики поспешили продать хлеб еще осенью, когда велась массированная закупка военными заготовителями по благоприятной цене. По данным уполномоченного по военным закупкам, к началу 1915 г. в Воронежской губернии было закуплено 3 млн пудов ржи и 2 млн пудов овса, “что для Воронежской губернии составляет незначительное количество хлеба”. Некоторое количество хлеба закупили и уполномоченные из других губерний, хотя первоначально закупки такого рода допускались только в своих регионах²². Председатель Воронежской уездной земской управы Н.А. Александров заметил: “Мне представляется, что для нашего уезда причина повышения цен, во-первых, сравнительно большая скупка для войск, когда все более или менее крупные землевладельцы весь свой хлеб тотчас же запродали, так что у нас запасов почти не имеется, или очень мало”²³. Между тем, сравнительно низкий урожай в уезде вынудил и многих крестьян прибегать к покупке хлеба. Второй фактор повышения цены – массированный вывоз хлеба из губернии скупщиками из других регионов, особенно близких к театру военных действий западных губерний. Назван был и третий фактор – начавшееся обесценивание рубля.

Крестьяне же стали уменьшать вывоз хлеба на базар “в видах сохранения у себя запасов” на тот случай, если в эту весну из-за сокращения рабочих рук им придется уменьшить посевную площадь. Некоторые участники совещания жаловались на то, что подвоз хлеба по железной дороге стал труден²⁴. Однако началь-

ник специально учрежденного для организации железнодорожных перевозок Воронежского порайонного комитета Л.М. Щербаков заявил, что в январе 1915 г. Воронеж получил больше вагонов, чем в январе 1914 г.: при перевозках хлеба – на 600, угля – на 14 и дров – на 152 вагона²⁵.

Общий вывод совещания был вполне обнадеживающим: «Из поступивших ответов видно, что крайнего недостатка в предметах первой необходимости в данное время в губернии не имеется и, хотя цены на эти предметы постоянно растут, однако чрезмерного их повышения не наблюдается». Правда, тревожные признаки появились. Цены, пусть не чрезмерно, но неуклонно росли. На совещании выяснилось, что учреждения Госбанка утратили роль регулятора хлебного рынка, так как все его элеваторы переданы военному интендантству. Между тем, подвоз из Сибири и других мест стал крайне трудным из-за перегруженности железных дорог военными перевозками²⁶.

Надо отметить, что местные власти с самого начала войны хорошо представляли себе меру социальной опасности, связанную с ростом дороговизны. Еще в сентябре 1914 г. совещание городских голов пришло к заключению о необходимости немедленного введения такс, т.е. цен, выше которых продажа не допускалась. По действовавшему городовому положению они могли касаться только печеного хлеба и мяса. Причем некоторые города, сообщил на февральском совещании губернатор, назначили таксы и на другие товары первой необходимости (соль, спички, керосин, дрова, воду), «так что я был поставлен перед таким положением: или опротестовать это постановление, как незаконное, или пропустить; но так как время было чрезвычайное, я решил их все пропустить и они были за отсутствием протеста подведены под мои обязательные постановления, чтобы гарантировать население от чрезмерного повышения цен»²⁷. Таксы рассчитывались на основании фактической себестоимости произведенных продуктов и стоимости их доставки на рынки. На протяжении войны таксы росли, но все-таки не так быстро, как того хотелось производителям и торговцам. Кроме того, губернатор стал издавать обязательные постановления, которыми устанавливались справочные цены на прочие жизненно важные товары (муку, овощи, молочные продукты). Первое такое постановление было издано 11 сентября 1914 г. Губернаторские постановления отражали реальное положение рынка на каждый данный момент. Полиция должна была следить за тем, чтобы торговцы не допускали необоснованного повышения цен.

Вторым мероприятием регулирования стал запрет на вывоз из пределов губернии хлеба и других жизненно важных продуктов до выполнения казенных закупок. Право такое губернаторы получили в середине февраля 1915 г. И сразу же стали пользоваться. Уже 17 февраля губернатор Г.Б. Петкевич издал обязательное постановление о запрете свободного вывоза из губернии овса до 1 мая 1915 г., а спустя пять дней запрет был распространен на вывоз зерновых продуктов, муки, фуража. Право на вывоз сохранили только представители казенных и общественных учреждений, снабженные специальными разрешениями²⁸. Но это мероприятие имело крайне негативные последствия. Оно ощутимо повлияло на расстройство частной торговли, при этом никакой государственной системы снабжения населения создано не было²⁹. Как справедливо отметила Т.М. Китанина, «страна

подверглась искусственному делению на ряд “уделов”, слабо связанных в хозяйственном отношении действиями военной администрации”³⁰.

Ограничения вывоза из пределов губернии практиковались все же редко. В апреле 1915 г. воронежские представители приняли участие во Всероссийском совещании руководителей городских управ в рамках Всероссийского городского союза. На этом совещании городские головы дружно заговорили об отрицательных последствиях запретов на вывоз. Неизбежные разрывы привычных связей оказались куда более разрушительными для экономики регионов, чем разовые вывозы продуктов и фуража³¹.

Между тем, цены весной и летом 1915 г. продолжали упорно расти. К концу первого года войны стало ясно, что административные методы сдерживания цен начинают порождать дефицит и развитие черного рынка. Спекуляция предметами первой необходимости начинала приобретать все более изощренный характер. Таксы сплошь и рядом нарушались, действенного контроля над торговлей администрации установить не удалось. Особенно болезненно рост цен сказывался на положении малоимущих городских слоев, отчасти интеллигенции и даже мелкого чиновничества, чьи доходы явно не успевали за ростом цен. Стали реальными страхи по поводу возможных акций социального протеста. Поэтому городское самоуправление летом 1915 г. решило усилить свою активность на этом направлении и выступило с инициативой организации собственной продажи предметами первой необходимости без торговых наценок. Для этого управа решила открыть особые лавки, предварительно закупив продовольствие для них. Иначе говоря, городская управа попробовала выйти на рынок продовольствия в качестве самостоятельного субъекта и попытаться ограничить деятельность алчных торговцев. К такому решению воронежские руководители пришли после проведенного в Москве в апреле 1915 г. съезда Всероссийского городского союза. На нем они узнали, что первой к самостоятельным продажам населению предметов первой необходимости приступила Московская городская дума, выделившая на эти цели 3 млн руб.³²

В соответствии с решением городской думы от 14 октября того же года уполномоченные управы закупили за пределами губернии 176 вагонов ржи и 9 вагонов пшеницы. Заготовленное зерно было направлено на городские мельницы, а затем поступило в продажу по заготовительной цене в зависимости от сорта от 1 р. 40 коп. до 2 р. 80 коп. за пуд³³. Вскоре такие же операции были проведены с солью и сахаром. Для закупок городской управе пришлось брать кредиты, но объем их был невелик, кроме того, по мере реализации товаров, деньги возвращались в городскую казну.

Местные деятели назвали такую акцию “муниципализацией” торговли. Поначалу администрация оценила эту акцию городской думы как весьма позитивную. Оценивая реакцию населения, начальник ВГЖУ 16 декабря 1915 г. информировал губернатора: “По полученным во вверенном мне управлении негласным сведениям попытки Воронежского городского самоуправления продавать по нормальной расценке муку бедной части населения встречены с некоторым удовлетворением как первые шаги в борьбе с торговыми спекулянтами, но в то же время вызывают критику в том смысле, что ничего пока не предпринято в смысле

контроля, дабы мука эта попадала в руки действительно нуждающихся, а не кулаков-спекулянтов, кстати очень и открыто недовольными этими начинаниями управы³⁴.

Поддержку курсу на “муниципализацию” оказали руководители железнодорожного ведомства. В начале 1916 г. Центральный комитет по регулированию массовых перевозок грузов по железным дорогам предоставил право на внеочередные перевозки продовольствия только так называемым квалифицированным получателям, т.е. уполномоченным по закупкам продовольствия, казенным, городским и земским учреждениям, губернаторам и кооперативам. Железнодорожное руководство стремилось внести в дело перевозок плановость и лишить частные предприятия и торговые фирмы “той доминирующей роли на рынке, которую они до сих пор играли”³⁵. Председатель Воронежского порайонного комитета 16 января 1916 г. с удовлетворением сообщал губернатору: “Проявленная с этой стороны инициатива Воронежской городской управы заслуживает быть отмеченной, так как в настоящее время городом организована собственная продажа муки, угля, дров, сахара и тем урегулированы в значительной степени цены на эти продукты”. Одобрив акцию городской думы, порайонный комитет информировал губернатора, что он “совершенно прекращает выдачу разрешения на перевозку грузов в адрес частных лиц и тем ставит их в зависимость от административных и общественных учреждений... Таким образом, дело снабжения г. Воронежа продовольственными грузами, а равно и всеми прочими, потребными для нужд местной промышленности, должно считаться урегулированным, и борьба с растущей спекуляцией спекулянтами для города так или иначе обеспечена”. Оставалось, считал начальник комитета, такую практику распространить и на все уездные города³⁶.

Оптимистическая, но, как скоро выяснилось, нереалистическая оценка железнодорожного начальства выглядела курьезной даже в административных кругах того времени. “Муниципализация” оказалась и недолговечной, и безупречной. Городская управа, в частности, не смогла обеспечить должного порядка при организации торговли через свои лавки. Дешевая мука часто попадала в руки совсем не тех, кому она предназначалась. Обеспокоенный губернатор 21 декабря 1915 г. направили в адрес городского самоуправления письмо, в котором указал, что благой почин “не вполне достигает цели” и городская мука попадает в руки не тех, для кого она заготавливается. “По имеющимся у меня сведениям, много муки приобретают в городской лавке через подставных лиц местные торговцы для перепродажи, а более или менее значительная часть ее попадает в руки крестьянам, приезжающим из отдаленных местностей не только Воронежского, но и других уездов”. У лавки, сетовал губернатор, происходит давка, нуждающихся горожан оттесняют спекулянты, “причем нередко бывают случаи, когда лица, покупающие муку со спекулятивной целью, здесь же, около лавки, переступают ее с надбавкой цены”. В такой ситуации губернатор советовал подумать о применении карточной системы³⁷.

На фоне военных трудностей росли и политические амбиции городского самоуправления. В конце ноября 1915 г. Воронежская дума приняла решение о создании продовольственного комитета, в состав которого планировалось ввести, кроме думцев, гласных уездного и губернского земств, других компетентных лиц.

Такой комитет, в сущности, должен был стать параллельным органом власти и сосредоточить в своих руках все дело снабжения. Однако губернатор запретил эту инициативу как явно противоречащую закону о городском самоуправлении³⁸.

К весне 1916 г. продажа продуктов в лавках городской управы приостановилась. Воронежский полицмейстер С.К. Булыгин поспешил проинформировать губернатора о том, что у него появились сведения о нечистоплотных замыслах: "По имеющимся у меня сведениям Воронежская городская управа прекратила продажу жителям города муки, по-видимому, с целью дать возможность усиленно поторговать мучным торговцам, которые почти все состоят гласными Думы". Жители города крайне возмущены, писал полицмейстер, так как среди них упорно циркулируют слухи о том, что перед Пасхой торговцы хотят взвинтить цену муки до 7-8 р. за пуд. На этой почве возможны массовые беспорядки.

Разгневанный губернатор потребовал от полицмейстера немедленно представить доказательства преступных действий членов городской управы. Скоро, впрочем, выяснилось, что никакого сговора гласных думы нет. Городская управа развесила плакаты с объявлением, что продажа муки приостановлена ввиду истощенности запасов³⁹. Но эпизод этот очень красноречив: коронная администрация и общественное самоуправление и в условиях войны продолжали давнее соперничество, инструментом которого теперь становился продовольственный вопрос. Заложником в таком противостоянии мог быть только народ.

Тем временем почин городской управы стал утасать, а запрет на перевозку грузов в адрес частных лиц обернулся обострением проблемы дефицита продовольствия и еще более крутым ростом цен. Ограничительные мероприятия по отношению к давно апробированным механизмам рынка, а затем и введение твердых цен не замедлили, а только ускорили рост спекуляции и дороговизны. Купить хлеб было сложно, но даже успешная покупка еще не гарантировала успех дела. Представители городской управы не могли своевременно доставить закупленный хлеб из-за громадного дефицита железнодорожных вагонов. На заседании городской думы 26 ноября 1915 г. остро обсуждалась проблема доставки закупленной в Ростове-на-Дону пшеницы. Управляющий Юго-Восточной дорогой поначалу уверял, что вагоны будут даны, но когда руководители управы показали телеграмму своего уполномоченного о том, что вагонов для доставки пшеницы из Ростова не дают, "местное железнодорожное начальство пожимало плечами и кончилось дело тем, что на последнем заседании у губернатора пришли к заключению, что без подкупа мы вагонов не получим". В итоге уполномоченному пришлось дать "широкие полномочия", и 40 вагонов пшеницы в Воронеж все-таки прибыли⁴⁰. Такое откровенное торжество коррупции да еще в условиях войны наглядно свидетельствовало о подрыве авторитета государственной власти.

В январе 1916 г. воронежский губернатор М.Д. Ершов снова созвал совещание местных руководителей и деловых людей. И опять предметом обсуждения стали вопросы об устранении дефицита продуктов первой необходимости и о борьбе с дороговизной. Вновь поводом для созыва совещания стала телеграмма министра внутренних дел, на сей раз А.Н. Хвостова, отправленная руководителям центральных губерний России 1 января 1916 г. В ней министр сообщал об обеспокоенности

монарха разгулом спекуляции на внутреннем рынке. Николай II считал, что действия торговцев и предпринимателей можно расценить как непатриотические.

Участники встречи констатировали продолжение роста цен на предметы первой необходимости. Так, в Бобровском уезде пуд пшеничной муки 2-го сорта стоил до войны 1 р. 30 к., теперь его цена поднялась до 3 р. 50 к., т.е. более чем в два раза, цена пуда подсолнечного масла поднялась с 5 р. до 8 р. 80 к., пуда керосина – с 1 р. 65 к. до 2 р. 60 к., соли – с 35 к. до 50-55 к. и т.п. Сильно выросли цены на мясные продукты. Из Валук сообщали, что “повышение цен распространилось положительно на все предметы потребления, главным же образом чрезмерно повысилась цена на предметы, перевозимые по железной дороге”. Выступивший на совещании председатель Воронежской уездной земской управы Н.А. Александров сообщил о следующей динамике цен в своем уезде: пшеничная мука 1-го сорта подорожала с 2 р. (довоенный уровень) до 3 р. 80 коп., подсолнечное масло – с 4 р. до 8 р., сахар – с 16 коп. за фунт до 22-27 коп. Информация аналогичного содержания шла из всех уездов⁴¹.

Как видно из приведенных данных, цены на основные продукты выросли в губернии весьма существенно (в 1,5 – 2,5 раза), но все-таки галопирующим такой рост цен назвать нельзя. Кроме того, правильная оценка тяжести роста цен возможна лишь при сопоставлении их с уровнем заработной платы. В июне 1916 г. в составе правительства появилось новое ведомство – Особый комитет для борьбы с дороговизной, который возглавил кн. Н.Л. Оболенский. Он немедленно запросил губернскую администрацию об изменении в оплате труда на подведомственной территории. Информация эта была быстро собрана канцелярией губернатора. По полученным данным, дневные заработки отдельных категорий работников выглядели следующим образом:

В г. Воронеже		
	В июне 1914 г.	В июле 1916 г.
Землекоп	1 р. 20 коп.	3 руб.
Кузнец	1 р. 40 коп.	4 руб.
Маляр	1 р. 50 коп.	3 руб.
Печник	2 р.	4 р.
Плотник	1 р. 40 коп.	3 руб.
Столяр	2 р.	4 р.
Токарь	2 р.	4 р.
Слесарь	1 р. 75 коп.	4 р.
Чернаработчий / женщина	65 коп.	1 р. 25 коп.
Малолетний	50 коп.	1 р. 50 коп. ⁴²

По данным Воронежской ремесленной управы, заработная плата по хлебопечкарной промышленности до войны поручному рабочему составляла 15 р. в месяц, а в сентябре 1916 г. она составляла 40 р., мастеру до войны – 30 р., теперь – до

75 р., булочный мастер до войны получал 40 р., сейчас же – до 100 р. в месяц. До войны сапожник получал за изготовление пары штиблет 2 р., а пары сапог – 3 р., теперь же за пару штиблет он получал 5 р., а за пару сапог – 6 р.⁴³

Как видно, рост заработной платы у этих категорий работников до лета 1916 г., в общем, соответствовал росту цен. Примерно такая же картина наблюдалась (с небольшими колебаниями) и в уездах губернии. Только в Нижнедевицком уезде из-за отсутствия спроса на труд заработка выросли незначительно, примерно на 25-40% (например, у плотника с 1 р. 20 коп. до 1 р. 60 коп.)⁴⁴.

Зато очень заметно выросли дневные заработки сельскохозяйственных рабочих. По сообщениям земских управ в середине сентября 1916 г. дневные заработки в Воронежском уезде пешему батраку поднялись за время войны с 60 коп. до 2 р. 50 коп., конному – с 1 р. 10 коп. до 5 р., “в отдельных же случаях, как, например, по Рогачевской волости цена доходит до 4 р. пешему и до 14 р. конному”⁴⁵. Понятно, что заработки еще надо было иметь, а в условиях войны и резкого сокращения отхожих промыслов сделать это было совсем непросто. Поэтому для многих горожан рост дороговизны был крайне обременительным. Это касалось значительной части интеллигенции и даже чиновников, у которых заработки тоже подрастали, но не так заметно, как у работников, трудившихся по вольному найму.

Как же участники совещания определяли причины растущей дороговизны? Многие выступавшие сразу же отметили, что торговцы и предприниматели нередко создавали искусственный дефицит и, пользуясь этим, получали чрезмерные барыши. Видный торговец С.В. Типцев, например, заявил, что необходимо найти способы ограничения подобных сверхприбылей. Я предлагаю, говорил он, “ограничить пользу промышленности и торговли не более как 50%”. На удивленные реплики из зала по поводу величины таких доходов Типцев заметил, что “в настоящее время некоторые промышленники берут 300, 400 и даже 500%”. Опытный купец хорошо знал положение дел и, будучи разумным предпринимателем, предлагал строго наказывать дельцов, готовых, не считаясь с войной, гнаться за бешеной наживой⁴⁶.

Оживленный интерес на совещании вызвал вопрос об отношении крестьян к ценам на продовольственном рынке. Вплоть до столыпинских преобразований общинное крестьянство было заинтересовано в сохранении низких цен на хлеб. Такое, внешне противоестественное, отношение самых массовых производителей зерна к ценообразованию объяснялось элементарной бедностью пореформенной деревни. Осенью крестьяне должны были погашать разнообразные задолженности по налогам и повинностям, а весной не менее половины из них даже в благополучные годы покупали недостающее для пропитания зерно. Так как крестьяне являлись массовыми покупателями хлеба, цена на продовольственные товары в России оставалась многие десятилетия очень низкой. Но это означало, что хозяйственная деятельность крестьян ориентировалась, главным образом, не на рынок, а на внутреннее потребление. Низкие цены позволяли крестьянам реализовать главную цель их трудовых усилий – обеспечить жизнедеятельность собственных семей. На данное обстоятельство обращали внимание еще дореволюционные русские исследователи. “Почти двадцать лет тому назад, – отмечал один из них, – у нас возник го-

рячий спор о том, выгодны или невыгодны для трудового хозяйства высокие цены на хлеб. Защитники низких цен ссылались на то, что крестьянское хозяйство – потребительское, что миллионы крестьян покупают хлеб⁴⁷.

Январское совещание констатировало, что отношение крестьян к ценообразованию за время войны изменилось самым радикальным образом. Целевые установки крестьянской экономики стали все прочнее связываться с рыночной конъюнктурой. Главной задачей крестьянина становилось повышение доходности хозяйства. Участвовавший в работе совещания коммерсант И.В. Мещеряков обратил внимание на то, что укрепление материальных возможностей крестьян совпало с резким повышением спроса на их продукцию. В мясе, масле, яйцах, молоке и других продуктах нуждаются горожане, армия, многочисленные беженцы. Последних в Воронеже собралось до 80 тысяч. В таких условиях у воронежских крестьян стала быстро укореняться рыночная психология. “Торговец яйца продаст по 50-60 копеек, – говорил Мещеряков, – и у крестьянки точно так же дешевле не купите. Молочница говорит вам: по прежней цене я вам носить не буду, потому что в госпитале у меня по какой угодно цене берут”. Тяготы военного времени быстро изменили ценность крестьянского труда. “Теперь крестьянин, который имеет лошадку, зарабатывает 6-7 рублей в день, и таким образом нам от них ждать дешевых цен не приходится”⁴⁸.

За этими сетованиями Мещерякова скрывался факт драматического и давнего антагонизма интересов города и деревни. На протяжении десятилетий пореформенного развития отечественная промышленность и железнодорожное строительство поднимались не вместе с сельской экономикой, а за ее счет. Низкая доходность земледельческого труда являлась одним из решающих источников накоплений, необходимых для роста молодой российской индустрии. Но чрезвычайные обстоятельства военного времени неожиданно и круто изменили положение дел. Не без доли социального эгоизма крестьянство считало, что оно продуктами обеспечено, а городские потребители пусть теперь расплачиваются за долгую экономическую дискриминацию деревни.

Городской гласный и председатель продовольственной комиссии городской думы М.Н. Литвинов со всей определенностью говорил, что в Воронежской губернии не было объективной почвы для появления дефицитов. На недавно прошедшем съезде представителей городов, сказал Литвинов, “точно было установлено: причин повышения цен на предметы продовольствия в России нет и не должно быть”. Литвинов считал, что ни повышение стоимости рабочей силы, ни транспортные издержки не могли серьезно повлиять на ценовую ситуацию. Наша же губерния “в смысле обеспечения продуктами первой необходимости не нуждается ни в чем, за исключением антрацита, все остальные продукты Воронежская губерния вывозила не только в другие районы, но и вывозила за границу. У нас вопроса обеспечения продуктами первой необходимости нет, у нас есть только вопрос борьбы со спекуляцией”. Но если цены все-таки сильно выросли, значит, решающую роль в таком печальном развитии ситуации сыграли субъективные просчеты властей. Литвинов так и сказал: “Оказала влияние на повышение цен неумелая постановка дела”⁴⁹.

В чем же, по мнению участников совещания, эта неумелость проявилась? Большинство из них сошлось на том, что очень сильно осложнила социальную ситуацию попытка искусственного сдерживания цен на продовольственные товары. При этом цены на промышленные товары практически никак не сдерживались. “Не соображаясь ни со стоимостью товара, не соображаясь с теми этапами, которые нужно было пройти, – заявил профессор Воронежского СХИ Н.П. Макаров, – эта такса, нарушившая обычный товарооборот в стране, разрушила более или менее правильную организацию передачи товара”⁵⁰. Крестьяне попросту не желали продавать свою продукцию по фиксированным ценам.

До войны и до проведения аграрных реформ большинство воронежских крестьян испытывали острый недостаток денег. Теперь же положение изменилось самым радикальным образом. Вы, может быть, помните, горько шутил городской голова Воронежа Г.А. Пуле, что французский король Генрих IV мечтал о том, чтобы каждый его подданный раз в неделю имел курицу в супе. У нас сейчас, заявил Пуле, “каждый крестьянин может каждый день кушать не только курицу в супе. Мы слышим, как на базаре крестьянин говорит: не дашь мне за индейку 5 р., я сам ее дома съем. Значит, он может кушать не только курицу, но и индейку”. Крестьяне, отмечал Пуле, сейчас предпочитают не продавать скот, а наоборот, покупать его, “значит ясно, что запасы денег существуют. Крестьяне держат этот скот, не продают его в город, ясное дело, что цены на мясо должны повышаться... Но нам нужно подумать о том, что нам здесь делать для того, чтобы цены на продукты первой необходимости в Воронеже держались на известном уровне. Я только что сказал, что крестьяне не нуждаются, они желают, чтобы у них цены на сырые продукты стояли высокие, но они заявляют, что вот железо стало слишком дорого”⁵¹.

Пуле, таким образом, четко определил, что основную причину продовольственных трудностей горожан и быстрого ухудшения социально-политической ситуации надо искать в просчетах правительства. Во время войны нельзя было безнаказанно продолжать вести одностороннюю экономическую политику. А именно так можно было расценить административное регулирование цен на сельскохозяйственную продукцию. “Вот если бы, – продолжал Пуле, – при помощи железных дорог удалось бы доставить это мясо, то цены должны будут упасть... Я думаю, что если бы со спекуляцией бороться не тем, чтобы устанавливать таксы, а тем, чтобы в те места, где эти продукты дороги, привозить из тех местностей, где они дешевы, распоряжением правительства или местных властей по тем ценам, по которым можно сюда доставить, то всякая спекуляция должна будет пропасть в корне”⁵².

О вреде чрезмерного и при этом избирательного контроля властей говорил и Н.А. Александров. “Цены, – подчеркнул он, – повышаются исключительно в городе Воронеже, все регулируется в городе, и к этому чутко прислушивается деревня”. Председатель уездной управы привел колоритный пример: “Не далее как вчера один из священников рассказывал, как он поехал в Усмань, где продавались поросята по три рубля, ему показалось дорого, он поехал в Воронеж, но оказалось, что в Воронеже они 6 рублей, и когда он вернулся, уже этих поросят продавали по 6 рублей”⁵³.

На совещании много говорилось о том, что общее ухудшение экономического положения в губернии парадоксальным образом сочеталось с заметным ростом денежных доходов крестьянства. В одном только Коротоякском уезде (а уезд этот был одним из самых малых в губернии) крестьянам за полтора года войны было выплачено около полутора миллионов рублей в качестве ежемесячных субсидий за ушедшего на фронт призванного. Такие пособия от казны семьи мобилизованных получали по закону 25 июня 1912 г., в соответствии с которым каждый член семьи мог рассчитывать на денежное пособие в размере стоимости одного пуда 28 фунтов муки, 10 фунтов пшена, 1 фунта постного масла и 10 фунтов соли, причем это пособие выдавалось не только на членов прямой семьи, но и на отца, мать, деда, бабу, а также братьев и сестер, если эти лица содержались трудом призванного. На детей до 5-летнего возраста пособие выдавалось в половинном размере⁵⁴.

Кроме этого, около миллиона рублей сэкономили крестьяне из-за введения в России с августа 1914 г. запрета на продажу крепких спиртных напитков. Деревня, по многочисленным свидетельствам современников, в те месяцы войны отрезвела, что, естественно, не могло не улучшить ее финансового благополучия. «Вследствие закрытия казенных винных лавок, – доносил в октябре 1914 г. богучарский уездный исправник, – все население трезво, усиленного разврата не замечалось и особо выдающихся каких-либо явлений, заслуживающих внимания, за истекший сентябрь месяц в Богучарском уезде не было»⁵⁵. Донесения подобного рода в военную пору шли регулярно практически от всех уездных исправников. По точному наблюдению современного исследователя, для многих крестьянок военное лихолетье обернулось еще одним парадоксом: в их семьях наступил покой, а возросшие денежные остатки порождали чувство небывалой прежде комфортности. «Как признавались сами солдатики, до войны мужья часто пропивали деньги, одаривая их лишь иногда чаем да шелковым платочком. Теперь же, в военные годы, они сами могли решать, как и куда тратить деньги... В этих условиях понятными становятся слова одной из солдатских жен, услышанные корреспондентом «Тамбовского земского вестника» в августе 1916 г.: «Мы теперь воскресли, свет увидели. Дай, Господи, чтобы война эта подольше прошла»⁵⁶. Конечно, на такое экстравагантное пожелание могла отважиться лишь самолюбивая натура, да и то, видимо, сторяча. Но сам по себе этот факт такого настроения очень показателен. Есть основания говорить, считает современный историк, «о налаженной социальной политике государства по отношению к крестьянскому населению в годы Первой мировой войны. В некоторых случаях эти правительственные меры можно даже назвать скорее неразумными затратами, учитывая появление иждивенческих настроений в крестьянской среде»⁵⁷. Почва для таких настроений была во многих губерниях, в том числе и в Воронежской⁵⁸.

Возникшие проблемы снабжения, считали участники совещания, надо решать быстро. По мнению одного из участников, решение такой задачи «под силу только тесному единению правительственной власти, общественных учреждений и самого общества, в виде кооперативов и бытовых комитетов»⁵⁹. Но, к великому сожалению, констатировало совещание, такого единения нет. Мнения участников расходились по многим вопросам, в том числе по проблеме установ-

ления твердых цен. Одни ораторы настаивали на сохранении такс, хотя и признавали необходимость их более гибкого или, напротив, твердого, но, во всяком случае, более умелого применения. Представитель военного командования Ф.И. Бочковский, например, признавал недостатки такс, но считал, что в качестве чрезвычайной меры они должны неукоснительно соблюдаться. «Я глубоко убежден, – заявил он, – что при настоящем положении мясного рынка, если бы в тех местах, где ощущается недостаток мяса, завтра были обысканы склады – а я слышал, что запасы есть, – и запасы эти были бы реквизированы, а торговцы были бы лишены права продолжать торговлю, это имело бы несомненное влияние»⁶⁰. Генерал настаивал на принятии решительных административных мер.

Другие участники, напротив, подчеркивали, что административное вмешательство в ценообразование усиливает дефицит и только подгоняет развитие теневой экономики. Стоит отметить, что на совещании прозвучали предложения ввести в губернии продовольственную разверстку, т.е. установить для всех крестьянских и частновладельческих хозяйств нормы обязательной поставки продукции и при этом по твердым ценам. Такая разверстка мыслилась как мероприятие ненасильственного характера. Добиваться ее выполнения предполагалось методами убеждения. Следовало разъяснять крестьянам необходимость обязательных поставок ради ушедших на фронт их же сыновей или братьев. Однако дальше предложений дело не пошло.

Январское совещание так и не выработало программы борьбы с дефицитом и с ростом спекуляции. В 1916 г. негативные тенденции в экономике губернии продолжали нарастать. Между тем настроения людей вызвали растущее беспокойство властей. Старательно наблюдало за развитием социальной обстановки губернское жандармское управление. О тревожных диспропорциях в материальном положении населения губернии сообщал, например, подполковник П.А. Зякин, занимавший должность помощника начальника губернского управления по группе северных уездов. В своем донесении начальнику губернского управления полковнику В.И. Дадевичу от 26 апреля 1916 г. он информировал: «Относительно материального положения в данное время в среде крестьян надо отметить полное, редкое благополучие, выразившееся в том, что местные ссудо-сберегательные кассы вследствие переполнения деньгами не принимают новых вкладов. Многие крестьянские семьи, получая по несколько пайков, делают большие сбережения. В уездах Коротоякском, Задонском и Землянском у весьма многих крестьян стоят скирды хлеба из урожая прошлого года не обмолоченными, что является прямым показателем полного достатка и отсутствия нужды в сбыте хлеба». Отметив значительные денежные накопления крестьянства, подполковник все же уточнил свое суждение о «редком и полном» благополучии деревни: «Дороговизну продуктов крестьяне испытывают далеко не так, как городские обыватели и другие сословия; крестьяне на все продукты, ими обрабатываемые, подняли цены и несут бремя высоких цен только на те продукты в своем обиходе, которые сами не выделяют»⁶¹. Горожане же, особенно малоимущие, отмечал Зякин, испытывают тяжелые лишения.

О том, что сельское население успешнее городского справляется с тяготами военного времени, говорилось в конце 1916 г. на очередной сессии Воронежско-

го губернского земского собрания. Война заставила быстрее искать пути рационализации аграрного производства. Анализируя состояние экономики, доклад управы отметил, что недостаток рабочих рук заставил «сельского хозяина обратиться теперь же к возможно более широкой покупке соответственных орудий и машин, а также к введению у себя механической силы... Воронежский союз кредитных и ссудо-сберегательных товариществ в 1916 г., всего лишь через несколько месяцев после своего открытия, сделал заказ свыше чем на 600 одних жаток, близко к этому заказала тех же жаток и губернская касса мелкого кредита, имевшая пропустить в 1916 г., в качестве распределительного пункта, кроме указанного количества еще около 1500 жаток по заказам других учреждений. В 1917 г. Воронежский союз кредитных и ссудо-сберегательных товариществ и губернская касса мелкого кредита увеличили свои заказы с 600 до 800 жаток каждый. Кроме того, на 1917 г. союз кредитных кооперативов сделал заказ свыше 1 млн руб. на разного рода орудия, а губернская касса мелкого кредита исчисляет свой заказ... свыше, чем на 3 млн руб.»⁶².

Одновременно земцы с горечью констатировали, что возникшие во время войны проблемы с товарообменом вызваны плачевным состоянием отечественной обрабатывающей промышленности. «Война, – говорилось далее в докладе, – показала, как бедна Россия, несмотря на громадные природные богатства ее. Небольшие запасы фабрично-заводских продуктов, в значительной части своей заграничного происхождения, быстро были израсходованы, и население оказалось лишенным самых необходимых товаров, вроде кожи, мыла, свечей, сахара, красок, чернил, бумаги, спичек и т.д.» Кончится война, сетовали земские экономисты, «и если жизнь не будет построена по-новому, нагрянут в Россию иностранцы: американцы, англичане и, конечно, немцы. Снова наступит то или иное «засилье», в действительности засилье нашей косности и отсталости... Опять русское сырье высокого качества будет отдано иностранным предприятиям внутри и вне России, а за это русские потребители получат второсортные фабрикаты за тройную цену»⁶³.

Регулярно докладывая о политической обстановке на местах, сотрудники жандармского управления с тревогой сообщали о возрастающей вероятности открытых проявлений социального протеста. Ротмистр Малюгин, курировавший южные уезды губернии, 23 ноября 1916 г. откровенно фиксировал: «Отсутствие в городах и крупных населенных местах муки, керосину, и пр., непомерное их вздорожание и отсутствие надзора по наблюдению за ценами на них везде и в каждую минуту могут вызвать народные беспорядки и погром торговцев»⁶⁴.

Понятно нараставшее раздражение народа поведением торговцев. Гораздо хуже то, считал офицер, что очень многие люди винят в своих бедах не только купцов, но и начальство, не способное или не желающее принять жестких мер против торговых спекуляций. В очередном докладе в департамент полиции от 29 ноября 1916 года В.И. Дацевич доносил, что у многих воронежцев «осталась только надежда на Государственную думу, которая урегулирует и улучшит неустройство в тылу, уменьшит дороговизну и искоренит немцев. В связи с этим крестьяне и рабочие стали проявлять интерес к Государственной думе, читать газеты и интересоваться ныне происходящими событиями»⁶⁵.

Своеволие торговцев и фактическое бессилие власти порождали убеждение, что победить продовольственные затруднения могут только общественные силы, высшим представителем которых была Государственная дума. Такие настроения, по оценке ГЖУ, все чаще стали распространяться с весны 1916 г.⁶⁶ Именно с этого времени наблюдались самые высокие темпы роста цен. Никакие административные окрики не помогали.

Администрация так и не сумела найти эффективных способов борьбы с дороговизной и с нараставшим дефицитом предметов первой необходимости. С течением времени выяснилось, что в ответ на жесткий контроль над ценами производители и торговцы начинали уводить товары с рынка. Эта опасная тенденция заставляла власти с опаской относиться к дальнейшему ужесточению ценовой политики. Выявились две тенденции: руководители силовых ведомств настаивали на усилении контроля и санкций против нарушителей такс, организаторы же заготовок и представители гражданской администрации предпочитали искать иные, главным образом, экономические или просветительские меры. Так, в августе 1916 г. воронежский полицмейстер предложил губернатору ввести таксы на все жизненно важные продукты, а не только на хлеб и мясо. Уполномоченный особого совещания по продовольствию по Воронежской губернии В.И. Раевский сообщил 17 августа 1916 г., что местное совещание по продовольственному делу обсудило предложение губернской администрации ввести таксы на яйца, огурцы, картофель, молочные продукты и единогласно постановило: «Ввиду того, что издание такс, как показывает опыт, ведет к исчезновению таксируемых предметов, признать издание таксы на вышеуказанные продукты нецелесообразным и несвоевременным»⁶⁷. На потребительском рынке все осталось по-прежнему.

Во многих случаях таксы не сдерживали, а подогревали рост дороговизны, что, в свою очередь, вызывало сомнения в бескорыстии местных руководителей. Это хорошо понимали жандармы. Вот как оценивал ситуацию в Острогожском уезде 23 октября 1916 г. ротмистр Малыгин: «Что касается мер, принимаемых местными властями против дороговизны, то в этом направлении существует общее недовольство, в особенности среди городских жителей. Причиной тому является то обстоятельство, что нормировка цен на предметы первой необходимости лежит на обязанности большею частью городских управ, членами которых являются коммерсанты, заинтересованные в сбыте товаров по высоким ценам. Высшая же в крае власть, утверждая таксу, является, как бы, лицом, помогающим вздорожанию жизни»⁶⁸.

Там же, где таксы все-таки сдерживали рост цен на продукты питания, начинало сказываться их разрушительное влияние на другие сегменты потребительского рынка. Павловская городская управа, например, 17 марта 1916 г. приняла постановление, в котором констатировала некоторые успехи в стабилизации цен на муку, сахар, соль. Но при этом управа отметила, что тревожная ситуация складывается с торговлей одеждой и обувью. Эти предметы «нельзя не признать принадлежащими к категории первой необходимости, а между тем цены на эти предметы почти со дня объявления войны прогрессивно и неуклонно повышаются почти еженедельно»⁶⁹. Павловская управа полагала, что исправить положение мо-

жет распространение такс на непродовольственные товары, но руководство Министерства внутренних дел к такой просьбе отнеслось негативно⁷⁰.

Помимо всего прочего, таксы зачастую торговцами просто игнорировались. Отчеты жандармского управления убеждали, что в торговых операциях не соблюдение, а нарушение такс стало нормой. Бессилие местной администрации с течением войны стало проявляться все сильнее. Падение эффективности ее работы было, несомненно, связано с общим расстройством деятельности государственного аппарата. Торговцы систематически нарушали все даже самые строгие “обязательные постановления”. Об этом регулярно докладывали уездные исправники и жандармские офицеры. Однако информацией дело чаще всего и ограничивалось. Губернатор Г.Б. Петкевич 20 июня 1915 г. направил воронежскому полицмейстеру жесткое отношение, в котором подчеркивал: “Местная печать и обыватели Воронежа продолжают указывать на многочисленные случаи игнорирования существующих справочных цен торговцами, которые, не считаясь с тяжелым положением населения и не встречая должного противодействия со стороны соответствующих органов власти, открыто нарушают обязательное постановление от 11 сентября 1914 г., воспрещающее продажу продуктов дорожне стоимости их, определенной справочными ценами и таксами”. Признав справедливость таких нареканий, губернатор в весьма энергичном тоне напомнил полицмейстеру о необходимости вести постоянную и самую настойчивую борьбу с злоупотреблениями торговцев: “Я категорически требую, чтобы ни один торговец, позволяющий себе взимать произвольные цены, не оставался безнаказанным”⁷¹.

Прошло несколько месяцев, и 11 февраля 1916 г. губернатор снова в резком тоне напоминает полицмейстеру: “Так как многочисленные указания на торговлю по произвольным ценам продолжают поступать ко мне до настоящего времени, между тем случаи привлечения к ответственности виновных в нарушении существующих такс весьма редки, я вновь напоминаю Вам об означенном требовании”⁷². Нарушения продолжались, невзирая на все словесные строгости. В ноябре 1915 г. подполковник ВГЖУ Долгов посетил булочную Андреевой у вокзала и заметил, что ситный хлеб продавался там по 8 коп. за фунт, причем плохого качества. Подполковника это возмутило, так как такса была в то время 5 ½ коп. за фунт. На вопрос подполковника, где же такса, хозяйка просто ответила, что ее нет, “а на удивление и возмущение мое обиранием ею бедного люда сказала, что она дешевле 8 коп. ситный продавать не может”⁷³. Начальник ВГЖУ информировал губернатора, что в январе 1916 г. мясные торговцы “имели в своих лавках для продажи весьма ограниченное количество мяса, цена на которое запрашивалась ими сверх установленной таксы и потребители без особого возражения, но с явно нескрываемым раздражением вынуждены были платить и покупать, боясь, что останутся вовсе без мяса”⁷⁴. Как видно, и в то нелегкое время спрос на мясо был высоким.

Тем временем нарастание тревожных явлений исправно фиксировалось соответствующими службами. Примечателен рапорт коротоякского уездного исправника от 8 февраля 1917 г. Сообщая губернатору о настроении населения, исправник пишет, что за внешним спокойствием замечается ропот жителей “по

случаю неимения в городе пшеничной муки”. Вина за этот дефицит возлагается на уполномоченных города, на железные дороги и на земство, “так как на складе последнего хотя и имеется 4 вагона пшеничной муки, но запас этот по каким-то соображениям пока не продается населению”⁷⁵. Полиция и жандармы были уверены, что виновниками дороговизны и социального напряжения были торговцы и связанное с ними общественное самоуправление. Начальство исправно получало сообщения о фактах коррупции. Ротмистр Малюгин, например, доносил о злоупотреблениях острожского городского головы И.Ф. Рубцова. Тот узнал, что местному торговцу И.А. Тутельяну пришли три цистерны керосина, купленные в Харькове по 5 р. за пуд. Городской голова, угрожая реквизицией, перекупил 2 цистерны, а затем начал продавать керосин по сахарным карточкам по 15 коп. за фунт, т.е. по 6 руб. за пуд. Этому же Рубцову подрядчик по постройке барачных для войск С.Г. Рабинович сделал бесплатно дорогой ремонт жилья⁷⁶. Столь беззастенчивая коррупция, тревожился ротмистр, вызывает острое недовольство населения и может спровоцировать массовые волнения.

Введенные с лета 1916 г. твердые цены нарушались также откровенно. Тот же Малюгин в ноябре 1916 г. доносил, что по негласным сведениям администрация мельниц в слободе Калач Богучарского уезда берет сверх установленных твердых цен “верхи” по 4 р. 20 коп. за каждый пятипудовый мешок. Деньги эти уплачиваются негласно, “в счетах же ставят цену муки по установленным твердым ценам”⁷⁷. Фактов такого рода жандармы собрали много.

Бессилие властей решить проблемы дефицита и дороговизны порой возбуждало неожиданные инициативы политически активных граждан. В начале 1916 г. жандармский подполковник П.А. Зякин получил неожиданное письмо от новохоперского уездного дворянского предводителя В.Н. Потулова. Отправитель письма с негодованием клеймил деятельность “преступных спекулянтов”, взяточничество железнодорожников и своекорыстие банкиров. Лишенные совести дельцы, пользуясь безнаказанностью, наживают громадные состояния и приближают социальное бедствие. Чтобы спасти положение, нужны срочные меры. “Вдумываясь в этот ужас нашей Родины, – писал предводитель, – бесконечно богатой всеми природными дарами, которые захвачены цепкими руками неклепых позором наших негодяев сограждан, наживающих миллионы за счет непосильной нужды и горя обывателя, мне пришла мысль, исполнением которой, мне думается, можно выбраться из этой угрожающей беды”. Мысль Потулова оказалась на удивление простой. Надо, полагал он, немедленно обратиться к обществу с призывом делать доносы о спекулятивных действиях недостойных граждан и доводить такие доносы до “надежных властей”. Разоблаченные таким образом недобросовестные дельцы должны строжайше караться по законам военного положения, вплоть до каторжных работ и лишения собственности. А чтобы стимулировать доносы, третью часть конфискованного имущества осужденных передавать доносителям в награду. Вот тогда, утверждал руководитель уездного дворянства, успех борьбы с дороговизной будет обеспечен. “Я уверен, что при правильной организации такого мероприятия, установленного законом, найдутся ловкие и умные люди, поощряемые сказанными материальными выгодами, сумеют открыть массу зло-

употреблений, и достаточно нескольких таких разоблачений преступности, чтобы вопиющие злодеяния сделались невозможными под контролем всевидящего общества». Власти же заслужат «великую благодарность всей России, стонущей от позорных сограждан, каковые грабят, да еще потирая руки, насмехаются над бессилием изолированных от общества правительственных сфер»⁷⁸.

Губернское жандармское управление уклонилось от поддержки такого экстравагантного предложения. Спровоцировать повальные доносы могли только совсем уж безответственные политики. Но Потулов точно подметил: хроническая для России проблема разобщенности власти и общества во время войны только усилилась, а это ничего хорошего государству не предвещало. В конце 1916 г. наличие глубокого кризиса управления признали и на самом верху. Управлявший Министерством внутренних дел генерал П.Г. Курлов направил 24 ноября губернаторам циркуляр, в котором признал, что повсеместное развитие спекуляции в торговле предметами первой необходимости приняло «в последнее время по своим широким размерам характер народного бедствия». Генерал сообщал, что правительство в сентябре 1916 г. установило уголовные кары «за непомерное возвышение цен», за сокрытие товаров и за сговоры торговцев и промышленников. Поэтому плохо исполнявшиеся обязательные постановления губернаторов отныне теряли силу, зато повышалась ответственность полицейских и судебных властей⁷⁹. Но время уже было безнадежно упущено. Воронежская полиция получила этот циркуляр 14 декабря 1916 г. и фактически ничего предпринять уже не успела.

С лета 1916 г. власти пытались взять ситуацию с продовольствием под более плотный контроль. Видны на урожай 1916 г. были гораздо более скромными, чем в предшествующем году, а рост дороговизны и перебои с поставками внушали все большую тревогу. В августе правительство принимает принципиально важное решение о введении твердых цен на продовольствие, прежде всего на хлеб. Сторонники такой меры понимали, что твердые цены несовместимы со свободной торговлей. Следовательно, надо было сразу же переходить к регламентации снабжения по таким ценам. Наиболее простым способом обеспечения населения были признаны карточки. Впрочем, местные власти загодя готовились к наступлению на непокорный рынок. Уже 21 июня 1916 г. городской голова Г.А. Пуле обратился с просьбой к губернатору разрешить проведение «переписи населения города Воронежа и его пригородов на предмет введения карточной системы для наиболее правильного распределения среди населения продуктов продовольствия»⁸⁰. Такую перепись пришлось проводить дважды. Проведенная в июле перепись показала численность населения Воронежа в 126 тыс. человек, но осенью стало ясно, что карточек потребуется заметно больше. После возвращения учащихся с каникул, прибытия временных работников и беженцев новая октябрьская перепись учла уже свыше 167 тыс. человек. Карточки, между тем, полагались на всех, даже на военнопленных. Местная газета 20 сентября поместила объявление: «Городская управа извещает жителей города Воронеж, получающих муку, что лавки, означенные на карточках, обязаны иметь продовольственные продукты, указанные городской управой». Цена на муку назначалась по 9 коп. за фунт без мешка. «Желающие получить муку в бумажных мешках, обязаны платить за муку с бумажным мешком по 10 коп. за фунт»⁸¹.

Карточки вводились на муку, сахар, керосин и мясо. Иногда, впрочем, на керосиновую карточку можно было получить сахар и наоборот. Нормы отпуска были скромными, но все же не голодными. По сообщению местной печати на карточку отпускалось 10 фунтов муки и 5 фунтов сахара на человека в месяц⁸². Кроме того, на карточки отпускался и печеный хлеб по 3 фунта на человека в день. Особым постановлением городской продовольственной комиссии от 25 июля 1916 г. была определена норма довольствия мясом в 16 золотников на человека в день⁸³. Оставалась, кроме того, возможность покупать продукты на рынках. Одновременно члены городской продовольственной комиссии сочли, что введение карточек на дефицитное мясо должно сопровождаться отменой таксы на этот продукт. В докладе от 22 сентября 1916 г. говорилось: опыт с таксами привел к снижению качества продуктов, “что мы видим на булках, черном и белом хлебе, а также на обуви и др”. Кроме того, “условия жизни в настоящее время настолько быстро изменяются, что такса на отдельные предметы за жизнью поспеть не может”. Наконец, установление таксы на городских рынках ведет к перемещению торговли мясом в пригороды, где такой таксы нет. “Что все это так, свидетельствует тот факт, что пригородные мясники, продававшие раньше 10 пудов в два дня, в настоящее время продают 100 пудов и больше в один день”. Без таксы конкуренция “как в качестве продукта, так и в ценах его, предоставит обывателю свободный выбор продукта и введет мясную торговлю в более нормальные рамки”⁸⁴. На белый хлеб отменили таксы в феврале 1917 г.; пшеницы в городе практически не было⁸⁵.

Карточки вводились, конечно, не от хорошей жизни. Потребление многих продуктов приходилось сокращать. Кроме того, на освоение карточной системы требовалось время. Скоро обнаружилось, что не все население с должной сознательностью отнеслось к переживаемым трудностям. Многие жители стали сообщать неверные сведения о составе семей, а некоторые стремились получить лишние карточки через свои учреждения (например, управление железной дороги или через потребительские общества), хотя уже получили их через городскую управу. Руководители управы 20 января 1917 г. жаловались губернатору, что “такое явление получило слишком большое распространение”, а это грозило уменьшением размера порций “и, следовательно, еще большим недоеданием, чем наблюдается в настоящее время”. Члены управы просили привлечь нарушителей к ответственности в административном порядке⁸⁶.

И все-таки тяжесть материальных лишений воронежского населения переоценивать не стоит. Обеспечение людей по условиям войны выглядело отнюдь не трагическим. Например, местный предприниматель И.М. Рейхардт 23 февраля 1917 г. обратился в городскую управу со слезным прошением отпустить ему карточки для нужд конторы. В противном случае, сетовал предприниматель, “я, к сожалению, принужден буду отказаться от традиционного обычая угощения моих служащих во время их утренних и вечерних в моей конторе занятий чаем”⁸⁷. Что и говорить, отказ в бесплатном чаепитии – жертва не чрезмерная, особенно если учесть, что революция в Петрограде уже началась. Учтем также, что помимо карточек население, по данным полиции, покупало в иные дни конца 1916 г. свыше 1600 кг мяса.

Административные меры борьбы с дороговизной нарушали привычные нормы рыночной торговли. Но если надо было обязательно поддержать свободную торговлю, власти били отбой. Это особенно выпукло проявлялось во время больших праздников, когда народ приобретал продукты, не смущаясь ценой. Так, забываясь о подготовке к Рождеству и Новому 1917 г., губернатор Ершов сообщил о снятии до 20 декабря всех ограничений на вывоз и ввоз продуктов. Одновременно до 1 февраля 1917 г. отменялись все таксы для молока и молочных продуктов, мяса, рыбы, колбас, макарон, круп, “грибов и всякого постного масла, кроме подсолнечного”. Поскольку Рождество пришлось на воскресенье 25 декабря 1916 г., постольку городская управа упростила губернатора разрешить свободную торговлю мясом всю неделю с 19 по 24 декабря, так как население города “не успеет обеспечить себя мясом”⁸⁸. Праздник хотелось встретить хорошо. Определенно можно сказать, что реальной угрозы голода тогда еще не было.

Поскольку карточная регламентация была несовместима со свободным рынком, постольку государству пришлось срочно переходить к принудительной закупке продовольствия по фиксированным ценам. Министр земледелия А.А. Ритих объявил 29 ноября 1916 г. о введении в стране продовольственной разверстки. На смену свободным закупкам должны были прийти обязательные поставки продовольствия для нужд обороны по твердым ценам. Первоначальный план разверстки предусматривал ее введение в 21 губернии Европейской России, а Особое совещание по продовольствию определило объем обязательных поставок хлебов на грядущую заготовительную кампанию в 505 млн пудов⁸⁹. Особой телеграммой министр сообщил размер наряда для Воронежской губернии. Он включал около 36,5 млн пудов ржи, около 3,9 млн пудов пшеницы, свыше 2,4 млн пудов проса и свыше 4 млн пудов овса, а всего около 47 млн пудов разных хлебов. При этом министр предупредил, что не исключена дополнительная разверстка. Впрочем, нежелательного повторения разверстки можно было избежать, если губернское земство добровольно увеличит наряд на 10%. В таком случае в Воронежской губернии нужно было заготовить 51,6 млн пудов зерновых, в т.ч. 40 млн пудов ржи, 4,3 млн пудов пшеницы, 4,6 млн пудов овса и 2,7 млн пудов проса⁹⁰. Срок разверстки министерство установило с января до осени 1917 г. Поставки должны были вестись, по возможности, ритмично. Предусматривалось, что в случае отказа от поставок или сокрытия хлеба, у таких хозяев должно проводиться принудительное изъятие (реквизиция) с понижением твердой цены на 15%. При этом роль главных исполнителей заготовительной кампании на местах отводилась земским учреждениям.

Для организации разверстки в Воронеже 6-7 декабря было проведено совещание председателей уездных земских управ. Совещание принципиально одобрило разверстку и утвердило схему ее проведения. Выглядела она следующим образом. Общая сумма поставок распределялась между уездами “пропорционально остаткам каждого хлеба, исчисляемого вычитанием из валового урожая местного потребления”. Местное же потребление слагалось из продовольственных потребностей населения и обсеменения полей. Учитывались также потребности в фураже для наличного поголовья лошадей. Потребность эта была определена в 25 пудов на

лошадь. Кроме того, учитывались остатки хлебов от прежних лет, определявшиеся на основании сельскохозяйственной переписи. Обязательные поставки распределялись между частновладельческими и крестьянскими хозяйствами. Сопоставление определило, что сначала, путем местных обследований, выясняется “то количество хлеба, которое может быть взято из всех частновладельческих хозяйств уезда, исходя из наличных запасов размеров продовольственных и хозяйственных надобностей. Учтенное таким образом количество каждого хлеба, подлежащее отчуждению из частновладельческих хозяйств, вычитается из общего на уезд наряда и остаток разверстывается между волостями”⁹¹. Волостные правления, в свою очередь, должны довести величину наряда до каждого сельского общества. И, наконец, сельское общество определяло величину обязательных поставок каждого двора. Распределение нарядов по уездам губернская земская управа должна была провести к 14 декабря, к 20 декабря внутри уездов объемы поставок доводились до волостей, к 24 декабря волостные правления определяли задания для сельских обществ и, наконец, к 31 декабря о своем наряде должен был знать каждый домохозяин. Впрочем, местные власти могли и не проводить такой детальной раскладки, главное, чтобы они обеспечили поставку установленного объема хлеба.

Бумажная схема выглядела довольно стройно. Однако очень скоро стало ясно, что выполнить такую программу в короткие сроки не удастся. 12 декабря председатели уездных управ собрались на новое совещание. На нем сразу же пошел довольно нервный разговор о том, что заданная министерством цифра выглядит нереальной. Как принялись уверять руководители земства, данные текущей статистики свидетельствовали о гораздо более скромных возможностях губернии. По сведениям земцев, остатки хлебов после вычета семенного фонда и необходимого самой губернии продовольственного зерна выглядели следующим образом: ржи около 27,6 млн пудов, проса и гречихи вместе не более 3,5 млн пудов. Пшеницы же якобы вообще не доставало даже для собственных потребностей. О наличии свободных остатков овса и ячменя земские деятели говорить затруднялись, но полагали, что остаток, “за вычетом уже полученных нарядов, должен остаться в губернии для местных нужд”. Сообщенные же ранее сведения о запасах хлеба прежних лет “ныне к учету не могут быть приняты, так как таковые были исчислены на июнь месяц и ушли на местное потребление за истекшее полугодие”. В самый ответственный момент организации разверстки воронежские земцы заявили, что они не могут понять, на каких основаниях исчислялся министерский наряд на поставку хлебов. Заявление совещания гласило: “Выполнение полностью данного на губернию наряда сопряжено с изъятием у населения всего хлеба без остатка, а между тем при расчетах вовсе не была принята во внимание потребность в хлебе, в частности, ржи на корм для скота”⁹².

Подводя итоги совещания, председатель губернской управы В.Н. Томановский с особым чувством высказался о нежелательности насильственных действий против держателей хлеба. “Зачем же реквизировать и отбирать хлеб, если у нас не имеется надежды не только на передвижение его в армию, но и на мельницы?”. Удовлетворительного разъяснения на этот счет, сетовал Томановский, председатели уездных управ от администрации получить не могли. “С моей точ-

ки зрения, – подчеркнул лидер воронежских земцев, – нам нужно собирать хлеб, насколько это возможно, не прибегая ни к каким крутым мерам, это будет некоторый плюс к тому количеству запасов, которое у нас имеется”⁹³. Уклоняясь от выполнения правительственного задания, совещание создало комиссию по главе с гласным П.А. Блиновым для выяснения условий разверстки. Через два месяца эта комиссия представила проект соответствующего постановления, которое и было принято очередным совещанием 2 марта 1917 г. Ничего нового в постановлении не было. Председатели уездных управ снова дружно заявили, что размер наряда слишком велик, “выполнение его в полном объеме должно было бы повести к изъятию от населения всего хлеба без остатка”. Работать над заданием земцы все же обещали “в крайнюю меру его возможности”⁹⁴.

Однако земские руководители лукавили. О хранившихся у крестьян и частных землевладельцев запасах зерновых они не знали и в ту пору знать не могли. Объективный анализ общих сборов и расходов зерна в военные годы свидетельствовал об обратном: хлеб в губернии был. По данным экономического отдела губернской земской управы, общая наличность ржи, пшеницы, проса, гречихи и овса на конец 1916 г. (включая запасы прошлых лет) превышала 152 млн пудов. На продовольственные нужды своего населения требовалось не более 80 млн пудов на 14 месяцев (имея в виду 2 месяца 1916 г. и весь 1917 г.), на семена – около 16 млн пудов⁹⁵. Примечательно, что представителей коронной администрации доводы руководителей местного земства не убедили. В декабре 1916 г. А.А. Риттих встречался с председателями губернских управ. На ней Томаковский заявил, что представленную министром программу разверстки выполнить невозможно. На это Риттих твердо ответил, что хлеб нужен армии и заводам, что потребности городов следует удовлетворять из каких-нибудь других источников, а последняя его реплика звучала решительно: “Это дать нужно и дать это мы обязаны”⁹⁶.

В ответ за жалобы земцев позиция центральной власти только ужесточалась. Военный министр М.А. Беляев и министр земледелия А.А. Риттих в грозной телеграмме губернатору от 24 февраля 1917 г. потребовали без промедления приступить к усиленному вывозу хлеба, а там, где такой вывоз не начнется, в срочном порядке приступить к реквизициям как у частных владельцев, так и у крестьян. Губернатор М.Д. Ершов в тот же день разослал телеграммы во все уездные земские управы, в которых напомнил о надвигающейся распутице, и потребовал немедленно приступить к поставкам хлеба. Если в трехдневный срок подвоз не начнется, то местным властям предписывалось приступить к реквизициям “с понижением твердой цены на 15 процентов и в случае недоставки владельцами [хлеба] до приемного пункта с вычетом сверх того стоимости перевозки”⁹⁷. Это были последние усилия коронной власти; через три дня режим пал.

Естественно, что введенная царским правительством 29 ноября 1916 г. хлебная разверстка не радовала крестьян. Предусмотренные такой разверсткой обязательные поставки по твердым и, как считали крестьяне, невыгодным для них ценам шли трудно. Но все-таки разъяснительная работа земских начальников в Воронежской губернии постепенно начала давать результат. Однако и в этой ситуации неуклюжие, плохо скоординированные действия властей угрожали со-

рвать важнейшую государственную кампанию. Символично выглядит донесение уже упоминавшегося ротмистра Малюгина от 28 февраля 1917 г. В последний день существования монархии дотошный жандармский офицер сообщал о крайне неприятном казусе в Валуйском уезде. Здесь крестьяне, получившие разъяснения на волостных сходах о необходимости доставки хлеба для надобностей фронта, согласились продать пшеницу по твердой цене в 1 рубль 90 коп. за пуд. «Многие из крестьян, – сообщал Малюгин, – пошли навстречу этому и стали возить хлеб, другие же противились этому и задержали хлеб у себя. Случилось затем так, что откликнувшиеся на предложение властей не успели еще получить деньги за поставленный хлеб, как услышали, что твердая цена на пшеницу поднялась с 1 рубля 90 коп. до 2 р. 50 коп. Таким образом, более патриотично настроенные крестьяне получают за хлеб меньше, чем те, которые попридержали его у себя. Теперь среди крестьян царит такое убеждение, что чем больше задерживать у себя хлеб, тем больше правительство будет увеличивать твердые цены, а земским начальникам не нужно верить, так как они только обманывают народ»⁹⁸.

Однако дело было не в обмане народа земскими начальниками. Разверстка шла трудно из-за общей ее несогласованности. На местах ее проведение было поручено учреждениям местного самоуправления, а должного сотрудничества и взаимопонимания у земства и коронной администрации не было. По планам правительства, к весне 1917 г. требовалось заготовить значительную часть предусмотренного наряда, между тем воронежское губернское земское собрание только 1 марта слушало доклад о проведении разверстки и определяло условия доставки, а также порядок проведения возможных реквизиций хлеба⁹⁹.

Администрация имела основания считать, что справиться с планом разверстки губерния могла. Но у большинства местных деятелей общественного самоуправления были политические причины не проявлять особого рвения в выполнении правительственных предначертаний. В общественном сознании прочно укоренилась мысль о том, что только «правительство доверия» способно вывести страну из затруднений и обеспечить успешное завершение войны. Любой успех правительства оппозиционерам был не очень желателен. На декабрьском совещании шел разговор о том, что правительственный наряд невозможно выполнить: не хватает складов, что низка провозная способность железных дорог, что у крестьян все еще много необмолоченного хлеба, что нет мешков, а население не обладает сознательным отношением к государственному заказу¹⁰⁰. Скепсис и жалобы на нереальные размеры наряда свидетельствовали о разобщенности интересов администрации и самоуправления. Политические симпатии земцев принадлежали не правительству, а возникшему в середине 1916 г. Центральному комитету общественных организаций по продовольственному делу. Лидеры последнего, тесно связанные с прогрессивным блоком Государственной думы, настойчиво доказывали, что только передача продовольственного дела из рук правительства в руки общественности может спасти положение¹⁰¹.

Примечательно, что сразу же после получения информации о падении монархии, вялый тон земских рассуждений поразительным образом меняется. Те же земцы 4 марта 1917 г., после получения сведений об отречении Николая II,

вдруг заговорили о том, что план разверстки следует выполнять в полном объеме, что победа внешняя теперь, после победы внутренней, особенно необходима. Надо напрячь все силы “и призвать к тому, чтобы нужный для армии хлеб население скорее продавало, не дожидаясь, чтобы, когда наступит упорядочение железной дороги, к тому времени амбары около железнодорожных станций были заполнены”¹⁰². Эта наспех выстроенная фраза – лишнее свидетельство политической оппозиционности земских учреждений. Как видно, после падения монархии плохую работу железных дорог можно было и не считать помехой разверстке. Парадигма кризиса была с высокой эффективностью использована радикально-либеральной оппозицией для дискредитации монархического строя, причем не только в центре, но и на местах¹⁰³.

К началу 1917 г. несогласованность в деятельности различных управленческих структур обнаруживалась все более зримо. Твердые цены, карточки и разверстка разрушительно действовали на систему рыночного обеспечения, но при слабости администрации эффективно заменить ее не сумели. Социальная ситуация в городах стала быстро ухудшаться. По воспоминаниям рабочего А. Трофимова, трудившегося на воронежском заводе Столля, к концу 1916 г. “у пекарен стали удлиняться очереди, на базаре повышались цены на мясо и молоко, подорожал картофель, появились перебои в снабжении керосином”¹⁰⁴. Это, конечно, не могло не влиять на рост общественного недовольства.

Бессистемность и разноречивость в деятельности управленческих структур свидетельствовали о нарастающем кризисе власти в самый неподходящий для этого момент. На фронтах мировой войны Россия и ее союзники к началу 1917 г. добились явного стратегического превосходства над германо-австрийским блоком. Но воспользоваться плодами военных усилий России не удалось: нараставшие продовольственные трудности привели в феврале 1917 г. к сильнейшему социально-политическому кризису монархической государственности. О том, что такой кризис надвигается, губернские администраторы знали и, в общем, вполне откровенно информировали центральные власти. Одно из последних донесений начальника губернского жандармского управления директору Департамента полиции от 6 февраля 1917 г. сообщало: “Тыловое неустойчивое в продовольственном отношении, недостаток и дороговизна необходимых жизненных предметов, вызывает среди населения, особенно городского и рабочего, острое недовольство, которое замечается как в уездных городах, так особенно в Воронеже, где отсутствие таксы, несвоевременная заготовка дров, муки, керосина и др. предметов первой необходимости создает тяжелые условия жизни, особенно ныне в разгар зимы, когда дрова в розничной продаже доходят до 80-85 коп. за пуд (прошлую зиму продавались по 25-30 коп. за пуд), хлеб очень поднялся в цене, белый отсутствует, недостаток керосина; мясо не регулировано таксою, отмененной в конце 1916 г., поднялось с 35 коп. до 65-70 коп. за фунт. Эти явления дороговизны, отсутствие такс и недостаток необходимых жизненных продуктов вызывает острое недовольство на местную администрацию и городское самоуправление”¹⁰⁵. Острее и точнее всех оценивали опасное развитие ситуации руководители жандармского управления. Ротмистр Малюгин 23 ноября 1916 г. в очередном

секретном донесении писал: «Отсутствие в городах и крупных населенных местах муки, керосину и пр., непомерное их вздорожание и отсутствие надзора по наблюдению за ценами на них везде и в каждую минуту могут вызвать народные беспорядки и погром торговцев»¹⁰⁶. Создается впечатление, что сотрудники спецслужб предвидели сценарий петроградских событий 1917 г.

Совершенно очевидно, что кризисные явления подобного рода наблюдались не только в Воронежской губернии. В более крупных промышленных центрах градус общественного недовольства поднимался еще выше, и мятеж, начавшийся в Петрограде после демонстраций 23 февраля 1917 г., стал лишь наиболее мощным проявлением социального протеста. Монархия в итоге пала, а погрузившаяся в глубокую политическую смуту страна утратила способность к организации серьезных военных операций. Но поначалу эта горькая истина до победителей старого режима еще не дошла. Не скрывали своего глубокого удовлетворения от такого развития событий местные земцы. На первом же после отречения Николая II собрании была принята следующая резолюция: «Воронежское уездное земское собрание, собравшись впервые после переворота, освободившего русский народ от самовластия деспотии, почитает своим долгом принести горячие поздравления Государственной Думе, ведущей в течение всей войны упорную борьбу со старым правительством, приведшую к полной победе народа»¹⁰⁷. Еще более дистанцируясь от обанкротившегося режима, уездные земцы обратились к строителям новой государственности с эмоциональным призывом: «Наконец, земское собрание, имея в виду, что сердцем России является первопрестольная Москва, в которой сосредоточиваются все помыслы России, тогда как Петроград по своему характеру скорее представляется международным, чем чисто русским городом, признает, что место Учредительному собранию, как в древней Руси земским соборам, должно быть в первопрестольной Москве, которая должна вообще стать центром государственной жизни»¹⁰⁸.

Сейчас можно только подивиться политической наивности и слепоте воронежских земцев. Какие действия коронных властей называли они самовластием деспотии? Может быть, введение продовольственной разверстки, основанной на методе убеждения? Что общего с деспотией имеет политика правительства, допустившего во время тяжелой и долгой войны деятельность оппозиционной Государственной думы? Не избыток самовластия, а дряблая и нерешительная политика помешала взять под эффективный контроль эгоистическую деятельность корыстолюбивых предпринимателей и торговцев. Наряду с этим резолюция воронежских земцев лишний раз свидетельствует о том, что продовольственные трудности стали козырной картой оппозиции в политической борьбе с ненавистным самодержавием. Чем больше ошибок допускал режим, тем больше политических дивидендов приобретали его оппоненты. Вот только с самовластием деспотии земцы просчитались. Оно оказалось не в прошлом. Его подлинное лицо земские либералы увидят очень скоро. А отдельным проникательным деятелям оппозиции через некоторое время придется признать, что именно их пресловутая принципиальность и нежелание конструктивно сотрудничать с коронной властью открыли путь сначала к социальному хаосу, а затем и к невиданной по самовластию диктатуре пролетариата.

Символично, что столицей революционного государства в полном соответствии с пожеланиями земцев действительно очень скоро стала Москва.

Если судить по местным материалам, то можно сделать вывод о том, что экономическая политика вообще, а продовольственная в особенности проводилась в России в годы войны с большими ошибками. Но к февралю 1917 г. возникла все-таки угроза голода, а не сам голод. Такая же картина наблюдалась практически повсеместно. Например, в Самарской губернии к февралю 1917 г. не было заметно никаких признаков голода¹⁰⁹. Кроме того, никакой особой политики поощрения эксплуататорских классов (дворянства и буржуазии) ни центральная, ни местная администрация не проводила. Основные трудности власти заключались в том, что государство во время войны так и не решилось существенно ограничить владельческие права всех слоев русского общества, в том числе крестьянства как главного производителя и держателя продовольственных ресурсов. К примеру, в Воронежской губернии крестьяне производили свыше 90% хлебов и не менее 80% продуктов животноводства. Общество, в свою очередь, не проявило готовности пойти на совершенно необходимое в условиях войны ограничение таких прав. В решающий момент войны самую пагубную роль в судьбе государства сыграла давняя разобщенность интересов, а у верховной власти не хватило решимости ввести совершенно необходимый в тех условиях особый режим производства, экономии и распределения всех материальных, в том числе и продовольственных, ресурсов. По точному замечанию В.С. Дякина, контролировавшая земства и городское самоуправление оппозиция несла немалую долю ответственности за обострение продовольственной ситуации, и при этом «все время использовала проблему дороговизны и нехватки предметов широкого потребления как доказательство неспособности бюрократии управлять страной»¹¹⁰.

Приходится признать, что анализ социальной жизни в Воронежской губернии, в общем, подтверждает правоту оценок лидера думской оппозиции П.Н. Милюкова: «Неограниченный внешний кредит и печатный станок, выпускавший каждый день бумажек на десятки миллионов, из которых складывались миллиарды, совершенно устранили всякое понятие о необходимости быть бережливым. Один за другим, широкие общественные слои переходили на содержание государства. Деревня не платила налогов и получала пайки. Рабочие не работали и получали быстро возрастающие оклады заработной платы. Фабрикантам эта плата возмещалась в столь же быстро возрастающей цене казенных заказов. Громадная армия тыла, содержавшаяся на казенный счет, приучала народ к праздности и к извлечению чрезвычайных доходов от народных бедствий, расстройств торговли и транспорта»¹¹¹. Жаль только, что о собственной ответственности за расстройство государственной жизни вождь кадетов решил промолчать. Спустя годы он признал, что в то критическое время спасти страну могло введение военной диктатуры, но сам он в 1915-1916 гг. сделал все, чтобы подорвать престиж власти во имя эфемерного «правительства общественного доверия».

Спровоцированный ошибочными, неумелыми и нерешительными действиями властей продовольственный кризис сыграл роль важнейшего политического инструмента в борьбе оппозиционной общественности за устранение монархии. Причем не только в столице, но и в регионах России.

¹ См. Минц И.И. История Великого Октября. Т. 1. Свержение самодержавия. М., 1977. С. 77-94; Иоффе Г.З. Февральская революция 1917 г. в англо-американской буржуазной историографии. М., 1970.

² Лаверычев В.Я. Продовольственная политика царизма и буржуазии в годы первой мировой войны // Вестник Московского университета. Ист.-фил. Серия. 1956, № 1. С. 141.

³ Ленин В.И. Полн. Собр. Соч. Т. 30. С. 328.

⁴ Катков Г.М. Февральская революция. Париж, 1984. С. 261-262.

⁵ Аврех А.Я. Масоны и революция. М., 1990. С. 342; Старцев В.И. Тайны русских масонов. СПб., 2004. С. 128-129.

⁶ Миронов Б.Н. Благополучие населения и революции в имперской России. М., 2010. С. 665-666.

⁷ ГАВО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 3260. Л. 3.

⁸ Там же. Л. 3 об.

⁹ Там же. Л. 4.

¹⁰ Там же. Л. 4 об.

¹¹ Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы первой мировой войны. М., 1973. С. 464.

¹² Погребинский А.П. Сельское хозяйство и продовольственный вопрос в России в годы первой мировой войны // Исторические записки. Т. 31. М., 1950. С. 37.

¹³ Волобуев П.В. Хлебные ресурсы России в 1917 г. // Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и рабочего движения в России. М., 1916. С. 404.

¹⁴ Анфимов А.М. Зерновое хозяйство России в годы первой мировой войны (к истории продовольственного кризиса) // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. Сб. 3. М., 1959. С. 493.

¹⁵ ГАВО. Ф. И-21. Оп. 1. Д. 2323. Л. 31.

¹⁶ Там же. Л. 134.

¹⁷ Эти цифры можно вычислить на основании данных Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г. Из них следует, что призванные в армию по губерниям Европейской России составляли 47,4% всего трудоспособного мужского населения. См.: Россия в мировой войне 1914 – 1918 гг. (в цифрах). М., 1925. С. 21.

¹⁸ К концу войны в сельском хозяйстве Воронежской губернии были заняты до 15 тыс. пленных, главным образом славянского происхождения. По данным на 17 февраля 1917 г., 12760 пленных трудились на сельскохозяйственных работах, остальные привлекались к работам в городском хозяйстве, на транспорте, в промышленности и т.д. См.: ГАВО. Ф. 21, Оп. 1, Д. 3284, Л. 62.

¹⁹ Обзор Воронежской губернии за 1915 год. Воронеж, 1916. С. 2-4.

²⁰ С удивительной простотой решал проблему покрытия военных расходов глава правительства И.Л. Горемыкин. В беседе с В.Н. Коковцовым он благодушно заявлял: “Ну что за беда... Мы напечатаем лишних 800 милл. руб. бумажек, как будто не ясно всем и каждому, что мы должны вести войну на бумажки”. – Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903-1919 гг. М., 1992. Кн. 2. С. 330.

²¹ ГАВО. Ф. И-21. Оп. 1. Д. 2237. Л. 7, 9, 13, 14.

²² Там же. Л. 55.

²³ Там же. Л. 57.

²⁴ Там же. Л. 18.

²⁵ Там же. Л. 105.

²⁶ Там же. Л. 104.

²⁷ Там же. Л. 50-51.

- ²⁸ Там же. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1454. Л. 17.
- ²⁹ Кризис самодержавия в России. 1895-1917. Л., 1984. С. 596.
- ³⁰ Китанина Т.М. Война, хлеб и революция. (Продовольственный вопрос в России 1914 – октябрь 1917 г.). Л., 1985. С. 67.
- ³¹ ГАВО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 3109. Л. 5.
- ³² Там же. Л. 6.
- ³³ Там же. Л. 27-29.
- ³⁴ Там же. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 1138. Л. 77.
- ³⁵ Там же. Ф. И-21. Оп. 1. Д. 2210. Л. 53-54.
- ³⁶ Там же. Л. 54.
- ³⁷ Там же. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 3109. Л. 10.
- ³⁸ Там же. Л. 5.
- ³⁹ Там же. Л. 8.
- ⁴⁰ Там же. Л. 55-56.
- ⁴¹ Анализ материалов этого совещания см.: Карпачев М.Д. Опасные парадоксы военного времени: социально-политическая ситуация в Воронежской губернии накануне падения монархии (по следам одного архивного документа) // Воронежский вестник архивиста. Вып. 3. Воронеж, 2005. С. 54-68.
- ⁴² ГАВО. Ф. И-21. Оп. 1. Д. 2207. Л.3.
- ⁴³ Там же. Л. 73.
- ⁴⁴ Там же. Л. 55.
- ⁴⁵ Там же. Л. 61, 62.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ Шаховской Дм. Крестьянское хозяйство и война // Вестник сельского хозяйства. 1914. № 34. С 13.
- ⁴⁸ ГАВО. Ф. И-21. Оп. 1. Д. 2207. Л. 128.
- ⁴⁹ Там же. Л. 130.
- ⁵⁰ Там же. Л. 132.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² Там же. Л. 133.
- ⁵³ Там же. Л. 135.
- ⁵⁴ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. СПб., 1912. Т. 32. № 37 507.
- ⁵⁵ Карпачев М.Д. Указ. Соч. С. 66.
- ⁵⁶ Щербинин П.П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII – начале XX в. Тамбов. 2004. С. 227.
- ⁵⁷ Самохин К.В. Тамбовское крестьянство в годы первой мировой войны. Автореферат канд. дисс. ист. наук. Тамбов, 2002. С. 19.
- ⁵⁸ Местные данные противоречат распространенному в советской историографии выводу о резком сокращении в годы войны доходов большинства крестьянских хозяйств. А.М. Анфимов, например, утверждал, что увеличенные доходы получало только зажиточное меньшинство крестьян. См.: Анфимов А.М. Российская деревня в годы мировой войны (1914 – февраль 1916). М., 1962. С. 275.
- ⁵⁹ ГАВО. Ф. И-21. Оп. 1. Д. 2207. Л. 138.
- ⁶⁰ Там же. Л. 151.
- ⁶¹ Там же. Ф. И- 1. Оп. 2. Д. 1138. Л. 193.
- ⁶² Там же. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 10084. Л. 37.
- ⁶³ Там же. Л. 47.
- ⁶⁴ Там же. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 1138. Л. 377-378.

- ⁶⁵ Там же. Л. 379.
- ⁶⁶ Там же. Д. 1138. Л. 242.
- ⁶⁷ Там же. Ф. И- 6. Оп. 2. Д. 468. Л. 45.
- ⁶⁸ Там же. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 1138. Л. 11-12.
- ⁶⁹ Там же. Ф. И-21. Оп. 1. Д. 2308. Л. 2.
- ⁷⁰ Там же. Л. 5.
- ⁷¹ Там же. Л. 2.
- ⁷² Там же. Л. 3.
- ⁷³ Там же. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 1137. Л. 251.
- ⁷⁴ Там же. Д. 1138. Л. 107.
- ⁷⁵ Там же. Л. 416.
- ⁷⁶ Там же. Л. 383-384.
- ⁷⁷ Там же. Л. 350.
- ⁷⁸ Там же. Ф. И- 6. Оп. 2. Д. 469. Л. 18-19.
- ⁷⁹ Там же. Л. 54.
- ⁸⁰ Там же. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 3288. Л. 4.
- ⁸¹ Воронежский Телеграф. 1916 г. 20 сент.
- ⁸² Воронежский Телеграф. 1916 г. 29 окт.
- ⁸³ ГАВО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 3260. Л. 8.
- ⁸⁴ Там же. Л. 9.
- ⁸⁵ Там же. Л. 17.
- ⁸⁶ Там же. Д. 3434. Л. 1.
- ⁸⁷ Там же. Д. 3292. Л. 7.
- ⁸⁸ Там же. Ф. И- 6. Оп. 1. Д. 2125. Л. 2, 26.
- ⁸⁹ Погребинский А.П. Указ. Соч. С. 58.
- ⁹⁰ ГАВО. Ф. И-21. Оп. 1. Д. 2323. Л. 21-25.
- ⁹¹ Там же. Л. 22.
- ⁹² Там же. Л. 23.
- ⁹³ Там же. Л. 15.
- ⁹⁴ Там же. Л. 41.
- ⁹⁵ Там же. Л. 33.
- ⁹⁶ Там же. Л. 14.
- ⁹⁷ Там же. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 2084. Л. 97.
- ⁹⁸ Там же. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 1138. Л. 419.
- ⁹⁹ Там же. Ф. И-21. Оп. 1. Д. 2323. Л. 18.
- ¹⁰⁰ Там же. Л. 27.
- ¹⁰¹ Погребинский А.П. Указ. Соч. С. 59.
- ¹⁰² Там же. С. 60.
- ¹⁰³ Миронов Б.Н. Указ. Соч. С. 673-674.
- ¹⁰⁴ ГАОПИВО. Ф. 529. Оп. 4. Д. 84. Л. 3-4.
- ¹⁰⁵ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 1138. Л. 408-409.
- ¹⁰⁶ Там же. Л. 377-378.
- ¹⁰⁷ Там же. Ф. И-21. Оп. 1. Д. 2379. Л. 13.
- ¹⁰⁸ Там же.
- ¹⁰⁹ Голубинов А.Я. Продовольственный вопрос в российской провинции в годы первой мировой войны (на материалах Самарской губернии) // Вестник Самарского университета. 2007. № 5/3 (55). С. 198.
- ¹¹⁰ Кризис самодержавия в России. С. 597.
- ¹¹¹ Милуков П.Н. История второй русской революции. М., 2001. С. 26-27.

**Визиты Ольги и Петра Ольденбургских
в Воронежскую губернию в 1910-е гг.:
по материалам Государственного архива Воронежской области**

Н.А. Комолов,
*к. и. н., ведущий специалист
управления культуры
администрации городского
округа город Воронеж*

Впервые младшая дочь императора Александра III и сестра Николая II великая княгиня Ольга Александровна и ее супруг принц Петр Александрович Ольденбургский появились на воронежской земле 29 июля 1901 г. Они приехали сюда прямо из Гатчины после венчания. В селе Рамонь находилось большое имение свекрови Ольги Александровны, принцессы Евгении Максимилиановны Ольденбургской, купленное ею в 1878 г. Отметим, что ранее господствовавшее в литературе утверждение, что Рамонь была подарком императора Александра II, является недостоверным¹.

Ольденбургские, желая свить отдельное семейное гнездо, купили усадьбу в северной части села. Имение в честь великой княгини получило название «Ольгино». Вскоре здесь был построен и освящен летний дворец. Приезжали они сюда практически ежегодно, на лето, а иногда оставались до поздней осени.

Основные неопубликованные документы, раскрывающие воронежские страницы биографии Ольги и Петра Ольденбургских, сосредоточены в Государственном архиве Российской Федерации и Российском государственном историческом архиве. Часть из них уже использована при создании экспозиции в Свитском корпусе Дворцового комплекса Ольденбургских в Рамони. Между тем в фонде губернского жандармского управления Государственного архива Воронежской области отложились малоизученная переписка за 1910-1914 гг., в которой зафиксированы интересующие охранное ведомство сведения о хронологии передвижения великой княгини Ольги Александровны и принца Петра Ольденбургского и мерах по обеспечению их безопасности во время пребывания в имении «Ольгино»².

В ночь на 2 февраля 1910 г. чета благополучно проследовала через город Воронеж поездом, следующим на юг. Менее чем через полгода, 16 июля, пара прибыла экстренным поездом на станцию Графская, после чего отправилась через Рамонь в Ольгино. В Санкт-Петербург они выехали только 3 ноября. За это время Петр Ольденбургский несколько раз отлучался. В частности, в 20-х числах сентября он охотился в угодьях владельца имения «Ивановское» Бобровского уезда Владими-

ра Ивановича Звегинцова. Не менее трех раз Ольденбургские пребывали в Ольгино и с мая по октябрь 1911 г., куда к ним приезжали в гости великие князья Николай Николаевич младший и Николай Николаевич Лейхтенбергский с супругами³.

Наиболее подробные сведения по рассматриваемому нами вопросу относятся к 1913 г., что объясняется как хорошей сохранностью архивных материалов, так и рядом дел, обоснованно заинтересовавших жандармов.

Впервые в этом году Ольга и Петр прибыли из Петербурга в Ольгино 1 июля и провели здесь больше месяца. Как доносил командированный для их охраны филер, 6 июля великая княгиня и ее адъютант, полковник Н.А. Куликовский, в 6 часов утра выехали на лошадях на ярмарку в село Толши и вернулись вечером.

16 июля Ольденбургские и Н.А. Куликовский инкогнито, т.е. неофициально, посетили имение камер-юнкера двора Юрия Владимировича Вeneвитинова при селе Гнездилово Землянского уезда, пробыв в нем с 12 часов дня до 9 часов вечера⁴. В имении их охрану обеспечивали переодетые в штатское пристав, урядник и два стражника. 20 июля 1913 г. Петр Александрович также инкогнито выезжал в Воронеж. 27-го он вновь ездил туда на автомобиле, побывал в доме артиста А.Л. Дурова и осмотрел его музей⁵.

Работа филеров была не напрасной. 2 августа близ сахарного завода был замечен давно находившийся под наблюдением жандармов из-за неблагоприятных агентурных сведений сын отставного полковника Сергей Дмитриевич Турчанинов, имевший при себе охотничье ружье, с двумя неизвестными лицами. После проезда на станцию Рамонь Ольги Александровны вся троица проследовала за ней на велосипедах и была задержана. Выяснилось, что С. Турчанинова сопровождали сыновья владелицы музыкального магазина фирмы «Эхо» 25-летний студент Харьковского университета Александр Романович Шугам и его брат 14-летний воспитанник Воронежской классической гимназии Илья Шугам. С. Турчанинов, бывший когда-то студентом Московского университета и высланный за участие в беспорядках, был у братьев репетитором. В ходе личного обыска у Александра Шугама был найден незарегистрированный револьвер. Впрочем, дело закончилось для задержанных быстро и благополучно. По оперативным сводкам братья Шугам не проходили, и объяснение участников компании, что они искали место для охоты, жандармов вполне устроило⁶.

В ночь с 7 на 8 августа Ольденбургские с экстренным поездом прибыли из Рамони на станцию Воронеж, откуда вместе отправились в Курск, а затем разделились. Ольга уехала в Крым, а Петр – в северную Пальмиру. 25 августа принц уже снова проделывал привычный маршрут: Графская – Рамонь – Ольгино. На пересадку с одного поезда на другой жандармы выделили шесть минут, а великой княгине, вернувшейся поздним вечером 1 сентября из Ливадии, – десять минут⁷. 14 сентября 1913 г. Ольденбургские на автомобиле прибыли в Воронеж и прежде всего проследовали в Благовещенский собор Митрофановского монастыря. После приложения к мощам св. Митрофана они отправились на открытие сельскохозяйственного института, временно разместившегося в гимназии С. Морозовой. Здесь состоялся торжественный молебен. Визит в Воронеж продолжался не более часа⁸.

А в октябре жандармское управление рассматривало одно примечательное дело, связанное с анонимкой, поданной на имя Ольги Александровны. В письме крестьяне села Староживотинное Воронежского уезда Семен Недосекин и Кон-стантин Федоров («по-уличному» Батов), рабочий Рамонского завода, обвинялись в изготовлении трех бомб с целью покушения на жизнь великой княгини. Жандармы выяснили, что подозреваемые на самом деле были «тихими и порядочными людьми», а автором клеветнического письма оказалась жена смотрителя кордона Мария Непомнящих, женщина разгульного поведения, состоявшая одно время в связи с С. Недосекиным и желавшая выдать замуж за него одну из своих дочерей.

Женитьба ее любовника на другой женщине и вызвала желание М. Непомнящих отомстить. Вычислить ее как автора анонимки жандармскому управлению не составило большого труда. В донесении, указывающем на вероятность покушения на Ольгу Александровну, между прочим, говорилось: «Местное крестьянское население, хотя и в большой мере распущенное, среди коего много лиц прямо хулиганского типа, в пребывании великой княгини в Ольгино видит большое для себя благополучие, так как благодаря редкой доброте Ее Императорского Высочества оно широко пользуется ее милостями. Многие десятки тысяч рублей раздаются крестьянам великой княгиней, помогающей им при всяких затруднительных случаях в их жизни, хотя, к сожалению, полученные деньги крестьяне не всегда употребляют на добropорядочные цели, зачастую прогуливают и пропивают их, что известно и Ее Императорскому Высочеству, продолжающей творить добро»⁹.

В это время охрану Ольденбургских обеспечивали 12 человек полицейской стражи, размещенные на трех постах вокруг дворца, и филер. Начальник губернского жандармского управления представил материалы предварительного расследования воронежскому губернатору с целью довести информацию до Ольги Александровны, передав ей определение судьбы Марии Непомнящих. Однако на столичном уровне делу решили не давать дальнейший ход из-за очевидности мотивов жалобщицы.

Между тем Ольга и Петр, несчастные в браке, продолжали порознь проводить время. 29-30 октября принц находился в Воронеже, присутствовал на концерте оркестра русских народных инструментов В.В. Андреева в Дворянском собрании¹⁰.

16 ноября Петр Александрович отправился в Гагры через Воронеж, а Ольга спустя день выехала в Петербург¹¹. На обратном пути в декабре П.А. Ольденбургский попал в форс-мажорную ситуацию. Скорый поезд между станциями Сончино и Сагуны ЮВЖД столкнулся с паровозом-толкачом товарного состава. Благодаря грамотным действиям машиниста обошлось без пострадавших, но была трехчасовая задержка. Принц, получив лишь легкий ушиб, подарил машинисту за спасение своей жизни именной серебряный портсигар с золотой монограммой. П.А. Ольденбургский на сутки (10-11 декабря) заехал в Ольгино и далее отправился в Петербург¹².

Вернулся он уже через полтора месяца, 25 января 1914 г., но на трое суток. Последний раз Ольга и Петр прибыли в Ольгино 3 мая 1914 г. Неделей раньше в

имении ввиду сокращения в ВГЖУ на одну треть штата филеров был учрежден временный жандармский пункт для охраны Их Высочеств. Два унтер-офицера в штатском платье были обязаны наблюдать за появлением в имении подозрительных лиц, носить под одеждой заряженный «браунинг» в кожаной кобуре. Жандармский пункт охватывал села Рамонь, Староживотинное и Новоживотинное, где также были имения Ольги Александровны¹³. Впрочем, большинство прогулок по окрестностям Ольденбургские совершали на автомобиле, и охрана не могла отслеживать их текущее перемещение¹⁴.

9 июня 1914 г. Ольга и Петр выехали в Петербург. В августе ожидалось их возвращение в Ольгино. Но для России и ее достойной дочери – Ольги Александровны начиналось время великих потрясений. В начале 1916 г. она наконец развелась с нелюбимым мужем и в ноябре вышла замуж за полковника Николая Куликовского, с которым прожила более 40 лет. Уроженец Острогожского уезда, Н.А. Куликовский приобрел имение в селе Подгорном недалеко от отчего дома. Здесь супруги побывали в недолгом отпуске осенью 1916 г.

Петр Александрович Ольденбургский в 1917 г. в одиночестве проживал в рамонском дворце своей матери, хотя само имение девятью годами ранее было выкуплено государством за долги владелицы.

В настоящее время в Рамони ведется активная реставрация дворца, а значит, и возрождение исторической памяти о династии Ольденбургских.

¹ Подробнее см.: Комолов Н.А. Как принцесса Евгения купила Рамонь. Воронеж, 2016.

² ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1135. Л. 9, 81, 83-85, 102; Д. 1412. Л. 1-4 об, 6, 8.

³ Акиншин А.Н., Комолов Н.А. Династия Романовых и воронежский край (1696-1914). Воронеж, 2014. С. 238-239.

⁴ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1354. Л. 1-5.

⁵ Акиншин А.Н., Комолов Н.А. Указ. соч. С. 240.

⁶ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1354. Л. 7-13.

⁷ Там же. Д. 1353. Л. 3-6; Д. 1354. Л. 6, 18-24.

⁸ Там же. Д. 1354. Л. 25-27.

⁹ Там же. Л. 28-36, 39.

¹⁰ Там же. Л. 37.

¹¹ Там же. Д. 1353. Л. 7-8; Д. 1354. Л. 41-44.

¹² Там же. Д. 1354. Л. 45-49 об.

¹³ Там же. Д. 1412. Л. 1-10 об.

¹⁴ Страхов Л.В. Воронежское губернское жандармское управление: организация и деятельность (1867-1917 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2017. С. 84, 371, 380.

Первый послевоенный экзамен. Воронежский авиационный завод: 1943-1949

А.Е. Коробанов,
*редактор центра общественной
информации и печати
Воронежского акционерного
самолетостроительного общества*

Через три месяца после освобождения Воронежа, 3 апреля 1943 г., приказом НКАП № 292к Владимир Кузьмич Сердюк был официально назначен директором Воронежского авиационного завода, получившего номер 64, и утвержден в этой должности постановлением бюро Воронежского обкома ВКП(б) 11 декабря того же года. Задача перед ним стояла прежняя: ремонт и восстановление всех типов самолетов как непосредственно на производственной площадке, так и в воинских частях, действовавших на ближних фронтах. В апреле 1943 г. к обязанностям Сердюка добавилась и должность уполномоченного НКАП по ремонту самолетов при штабе 5-й воздушной армии¹.

Наглядно представить состояние, в котором находился завод, можно по данным из справки областного управления промышленности стройматериалов облисполкому о состоянии предприятий Воронежа за 1943 г.: сгорели семь цехов, один ангар, три цеха разрушены бомбардировкой. «Основные цехи сохранились. При среднем ремонте завод может приступить к ремонту самолетов. Аэродром полностью сохранился», – делали вывод специалисты, обследовавшие пострадавшее от бомбежек предприятие².

В чудом уцелевших остовах зданий разгуливал ветер, свисали искореженные металлические конструкции. Словно после чудовищного землетрясения лежали бесформенные груды битого кирпича, обгоревшие балки. И прежде чем приступить к ремонту самолетов, все это требовалось убрать, вывезти. А на чем? Конный парк – пять истощенных лошадей, в автогараже – три полутонатонки. Носилки и тачки были основными средствами для переноски и перевозки всевозможного строительного мусора.

Дирекция предприятия бросила клич: «Возродим тебя, родной завод!» С кадрами было негусто. Весь непосильный груз лег на плечи работников авиаремонтной базы, вернувшихся из Борисоглебска, да фронтовиков, демобилизованных по ранению, а еще мальчишек, пришедших вместе с матерями из пригородных деревень. Восстановительные бригады были почти сплошь женские, но они мало в чем уступали мужчинам. Постепенно потянулись из Куйбышева домой, в

Воронеж, специалисты и рабочие, которые по прибытии незамедлительно включались в процесс возрождения родного предприятия.

«Я поступила работать на завод до войны, – рассказывала автору в 2010 г. одна из старейших работниц предприятия А.П. Казьмина. – Эвакуироваться в Куйбышев отказалась, во время оккупации Воронежа жила с отцом и матерью в Верхнехавском районе. Весной 1943 года вновь устроилась на завод в бюро пропусков. Возрождали предприятие, не жалея себя. Ночевали тут же, в восстанавливаемых цехах. Тем, кто работал на предприятии, сразу дали карточки на получение хлеба».

В нелегких условиях начиналась жизнь завода. В цехах отсутствовало отопление, оконные проемы были заложены кирпичом, электричество подавала передвижная установка, которая часто останавливалась. И все же людская энергия и упорство делали свое дело. Полуразрушенные сожженные цеха постепенно приобретали прежний вид. В марте 1943 г. поступила часть оборудования завода № 381, реэвакуированного из Нижнего Тагила³. Преображался и разрушенный город.

В августе 1943 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецких оккупантов», которое имело большое значение для ликвидации последствий войны на территории Воронежской области и в Воронеже. Из 75 млрд рублей, выделенных правительством на возрождение разрушенных городов, около 500 млн рублей предназначалось Воронежу⁴. На помощь воронежцам двинулись эшелоны со строительными материалами, одеждой, станками, оборудованием. Их присылали Москва, Пенза, Тамбов, Куйбышев, Чита. Наибольшая помощь пришла от новосибирцев – более полутора тысяч вагонов с различными грузами⁵.

На заводе № 64 постепенно налаживался процесс ремонта самолетов, которых с нетерпением ждали на фронтах. Крылатые машины прибывали по железной дороге, их тут же доставляли в помещения восстанавливаемых цехов, и за дело принимались ремонтные бригады. Полевая ремонтная база предприятия была организована в селе Великая Михайловка, неподалеку от города Короча Белгородской области. Много работы было перед Орловско-Курской кампанией, ремонтные бригады завода № 64 занимались восстановлением самолетов 5-й и 2-й воздушных армий.

Думать Сердюку и назначенному на завод главным инженером Григорию Андреевичу Новaku приходилось обо всем: и о том, где раздобыть недостающий инструмент, и о том, где разместить прибывающих на предприятие рабочих, и о хлебе насущном.

«Как только потеплело, – вспоминал Владимир Кузьмич, – мы организовали подсобное хозяйство. Собрали бродячих лошадей и коров, организовали для них питание, и это было началом хозяйства. Семена приобрели у крестьян окрестных сел. За неимением денег делали из сорванного с крыши кровельного железа ведра, тазы, выварки и обменивали их на семена пшеницы, ячменя, подсолнечника, свеклы, моркови. Засеяли поле, и к осени уже были свои продукты. Осенью 1943-го завели стадо свиней. Поскольку кроме директорской должности я был также уполномоченным ВВС и НКВД по ремонту самолетов во фронтовых условиях и часто выезжал к рабочим-ремонтникам, нас зачислили на военное питание. Мы

стали получать и питание, и обмундирование, в том числе и обувь. К празднованию 26-й годовщины Октября в помещении охраны завода был оборудован клуб, в котором прошло первое торжественное собрание. В тот же вечер, впервые за всю войну, у нас выступал Воронежский хор»⁶.

К концу 1943 г. работали цеха: агрегатный, механический, инструментальный, сварочный. Малярку организовали в ангаре вместе с временной сушилкой. Был подготовлен к пуску термический цех, но в связи с налетом вражеской авиации, по предложению Г.А. Новака, в ряде цехов были созданы термические печи. Они обеспечивали необходимый объем термообработки. Силами рабочих было восстановлено здание, в котором до войны размещалась школа ФЗУ, и вновь началась подготовка кадров для завода.

В конце 1943 г. В.К. Сердюк направил в НКАП запрос об организации строительных работ по восстановлению всех цехов завода. Запрос был удовлетворен, и в начале 1944-го восстановительные работы пошли полным ходом.

Рос коллектив, в семьях увеличивалось число детей. Надо было думать, чем занять ребятшек летом. В 1944 г. по инициативе дирекции предприятия в пригородном поселке Сосновка отремонтировали помещения пионерского лагеря. Его открытие накануне наступления летних школьных каникул стало настоящим праздником для всего, пока еще немногочисленного, коллектива. На митинг по этому случаю собрались и стар, и млад⁷.

Каждодневные заботы по налаживанию производства, обустройству быта почти не оставляли свободного времени, и все же воронежские самолетостроители живо интересовались делами товарищей, коллег, оставшихся в Куйбышеве. Весточки оттуда читали с жадностью, передавали друг другу. Волжане сообщали: «Завод работает ритмично... На пятнадцать дней раньше выполнили задание 1943 года и сдали сверх плана в особый фонд Верховного Главнокомандования более двухсот самолетов... Пелагея Ковалева сколотила бригады женщин – жен погибших воинов, двадцать пять вдов... Собран один миллион рублей на строительство эскадрильи имени Куйбышева... Механизированы наиболее трудоемкие операции, усовершенствована технология – на сотни часов сократилось время, затрачиваемое на изготовление самолета...»⁸.

В декабре 1944 г. В.К. Сердюк получил новое назначение, путь его лежал в Киев⁹. Ему на смену директором завода № 64 был назначен генерал-майор инженерно-авиационной службы Василий Николаевич Смирнов (руководил предприятием до июня 1955 г.)¹⁰. Должность главного инженера занял Н.Д. Востров.

Вести с фронтов Великой Отечественной в Воронеж приходили все более радостные. Кольцо вокруг гитлеровского логова неуклонно сжималось. Победам русского оружия радовались и заводчане, разившие врага с оружием в руках, и те, кто ковал Победу в тылу.

Девятое мая 1945 г. Воронеж, как и вся страна, встретил в ярком весеннем наряде, кумачовом разливе знамен. Улицы и площади утопали в море музыки. Улыбки светились на лицах людей. А впереди был долгий путь к восстановлению городов и сел, разрушенного войной народного хозяйства, в котором участвовали военнопленные «покорители Европы».

Соплеменников тех, кто еще недавно безнаказанно бомбил авиационный завод, хозяйничал в Воронеже, поселили в бывшем хранилище кислородных и ацетиленовых баллонов. Один из них на склоне лет вспоминал о месяцах плена: «Первый лагерь находился поблизости от авиационного завода... В частности, мы занимались тем, что распаковывали части авиационных моторов, распаковывали алюминиевые листы, которые поступали из Германии, полировали их кожей, чтобы они могли использоваться в самолетостроении...»¹¹. И на том, как говорится, спасибо. Хотя это лишь малая толика во искупление страшных преступлений...

1946 г. вместил множество разнообразных событий, обозначил некий рубеж, когда стало окончательно ясно, что послевоенному воронежскому самолетостроению – быть. Эту возможность обеспечили кадры и техническое оснащение производства.

Еще до окончания Великой Отечественной войны из агонизирующей Германии и стран-сателлитов в счет репараций был начат вывоз промышленного оборудования. Для его приемки В.Н. Смирнов создал комиссию во главе с Востровым, в которую вошли практически все главные специалисты предприятия¹². Станки, гидропрессы «Фриц Мюллер», «Лейк Ири» и других фирм, всего 2507 единиц, в том числе 907 металлорежущих¹³, верой и правдой служили отечественной авиационной промышленности долгие десятилетия.

До завершения реконструкции разрушенного войной хозяйства оставалось еще добрых три года, когда руководство авиапрома поставило перед Смирновым новую задачу. НКАП распорядился организовать в Воронеже производство агрегатов самолета Ил-10 (изделие № 31 по заводской документации): крыльев, оперения (стабилизатора, рулей высоты и направления), костыльной установки, шасси с обтекателями, хвостового отсека фюзеляжа, бензо- и маслобаков, металлических хвостовых отсеков фюзеляжа Ил-2. Цель состояла не только в том, чтобы загрузить мощности завода, эффективно использовать станочный парк, но и вести подготовку рабочих различных специальностей для организации самостоятельного серийного производства самолетов.

...Этот преемник Ил-2, тоже двухместный, с меньшим по площади и по размаху крылом, более мощным двигателем АМ-42, улучшенной аэродинамикой, получивший в серии название Ил-10, ОКБ Ильюшина подготовило к запуску еще в 1944 г. Постройку первого самолета вели на заводе № 18. Таким образом воронежцы, ковавшие Победу в Куйбышеве, оказались причастны к производству очередного детища авиаконструктора.

В августе 1944 г. Ил-10 был принят на вооружение Красной Армии, серийным выпуском штурмовиков вначале занимались заводы № 1 и № 18, затем к их производству подключились воронежцы – завод № 64.

В апреле 1946 г. Смирнов распорядился начать на заводе реорганизацию производственной и технологической цепочки. Вскоре был создан серийно-конструкторский отдел, подчинявшийся непосредственно главному инженеру, на базе расформированного технического отдела возникли конструкторский отдел приспособлений, конструкторский отдел по инструменту и технологический отдел. Конструкторы этих подразделений, а также работники

плазово-шаблонной мастерской были переведены на сдельную работу¹⁴. В мае 1946-го для помощи воронежцам по организации выпуска самолетов прибыла бригада инженерно-технических работников из Куйбышева с завода № 18¹⁵. Оттуда же стали поступать и первые детали, узлы и агрегаты¹⁶.

Производство Ил-10 шло параллельно с восстановлением разрушенного войной заводского хозяйства и, вполне объяснимо, сопровождалось большими трудностями. В июне 1946 г. Смирнову пришлось констатировать, что к началу месяца незавершенное производство по изделию 31 составило всего лишь пять процентов от стоимости завезенных материалов¹⁷. Не хватало специалистов, квалифицированных рабочих... Сентябрьский план освоения производства Ил-10 также оказался невыполненным¹⁸. Перелом наступил только к концу года, о чем свидетельствует изменившаяся тональность приказов директора. Пусть и маленькой, но все же победой ознаменовался декабрь: удалось запустить и освоить технологический процесс выпуска деталей шасси...¹⁹

Вопрос питания в разоренном фашистами Воронеже в 1946 г. все еще оставался острым. Поэтому на «грубые нарушения по оформлению и выдаче всех видов хлебно-продуктовых карточек и талонов дополнительного питания» директор Смирнов реагировал немедленно и жестко. И появлялись приказы, подобные тому, который он подписал в начале февраля: «За возмутительное отношение в обеспечении рабочих хлебными карточками, заменив их 5-дневными талонами, за задержку выдачи талонов на 2-е горячее питание, табельщицу цеха № 2 – Шаталову с работы снять и перевести уборщицей в АХО»²⁰. В том же 1946-м заводчане включились в решение проблемы товарного «голода». Завод занялся выпуском четырехлитровых бидонов, пятилитровых кастрюль, кружек, мисок, стальных кроватей. Но больше всего выпущено керосиновых ламп, которые шли сериями от 100 до 500 штук²¹.

Роль «лимузина» для перевозки «с правобережной части города на завод и с завода руководящих работников» выполняла грузовая автомашина, оборудованная «крытым автофургоном и крючковыми бортовыми скамейками»²². Немалым подспорьем для решения всевозможных транспортных проблем вновь, как и на этапе создания завода, стали лошади, полученные по наряду МАП²³.

И еще пара слов о быте. В марте 1946 г. под директорскую «раздачу» попал главный инженер УКСа Збарский, который вовремя не установил в зале клуба печи-временки, не обеспечил перенос печки туда же из директорского кабинета, из-за чего намеченная на 20 марта третья профсоюзная конференция была сорвана...²⁴

К 1947 г. относится событие, которое характеризует суровые нравы того времени. 19 февраля члены военного трибунала войск МВД по Воронежской области на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 г. в открытом судебном заседании рассмотрели уголовное дело по обвинению столяра цеха № 3 Александра Сергеевича Грибанова, который в июле 1945 г. после окончания ФЗО № 5 был направлен на завод № 64. В ноябре 1946 г. он оставил работу и уехал на родину, в Панинский район Воронежской области, а 5 февраля 1947 г. был там задержан при проверке документов. Приговор Грибанову оказался суровым: шесть лет тюремного заключения²⁵.

По упомянутому указу рабочие и служащие предприятий военной промышленности считались на период войны мобилизованными и были закреплены для постоянной работы за теми предприятиями, на которых они работают. Их самовольный уход рассматривался как дезертирство и карался тюремным заключением на срок от 5 до 8 лет.

Война закончилась. Но продолжали действовать законы военных лет.

Бог весть, как сложилась судьба восемнадцатилетнего пацана, в сущности еще ребенка, которого подтолкнули на отъезд, скорее всего, бытовая неустроенность, голод, тоска по дому и родным...

Первые двенадцать штурмовиков Ил-10 сошли со стапелей завода в 1947 г.²⁶ К этому времени в самостоятельное подразделение была преобразована лётно-испытательная станция, на сотрудников которой, помимо испытаний машин в воздухе, возложили задачи по их сдаче заказчикам, организации метео- и радиослужб, эксплуатации аэродрома²⁷. К концу июля 1949 г. производство ильюшинских «десяток» на заводе № 64 завершилось, и директор Смирнов распорядился останку на изделия № 30 (УИл-10) и № 31 законсервировать²⁸.

После окончания войны Ил-10 стали первыми самолетами, которые полностью собирали в цехах восстанавливаемого предприятия. Экзамен на зрелость воронежские самолетостроители выдержали.

Кроме ВВС СССР Ил-10 стояли на вооружении штурмовых авиаполков Польши, Югославии, Чехословакии, Китая, Северной Кореи. Первыми из зарубежных авиаторов эти крылатые машины получили польские ВВС. Восемнадцать и двенадцать Ил-10, выпущенных в Воронеже, эксплуатировались соответственно в 4-м и 6-м штурмовых авиаполках Польши²⁹.

На основании постановления Совета Министров СССР от 14 мая 1949 г. № 1890 и приказа МАП от 19 мая 1949 г. № 374сс завод, «где директором тов. Воронин» передал «заводу, где директором тов. Смирнов», агрегаты, узлы, детали, спецостанку, специнструмент, техдокументацию изделия № 4³⁰.

Здесь требуются пояснения. П.А. Воронин с 1946 г. возглавлял московский авиационный завод № 30, где был организован серийный выпуск одного из первых послевоенных пассажирских самолетов – Ил-12 (изделие № 4 по заводской документации). К 1949 г. выпуск Ил-12 подходил к концу. А воронежцы получили задание на ремонт и модернизацию воздушных машин этого типа. Для успешной отработки и сдачи Ил-12 на заводе № 64 была сформирована группа бортмехаников в составе Ф.А. Белых, Т.А. Вьюнова, В.П. Кленченко, М.М. Попова, А.А. Захарова³¹.

Воронежцы еще продолжали сборку первого послевоенного поколения ильюшинских машин, а в недрах ОКБ Ильюшина вызрела идея нового, по сути, революционного самолета – первого отечественного реактивного бомбардировщика Ил-28.

Сборка первых отечественных реактивных фронтовых бомбардировщиков Ил-28 потребовала от коллектива завода № 64 иного, более высокого уровня организации производства, подходов к качеству, знания конструкции и технологии изделия № 5. (Так в ведомственных документах обозначали Ил-28.)

За парты для изучения конструкции и технологии изделия № 5 в апреле 1950 г. сели инженеры и технологи ведущих цехов завода. Особую группу составили руководители: директор В.Н. Смирнов, главный инженер В.И. Демин, главный технолог Г.А. Новак, начальник производства Е.С. Титков, главный диспетчер В.Ф. Ведихин, начальник СКО А.М. Вульман, главный контролер А.Ф. Лидяев, секретарь парткома А.А. Киселев и председатель завкома Б.А. Работкин³².

К июню 1950 г. программа курсов была в основном исчерпана, и в начале июля эталонный образец изделия № 5 (00-01) поступил в сборочный цех, правда, выявилась нехватка многих узлов, так что «работа в течение пятнадцати дней проходила без системы, не по графику, что явно поставило под угрозу срыва срока, установленного зам. министра П.В. Дементьевым»³³. К декабрю производственный процесс наладился.

Следует уточнить, что впервые в практике отечественного самолетостроения конструкция фюзеляжа самолета Ил-28 была спроектирована так, что обеспечивала сборщикам свободные подходы ко всем элементам конструкции и позволяла быстро и с высокой производительностью монтировать различные оборудование и системы. Продольный технологический разъем практически по всей длине фюзеляжа делил его на два полуцилиндра с хорошими подходами ко всем внутренним элементам его конструкции и позволял механизировать все клепально-сборочные работы. Кроме того, фюзеляж на правом и левом борту имел закрывавшиеся снаружи бортовые каналы, в которых размещались гидровоздушные трубопроводы и электропроводка. Это позволяло быстро и качественно контролировать состояние проводки в эксплуатации, легко заменять вышедшие из строя элементы, что сокращало время подготовки самолета к вылету и, в конечном счете, повышало его боевую эффективность³⁴. Эти же конструктивные особенности значительно сокращали сроки сборки и сдачи воздушных машин. Свою лепту в оптимизацию сборочных процессов вносили и заводчане. В июле 1950 г. мастер стапельного цеха № 21 Ф. И. Бугаев предложил изменить технологический процесс изготовления узлов стапельной оснастки, за что удостоился авторского одобрения и премии³⁵.

Производство Ил-28 шло нарастающими темпами. Если в 1950 г. со стапелей сошли всего четыре воздушные машины, в следующем – 75, в 1952 – 170³⁶. В два последующих года ВВС страны получали из Воронежа более чем по триста бомбардировщиков. Их производство на заводе № 64 завершилось к августу 1954 г.³⁷, достигнув 943 самолетов³⁸.

На всех этапах сборки Ил-28 особое внимание уделялось весовым характеристикам машины. С этой целью в сборочном цехе к середине 1950 г. установили специальные весы для взвешивания изделия № 5 и ввели инструкцию, согласно которой произвели стопроцентное взвешивание деталей, узлов и агрегатов, готовых изделий в ходе сборки первых двух машин. В последующем взвешивался каждый десятый готовый самолет, а отчеты отправлялись главному конструктору³⁹. Результаты проведенных в мае-июне 1952 г. в НИИ ВВС контрольных испытаний Ил-28, выпущенных на заводах № 30 (Москва), № 64 (Воронеж) и № 166 (Омск), свидетельствовали о том, что все воздушные машины соответствуют тех-

ническим требованиям заказчика. Отклонение веса пустого самолета в сторону увеличения не превышало 48 кг⁴⁰.

Один из самых массовых советских фронтовых бомбардировщиков, выпущенный в количестве 6316 экземпляров, имел множество модификаций и стоял на вооружении не только в большинстве стран социалистического содружества, но и во многих азиатских государствах, а также в Финляндии. За создание Ил-28, получившего в НАТО название «Гончая», С.В. Ильюшину и группе конструкторов ОКБ была присуждена Сталинская премия.

Ил-28 не только поднимались в небо с заводского аэродрома в испытательные полеты. Часть из фронтовых бомбардировщиков получили воронежскую «прописку», поскольку стояли на вооружении 455-го бомбардировочного авиационного полка, базировавшегося в окрестностях города на аэродроме «Б», более известном как «Балтимор». На базе четвертой эскадрильи полка проходили переучивание на Ил-28 экипажи строевых полков. Помимо этого, летчики полка занимались перегонкой ильюшинских бомбардировщиков с завода № 64 в строевые части ВВС. Вплоть до конца пятидесятых годов XX в. в Воронеже разрабатывались способы боевого применения с бомбардировщиков Ил-28 управляемых авиабомб, отработывались способы и методы создания помех самолетным РЛС в интересах действий бомбардировщиков, а также тактические приемы постановки помех сухопутным ЗРК⁴¹. О том времени сегодня напоминает Ил-28, установленный как памятник на «Балтиморе».

¹ «Из руин и пепла» // «Воронежские крылья», общественно-политическая газета Воронежского акционерного самолетостроительного общества, № 3 (8410), февраль–март 2014.

² ГАВО. Ф. 1440. Оп. 18. Д. 132. Л. 182. См. Во имя Победы (Воронежская обл. парт. организация в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.) Сборник документов и материалов. Воронеж: Центр.-Черн. кн. изд-во, 1975. С. 194.

³ Тихонов, Оборонные предприятия СССР и России. Т. 1. М.: ТОМ, 2010. С. 208.

⁴ Белов И.И. Поднятые из руин. Исторические очерки восстановления и развития старейших городов России 1943–1963 гг. М.: Стройиздат, 1966. С. 83.

⁵ Там же. С. 50.

⁶ «Из руин и пепла» // «Воронежские крылья», общественно-политическая газета Воронежского акционерного самолетостроительного общества, № 7 (8414), апрель–май 2014.

⁷ «Из руин и пепла» // «Воронежские крылья», общественно-политическая газета Воронежского акционерного самолетостроительного общества, № 7 (8414), апрель–май 2014. Летопись Воронежского авиационного завода, спецвыпуск «Воронежских крыльев», август 2012. С. 12.

⁸ «Из руин и пепла» // «Воронежские крылья», общественно-политическая газета Воронежского акционерного самолетостроительного общества, № 8 (8415), май 2014.

⁹ «Из руин и пепла» // «Воронежские крылья», общественно-политическая газета Воронежского акционерного самолетостроительного общества, № 8 (8415), май 2014.

¹⁰ Воронежский фронт: история, люди, победы. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 2005. С. 41. Летопись Воронежского авиационного завода, спецвыпуск «Воронежских крыльев», август 2012. С. 32.

¹¹ Лагерный опыт в жизни и памяти русских и немцев – возможности и пределы совместных воспоминаний. Воронеж: ВГПУ, 2010. С. 197.

¹² Приказ по заводу № 64 МАП № 188 от 20 апреля 1946 года (дается здесь в изложении). Для приемки прибывшего трофейного оборудования создать комиссию в составе: главного инженера Вострова, главного бухгалтера Косина, главного инженера ОКСа Збарского, главного технолога Новака, главного механика Фоминых, главного энергетика Миронова, начальника цеха № 30 Викина, начальника бюро оборудования ОГМ Середенко, начальника группы оборудования ОКСа Кирюхина, начальника складского хозяйства Леонова. На комиссию возложить приемку всего прибывшего оборудования, оценку его и отчетность перед Министерством авиационной промышленности в порядке и сроки согласно приказу НКАП № 379с от 17 сентября 1945 года // ГАВО. Ф. Р-3175. Оп. 1. Д. 1. Л. 208–208 об.

¹³ Тихонов, цит. соч. С. 365. ГАВО. Ф. Р-3175. Оп. 1. Д. 1. Л. 206; Д. 2. Л. 97. Д. 3. Л. 318.

¹⁴ ГАВО. Ф. Р-3175. Оп. 1. Д. 1. Л. 190.

¹⁵ Там же. Л. 296.

¹⁶ Там же. Л. 284.

¹⁷ Там же. Л. 45.

¹⁸ Там же. Д. 3. Л. 114.

¹⁹ Там же. Л. 330.

²⁰ Там же. Д. 1. Л. 39.

²¹ Там же. Л. 12, 17.

²² Там же. Л. 40.

²³ Там же. Л. 179.

²⁴ Там же. Л. 122.

²⁵ Там же. Д. 6. Л. 228–229.

²⁶ Таликов Н. Три четверти века «ильюшинского» неба. М.: ООО «Вестник воздушного флота», 2008. С. 409.

²⁷ ГАВО. Ф. Р-3175. Оп. 1. Д. 6. Л. 154.

²⁸ Там же. Д. 17. Л. 269, 327–327 об.

²⁹ Якубович Н. Штурмовик-истребитель. О самолете Ил-10 // «Крылья Родины», № 5 (796), 1997. С. 4.

³⁰ ГАВО. Ф. Р-3175. Оп. 1. Д. 17. Л. 200.

³¹ Там же. Д. 18. Л. 136.

³² Там же. Д. 22. Л. 318–319.

³³ Там же. Д. 23. Л. 243.

³⁴ Из истории советской авиации: самолеты ОКБ имени С.В. Ильюшина. М.: Машиностроение, 1990. С. 87.

³⁵ ГАВО. Ф. Р-3175. Оп. 1. Д. 23. Л. 303.

³⁶ Таликов Н. Три четверти века «ильюшинского» неба. С. 409.

³⁷ ГАВО. Ф. Р-3175. Оп. 1. Д. 59. Л. 60.

³⁸ Таликов Н. Три четверти века «ильюшинского» неба. С. 126.

³⁹ ГАВО. Ф. Р-3175. Оп. 1. Д. 22. Л. 357–358.

⁴⁰ Якубович Н. Самолеты Ильюшина. Лучшие из лучших. М.: Яуза: Эксмо, 2009. С. 193–194.

⁴¹ Подробнее см.: Никольский М. 455-й бомбардировочный авиационный полк // «Авиация и космонавтика: вчера, сегодня, завтра», 2007, № 12. С. 1–6.

Восстание против мобилизации в городе Острогожске в марте 1919 года

*А.А. Пилипенко,
ученый секретарь Острогожского
историко-художественного
музея им. И.Н. Крамского*

Уже год, как гремит Гражданская война в России. Противостояние белых и красных разбавлено спектром других цветов: от черного до зеленого. Воронежская губерния располосована фронтами начиная еще с 1918 г. Натиск казаков Краснова отбит. Было заключено соглашение с донскими казаками о том, что они прекращают сопротивление, а красные не идут на Дон. Но Гражданская война продолжается.

8 января 1919 г. были образованы вооруженные силы юга России во главе с А.Н. Деникиным. Для борьбы с ними Красная Армия начала продвижение через область Войска Донского, нарушив этим ранее заключенный договор. Весь казачий фронт отошел на линию Донца. Верхне-Донской округ оказался за фронтом Красной Армии. Станицу Вешенскую заняла 15-я Инзенская пехотная дивизия большевиков, в которую входили части, ранее составлявшие Острогожский батальон. По другим станицам и хуторам расположились отряды ЧК, обозы и резервные части. Повсюду начался красный террор с арестами и расстрелами, с ограничением свободы передвижения даже в границах своего поселения. Стал назревать взрыв негодования. 11 марта 1919 г. началось восстание верхнедонцов.

Близкое казачье восстание потребовало дополнительные силы большевиков. Готовятся красные отряды для отправки на борьбу против казаков. Для этого проводится мобилизация.

21 марта 1919 г. в Острогожске отдается «Приказ о Военном положении».

«§1. На основании телеграммы Наркома Внутренних Дел № 513101 ввиду 1) восстания казаков на границе Воронежской губернии и Донской области; 2) растущего в уезде контрреволюционного движения и 3) усиленной работой в связи с заготовкой топлива, продовольствия и предупреждения размывки путей и на основании постановления Острогожского Исполнительного Комитета от 21 марта сего года, я наделен чрезвычайными полномочиями по подавлению всех могущих произойти контрреволюционных выступлений в городе и уезде.

§2. С шести часов вечера 21 марта сего года объявляется город и уезд на военном положении.

§3. Волостные военные комиссары наделяются чрезвычайными полномочиями по подавлению контрреволюционных выступлений в волости.

§4. Своим помощником назначаю т. Ткачева.

§5. Все коммунистические ячейки как в городе, так и в волости приказываю немедленно вооружить и передать исключительные распоряжения уездным военным комиссарам и волостным военным комиссарам»¹.

После опубликования данного приказа 26 марта 1919 г. в Острогожске вспыхивает контрреволюционное восстание против мобилизации на фронт. В 11 часов на площади города собирается толпа мобилизованных, которые требуют освободить из-под ареста дезертира Волкова, арестованного две недели назад, а также объяснений военного комиссара Шевелева.

Вот как описывает это событие местная газета, подшивка которой хранится в фондах Острогожского историко-художественного музея им. И.Н. Крамского: «...на площади Коммунаров намечалось небывалое оживление. Прибывали взбунтовавшиеся еще утром мобилизованные и запасные красноармейские части. Враждебно настроенные, они располагаются вокруг трибуны, на которой вскоре появляются т.т. Шевелев, Кравченко, Чумаченко и представители местных красноармейских частей. Всем почти, за исключением тов. Шевелева, мобилизованные не давали возможности высказаться, заглушая их речи возгласами: слышали... довольно... смерть коммуне... долой из Советов жидов... Все попытки к успокоению толпы, спровоцированной демагогами, не привели к должным результатам, и она готова была ко всякой расправе с коммунистами.

Темные массы, руководимые зачинщиками восстания, требовали немедленной посылки на фронт коммунистической роты, обезоруживания местных партийных работников, разгона «Коммуны» (понятие о которой извращалось до бесконечности), освобождения задержанных дезертиров и списков всех ответственных советских работников для исключения из них евреев.

В момент наибольшего возмущения толпы одним из присутствовавших на митинге была оглашена записка, адресованная якобы Шевелеву, в которой последнему сообщили, что на усмирение мятежников идет 250 кавалеристов и один броневик. Это заявление окончательно определило линию поведения масс. С криком «за оружие» участники митинга, захвативши с собой тов. Шевелева, двинулись по направлению к улице Крамского»².

Вспоминает В.А. Симончик, уездный войсковой комиссар Коротояцкого и Острогожского увоенкоматов: «...Когда мне поручили в ревкоме провести беседу с мобилизованными, я увидел подстрекателей, которые выкрикивали эти лозунги («За власть Советов, но без коммунистов», «Не отсылать мобилизованных за Острогожск, а вооружать их для защиты Острогожского уезда»). Мобилизованные отказались от отправки. Я доложил об этом предревкому Белоусову и тов. Крюкову. Было предложено тов. Шевелеву лично переговорить с мобилизованными, но во время его выступления его сбили с ног, и только красноармейцы караульной роты спасли его от верной гибели. Шевелев приказал мне опять поехать в мобпункт и провести разъяснительную работу. Когда я подъехал к мобпункту, то за несколько кварталов увидел разъяренную толпу мобилизованных, впереди

которой шли бывшие офицеры. Я въехал в середину толпы и, встав на сиденье экипажа, обратился к людям. Все закричали, что плохо кормят на пункте и что ими руководят белогвардейцы. В то время начальником мобпункта был бывший ротмистр Тусский – огромного роста человек. Это требование мобилизованных я поддержал и призвал всех идти со мной разыскивать ротмистра. По телефону я доложил в военкомат о положении на мобпункте. Мне обещали помочь и прислать агитаторов»³.

Возле здания пожарного двора толпа останавливается и освобождает дезертиров, находившихся там под арестом. Тем временем «исполкомом были выпущены воззвания с призывом не поддаваться на провокации и сохранять спокойствие. Эти листки с ожесточением разрывались на части и топтались ногами»⁴.

Толпа движется дальше и подходит к зданию Всеобуча, где был небольшой склад оружия. Мобилизованные захватывают его. Затем они следуют к оружейной мастерской, но в ней только неисправные винтовки, находившиеся в ремонте. «Вооружившись кое-как, толпа направлялась к зданию Совета, с целью занять и обезоружить, находящихся там коммунистов»⁵. Это происходит в 12 часов дня.

Пулеметная команда гарнизона, не пожелавшая присоединиться к митингующим, окружена в офицерском корпусе казарм в 12 часов 30 минут. Власти тем временем отправляют просьбу о помощи в Коротояк и Лиски. В 13 часов 30 минут в толпу мобилизованных пробираются добровольцы Коммунистической ячейки гимназистов и проводят агитацию за мобилизацию в Красную Армию. С 15.00 до 15.30 здание Совета готовится к обороне, расставляются вооруженные служащие Совета вокруг него. Прибывает караульная рота, но на всех не хватает винтовок и очень мало патронов. Из Рибенсдорфа прибыл эскадрон кавалерии во главе с Гофманом, который разбил двигавшуюся толпу вооруженных людей на группы.

В 16 часов 30 минут служащие Совета стали собирать толпу на митинг, чтобы отвлечь ее от агрессивных действий. Через час для выступления на митинге прибывают Кравченко и Чумаченко. Но их выступление не возымело никакого действия. Вскоре в здание Совета прибывают делегаты от мобилизованных, которые утверждают, что хотят служить в своих деревнях, распустить Красную Армию, не посылать продовольствие в столицы, что они против коммунистов, но за большевиков.

В.А. Симончик вспоминает: «...две тысячи людей вооружились и, подстрекаемые белогвардейцами, переодетыми в красноармейскую форму, направились к зданию ревкома. Я попытался остановить эту массу вооруженных людей, но меня схватили и пригрозили убить, если я буду продолжать их уговаривать. Тогда я вернулся в ревком за караульной ротой, но оказалось, что из 400 человек 350 примкнуло к восставшим. Я с 50 бойцами и пулеметом занял оборону в здании ревкома. Тем временем восставшие были уже в центре города и подходили к зданию ревкома. Никакие уговоры тт. Шевелева, Крюкова и мои не поимели результатов: восставшие окружили здание ревкома и начали ружейный обстрел»⁶. Это произошло уже в темноте, в 19 часов 30 минут.

Очевидец событий Роман Ефремович Кирпикин рассказывает: «...Я работал в упродкоме и был вызван с оружием в уисполком, где были человек пятьдесят со-

ветских работников с винтовками. Какие результаты митинга – не знаю, но только к вечеру часть восставших пошла в наступление на здание уисполкома. К тому времени к зданию уисполкома прибыл конный отряд Гофмана с ручным пулеметом...»⁷.

После митинга часть восставших пошла в наступление на здание уисполкома. Началась перестрелка с засевшими в доме Советов большевиками. У них был один пулемет, установленный на втором этаже в зале заседаний. Восставшие наступали со стороны Харьковской улицы, стремясь укрыться в крытом проходе, ведущем в главный подъезд дома Советов. Несколько восставших проникли в вестибюль здания Советов, но защитники их выбили, рассыпавшись в цепь в проходе к дому Советов. В перестрелке в 20 часов 30 минут был тяжело ранен комендант здания уисполкома Яков Порфирьевич Шмидт, который впоследствии умер от раны.

Будучи в больнице после ранения, Я.П. Шмидт рассказывал об этих событиях: «...когда восставшие, мобилизованные, стали подходить к зданию Советов, я услышал: «Товарищи, рассейся в цепь». Подчиняясь партийной дисциплине, я взял винтовку и стал наряду с другими товарищами в цепь по направлению к пожарному двору. И мы, не желая проливать невинную кровь бессознательно восставших мобилизованных, стреляли вверх. Я лично, для острастки восставших, выпустил только три патрона, в это время, не могу определить, с какого направления, – выстрел, и пуля попадает в меня, в правую ногу, после чего я не мог больше стоять, выпустил винтовку из рук и упал на землю. Когда я крикнул от нестерпимой боли, то видел в этот момент, что некоторые недисциплинированные товарищи из цепи бросились назад, минуя меня, оставляя истекать кровью, и в панике толпились в дверь Советского здания. Через несколько минут нашлись партийные товарищи, которые взяли меня и отнесли наверх...»⁸.

В.А. Симончик продолжает: «...В ответ на это мы дали несколько очередей из пулемета поверх восставших. Пулеметный огонь заставил их отойти от здания ревкома, и восставшие пошли в город, и вскоре ими были заняты почта, телеграф, банк и другие учреждения. Вечером восставшие были организованы по ротам. Ревкому было ясно, что собственными силами с восставшими не справиться. Ревком запросил военную помощь от Воронежского Губисполкома. И скоро помощь пришла – прибыл отряд матросов в количестве 200 человек»⁹. Но еще до отряда матросов в 23 часа 30 минут прибыла помощь из Коротояка.

Действительно, вечером из Лисок в полночь прибыл отряд матросов под командой Ивана Осиповича Фетисова. Он вспоминал: «Не дожидаясь рассвета... моряки... обошли казармы и, окружив, ворвались в помещение, где в это время происходило построение для выступления против нас. Но ворвавшиеся вооруженные матросы с винтовками и гранатами просто ошеломили построенных и вооруженных солдат, у которых от испуга попадали из рук винтовки. Вырученная из осады пулеметная рота помогла нам произвести полностью разоружение и приняла под охрану отобранное оружие»¹⁰. Это было глубокой ночью уже 27 марта в 3 часа 30 минут. К утру мятеж был ликвидирован полностью. Начались аресты зачинщиков.

В полночь было собрано расширенное заседание Острогожской организации РКП(б), исполкома и представителей военных частей. Итогом было принятое постановление.

«Выписка из протокола расширенного заседания Коммунистической партии РКП(б), Исполнительного Комитета и представителей военных частей.

Слушали:

- 1) об образовании Военно-Революционного Комитета;
- 2) об образовании Чрезвычайного Военно-Полевого Трибунала;
- 3) об образовании при Военно-Полевом Трибунале Чрезвычайной Следственной Комиссии.

Постановили:

- 1) образовать Военно-Революционный Комитет в составе: Тищенко, Свиренко, Шевелева, Рубежина, Чумаченко, Дорофеева и Симончика. Кандидатами: Шутовича и Степанова;
- 2) образовать Чрезвычайный Военно-Полевой Трибунал в составе: Тищенко, Свирского, Лупикина, Фырина и Степанова;
- 3) образовать при Военно-Полевом Трибунале Чрезвычайную Следственную Комиссию под председательством т. Вильчинского.

Председатель Уездкомпарта С. Тищенко. 26 марта 1919 г. 12 часов ночи»¹¹.

По утверждению В.А. Симончика «...30 человек зачинщиков предстали перед военным трибуналом»¹².

Таким образом, выступление призванных в ряды Красной Армии против мобилизации, приобретшее черты антикоммунистического движения в Острогжске, провалилось. Власть оказалась способной подавить стихийное возмущение, в том числе используя силы других районов.

В дальнейшем Острогжск неоднократно становился ареной боев различных сил Гражданской войны. Некоторое время он был даже захвачен частями ВСЮР, но, в конечном итоге, в городе и уезде утвердилась советская власть.

¹ Бюллетень Известий Острогжского Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. 25 марта 1919 г.

² Бюллетень Известий Острогжского Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. 26 марта 1919 г.

³ Острогжский историко-художественный музей им. И.Н. Крамского (ОИХМ). П. 43. Л. 6.

⁴ Бюллетень Известий Острогжского Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. 26 марта 1919 г.

⁵ Там же.

⁶ ОИХМ. П. 43. Л. 7.

⁷ Там же. Л. 16, об.

⁸ Там же. П. 20. Л. 6.

⁹ Там же. П. 43. Л. 7.

¹⁰ Там же. П. 35. Л. 18.

¹¹ Бюллетень Известий Острогжского Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. 27 марта 1919 г.

¹² ОИХМ. П. 43. Л. 7.

Конец эпохи: жандармская полиция Воронежской губернии после Февральской революции

*А.В. Перегудов,
к. и. н., доцент Воронежского
государственного университета*

4 марта 1917 г. на заседании Временного правительства было принято решение об упразднении на территории бывшей Российской империи Отдельного корпуса жандармов с подведомственными ему учреждениями. Офицеров и нижних чинов (включая и железнодорожную жандармскую полицию) постановили «немедленно передать на учет надлежащих воинских начальников для назначения в армию»¹. В центре и на местах создаются многочисленные комиссии для разбора и изучения документов полицейских органов канувшего в Лету русского самодержавия.

Днем ранее, 3 марта 1917 г., в Воронеж прибыли комиссары Временного правительства. На железнодорожной станции они разоружили всех жандармов и поставили часовых из прибывших с комиссарами войсковых частей. Газета «Воронежский телеграф» 9 марта разместила заметку «К ликвидации губернского жандармского управления». Опечатывались все его документы. Офицерские чины подверглись домашнему аресту, а нижних заключили в помещении трамвайного парка. Как пишет в своей работе С.Н. Токарева, полицейские без сопротивления выполняли последнее распоряжение своего начальства: сдавали оружие и расходились².

Однако уже достаточно скоро городскому Исполкому общественного спокойствия стало известно о сокрытии жандармскими чинами оружия на железнодорожном перегоне станции Воронеж – Отрожка. Вследствие чего последовала просьба к начальнику охраны г. Воронежа И.В. Шаурову найти и конфисковать оружие, не обнаруженное ранее при разоружении жандармерии³.

11 марта 1917 г. образованный в ходе Февральской революции в г. Воронеже городской Исполнительный Комитет общественного спокойствия учредил комиссию в составе девяти человек под председательством заведующего библиотекой Воронежского сельскохозяйственного института Владимира Закса для принятия архива и библиотеки бывшего губернского жандармского управления. Комиссии поручалось составить их опись и доложить о состоянии архива и составе библиотеки. Через несколько дней стало известно, что в доме, где размещалась жандармерия, в ходе революционной суматохи и после спешного по-

кидания жандармами служебной канцелярии побывали посторонние лица. Как следствие, 14 марта 1917 г. за № 22 выходит дневной бюллетень Исполкома общественного спокойствия, призывавший местные газеты поместить объявление «о возврате книг архива губернского жандармского управления, взятых оттуда разными лицами случайно или по неведению уже после его упразднения»⁴. Из бюллетеня мы узнаем, что в библиотеке ГЖУ хранилось большое количество книг – 555 единиц. Их предполагалось распределить следующим образом: 161 книгу, имевшую историческое значение, «временно поместить в фундаментальной библиотеке Воронежского СХИ с условием не выдавать их никому на дом, но предоставив широкой публике возможность пользоваться ими в читальне института»⁵; 357 книг предполагалось передать Совету рабочих и солдатских депутатов «для учреждения читальни, доступной широкой публике» и 37 книг, по всей вероятности конфискованных из библиотеки местного Общества вспомоществования приказчиков, вернуть обратно этому Обществу.

Комиссия по обследованию архива и библиотеки ВГЖУ состояла из представителей местной общественности – библиографов, краеведов, педагогов, гласных городской Думы, представителей земства. Помимо них в комиссию входили уполномоченные от Совета рабочих депутатов.

Комиссия обследовала архив и библиотеку ВГЖУ в течение пяти дней: 17, 18, 19, 20 и 22 марта. Вряд ли за столь короткий срок удалось подробно и основательно изучить содержание документации жандармерии. Скорее, это был начальный этап работы. На этом этапе в деятельности комиссии преобладало не столько научно-библиографическое изучение архива, сколько политические мотивы. Выявление агентов-осведомителей, агентов-provokаторов, с дальнейшей публикацией в местных газетах списков секретных сотрудников воронежской жандармерии – вот, судя по всему, основная цель, стоявшая перед ее членами и перед городским Исполкомом общественного спокойствия, по чьему распоряжению была создана комиссия. Однако найти списки секретной агентуры было не так-то просто. Для того чтобы их установить, потребовалась кропотливая аналитическая работа. Интересующую информацию необходимо было выуживать из многочисленных данных о сектантах, революционерах различного толка, филерах, военной контрразведке, шпионаже, об устаревших циркулярах, охране высочайших особ, посещавших губернию, отчетности по дознаниям, о происшествиях и т.д. В работе комиссии ощущалась поспешность, многие сведения перед публикацией в губернской и уездных газетах не подвергались перепроверке, что значительно осложняло жизнь лицам, внесенным в список provokаторов⁶.

Из материалов о деятельности комиссии нам становится известным интерьер внутренних помещений губернской жандармерии, скрытый некогда от любопытного взора обывателя. В этой связи не лишним будет сказать несколько слов о доме, в котором квартировало ГЖУ. Он располагался в 9-м квартале Мещанской части города под № 26 на Большой Девицкой улице. Принадлежал вдове купца Варваре Алексеевне Глумовой, которая заключила в декабре 1911 г. контракт с городской управой о сдаче особняка в аренду под жандармское управление, начиная с 1 января 1912 г. Дом состоял из семи комнат, в том числе двух передних с

теплым ватерклозетом и коридором. Имелся водопровод, но отсутствовало электрическое освещение. Во дворе имелся сарай размером 5х8 аршин и, что немало важно, выход под домом⁷. В пяти жилых комнатах размещался жандармский полковник со своим семейством, в двух остальных (так называемых передних) находилась канцелярия, в которой занимались унтер-офицеры, и личный кабинет начальника, где помимо него самого размещался еще и адъютант. Известно, что в доме имелась особая комната, предназначенная для жандармского архива. В этих вот помещениях воронежские жандармы и встретили Февральскую революцию.

Документы указывают на следы торопливого покидания жандармскими офицерами места своего пребывания (оставленные в канцелярии незначительные денежные суммы) и на попытки скрытия секретной информации (извлеченные сведения о секретной агентуре). В дальнейшем комиссией было признано целесообразным часть мебели, две пишущие машинки и другие канцелярские предметы отдать в Совет рабочих депутатов; печати, штампы, а также портреты и фотографические группы поместить в местный музей; иконы и подсвечники передать в какую-нибудь бедную школу или церковь. Сам же архив ВГЖУ предстояло перевести в более безопасное место, коим был признан губернский отдел архивной комиссии. По мнению общественников, это позволило бы все дела, связанные с деятельностью жандармерии, сделать более доступными для обозрения и изучения⁸.

Следует отметить, что региональные власти на порядок раньше озаботились сохранностью архивов местных жандармских управлений, чем столичное руководство, уберегая их тем самым от расхищения и уничтожения. Лишь 6 апреля 1917 г. за подписью товарища министра внутренних дел Временного правительства князя С.Д. Урусова вышел циркуляр «с указаниями по вопросу о расформировании учреждений Отдельного корпуса жандармов». Документ состоял из нескольких пунктов и отражал основные направления предстоящей деятельности. Запасы вооружения нижних жандармских чинов отныне требовалось передать в местные артиллерийские склады. Для разбора архивов, дел и переписок ГЖУ и ЖПУ ж.д. создавались особые комиссии в составе трех человек, включавших в себя председателя и двух членов. Комиссии должны были комплектоваться представителями окружного суда, прокуратуры, губернского комиссариата или местного железнодорожного начальства. Документооборот подразделений политической полиции предполагалось структурировать в соответствии с выявленной тематикой. К примеру, дела по строевой и хозяйственной части предполагалось передавать уездным воинским начальникам, по политическому и общеуголовному характеру – прокурорам окружных судов; касающиеся шпионажа – в штабы военных округов⁹. Как видим, начальный этап подобной работы в Воронеже состоялся еще в марте.

Циркуляр МВД от 6 апреля 1917 г. примечателен еще и тем, что призывал особые комиссии выискивать в кассах упраздненных жандармских органов наличные деньги, которые в случае обнаружения должны были быть запротokolированы (в частности, о размере выявленной суммы требовалось известить министерство) и в дальнейшем направлены для размещения в депозиты окружных судов.

Дальнейшая судьба средств зависела от МВД. Как правило, обнаруженные суммы были незначительны. Но иногда удавалось сорвать крупный куш. Так, 20 ноября 1917 г. сберегательная касса при управлении Юго-Восточных железных дорог внесла в Воронежское губернское казначейство для зачисления в депозит окружного суда «принадлежащие вкладчику кассы начальнику Воронежского ЖПУ ж.д. [полковнику В.Н. Деболи] наличными деньгами 72 руб. 32 коп. и процентными бумагами 1 тысячу руб.»¹⁰. Или случай из Новочеркасска. Депозит местного окружного суда в августе 1917 г. пополнился на 1371 руб. 4 коп. наличными и 1 тыс. руб. процентными бумагами, принадлежавшими некогда начальнику Донского областного жандармского управления¹¹.

В апреле 1917 г. мера пресечения для жандармских офицеров в виде домашнего ареста была заменена на реальный арест с препровождением в губернскую тюрьму. В соответствии с постановлением Исполкома Воронежского комитета рабочих и солдатских депутатов, пять жандармских офицеров были арестованы в ночь с 12 на 13 апреля 1917 г. Одновременно их дома подверглись обыску. Аналогичная участь постигла бывшего воронежского полицмейстера К.К. Гепнера. Позднее жандармские офицеры П.А. Зякин, И.А. Ежов и А.Г. Петерсон будут направлены в Москву «для распоряжения Московского совета рабочих депутатов»¹². Начальник ГЖУ полковник В.И. Дацевич и начальник ВЖПУ ж.д. полковник В.Н. Деболи остались в Воронеже. Проследить их судьбу в дальнейшем не удалось. По данным историка С.В. Волкова, Дацевич в годы Гражданской войны состоял в вооруженных силах юга России. В период с декабря 1919 г. по март 1920 г. эмигрировал из страны и по сведениям на май 1920 г. находился на территории Югославии. Его дочь, Наталья Владимировна, в 1922 г. состояла членом Союза русских студентов Белградского университета (филологический факультет)¹³.

В книге раннего советского историка и публициста П.Е. Щеголева, уроженца Воронежской губернии, А.Г. Петерсон, со слов последнего начальника Особого отдела Департамента полиции МВД полковника И.П. Васильева, назван одним из крупнейших провокаторов¹⁴. До Воронежа имел солидный послужной список: служил помощником начальника Петроградского и начальником Варшавского охранных отделений. Но к словам Васильева И.П. (или приписанных ему Щеголевым) следует относиться с известной долей скептицизма. На ниве политического сыска Петерсон особым образом себя не проявил, а с 1906 г. и вовсе перешел на более спокойную службу в железнодорожное подразделение. В годы Первой мировой войны подполковник А.Г. Петерсон руководил Мармыжским отделением Московско-Киевского ЖПУ ж.д., штаб-квартира которого находилась в Воронеже на Никитинской, 43.

Жандармские офицеры в целом весьма удовлетворительно справлялись со своими прямыми обязанностями. Степень их информированности о происшедших событиях, а также настроениях, царивших в среде обывателей, была высокой. О нарастающих кризисных явлениях они своевременно и полно информировали как начальствующих лиц Корпуса жандармов и МВД, так и представителей местной администрации. Если прибегнуть к примитивному ассоциативному ряду, жандармы напоминали немного, который все знает, но сказать (или в данном

случае повлиять, из-за отсутствия достаточных на то властных полномочий) не может.

Поднимавшийся неоднократно в исторической литературе вопрос, несут ли ответственность служащие политической полиции за крах самодержавия в 1917 г., является предметом для дискуссий. Здесь наметились два основных подхода. Первый, более поверхностный, построенный на достаточно простом сопоставлении. Если основной обязанностью жандармерии была защита государственного строя и он пал, то, соответственно, жандармы виновны. Второй подход – более взвешенный, многослойный. Он признает необходимость оценки роли государственной полиции с учетом имевшего место структурного политического кризиса самодержавия, не желавшего меняться в обстоятельствах меняющегося времени.

Будучи «глазами и ушами» властных институтов, служащие политической полиции, увы, предотвратили революционные события оказались не в состоянии. Вопреки расхожему мнению, деятельность жандармской полиции со времен Великих реформ осуществлялась в рамках правового поля. Жандармы не выносили обвинительных приговоров, подменяя собой суд, не отправляли в административную ссылку, заменяя собой губернатора, и т.д. Поэтому при всей предвзятости российского общества к синемундирным служащим их функционал был сильно преувеличен. Исторический опыт показывает, что политическая полиция не смогла предотвратить ни убийство Александра II, ни события Первой русской революции. Жандармерия, серьезно реформированная в начале XX в. в плане организации и применяемых методов розыскной деятельности, после 1907 г. успешно противостояла революционным силам, большая часть из которых оказалась либо ликвидированными (то есть подверглись уголовному или административному преследованию), либо в подпольно-эмигрантском положении. Крах Российской империи стал одновременно абсолютной неожиданностью и чем-то вполне закономерным. Однако суждения о причинах революционных событий в России, весьма обширных по объему и неоднозначных по своей структуре, выходят за рамки нашего исследования.

Революционные события 1917 г. стали концом профессиональной карьеры служащих жандармерии. Большинство из них революции не приняли, особенно Октябрь. Хотя, если бы и приняли, выстроить конструктивные отношения с представителями новой власти и найти себя в новой жизни с репутацией жандарма было практически невозможно. В дальнейшем их участь оказалась незавидной: их ждала социальная дискриминация и угроза насилия.

¹ Журналы заседаний Временного правительства: Март – октябрь 1917 г.: В 4 т. Т. 1: Март – апрель 1917 г. М., 2001. С. 24.

² Токарева С.Н. Милиция Временного правительства: по материалам Черноземного центра России. Курск, 2015. С. 33.

³ ГАВО. Ф. И-218. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

⁴ Там же. Ф. Р-2393. Оп. 1. Д. 14. Л. 48.

⁵ Там же.

⁶ Подробнее см.: Перегудов А.В. «...В самое ближайшее время перевести архив и все дела жандармского управления в такое помещение, где они были бы в большей безопасности» // Воронежский вестник архивиста: научно-информационный ежегодник. Вып. 11–12. Воронеж, 2013–2014. С. 196–201.

⁷ ГАВО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 2679. Л. 37–37 а.

⁸ См.: ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1673. Л. 4–4 об.-5.

⁹ ГАРФ. Ф. 1791. Оп. 2. Д. 17. Л. 1–1 об.

¹⁰ Там же. Ф. 7113. Оп. 14. Д. 25. Л. 85.

¹¹ Там же. Л. 26.

¹² ГАВО. Ф. Р-2393. Оп. 1. Д. 15. Л. 6–10, 17.

¹³ См.: Волков С.В. База данных «Участники Белого движения в России» по состоянию на январь 2016 г. http://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_05-D.pdf (Дата обращения: 10.03.2018 г.)

¹⁴ См.: Жандармские откровения // Щеголев П.Е. Охранники и авантюристы. Секретные сотрудники и провокаторы. М., 2004. С. 168.

Производство товаров народного потребления промышленными предприятиями Центрального Черноземья в 1950–1980-е годы

В.А. Перцев,
*д. и. н., начальник отдела
по делам архивов управления делами
Воронежской области*

Показателем повышения благосостояния населения являются не только рост заработной платы, увеличение дополнительных доходов каждой семьи, но и возможности для приобретения важных в повседневной жизни товаров. Начиная с 1953 г. производству товаров народного предназначения (ТНП), с учетом расширения производственной сферы предприятий группы «Б», органами государственной власти и управления уделялось особое внимание. В нормативно-правовых документах, принятых в 1950–1970-е гг.¹, содержались меры по расширению производства товаров народного потребления. Отмечалась необходимость «<...> приведения возможностей внутреннего потребительского рынка в соответствие с ростом благосостояния народа»². Однако отсутствовали пути для их практической реализации.

Принятые решения оказали влияние на производство потребительских товаров в областях ЦЧЭР. В плане социально-экономического развития Воронежской области на 1959-1965 гг. обосновывалась необходимость выпуска новых видов ТНП³. Рекомендовалось ускорить строительство предприятий по производству новых изделий широкого потребления, пользовавшихся повышенным спросом у населения, к которым относились, не производившиеся в области до 1959 г. стеклянные изделия, фарфорово-фаянсовые изделия, электрические установочные материалы, оцинкованная посуда, керамические и никелированные изделия, новые виды елочных украшений. Предусматривались средства для расширения производственных мощностей действовавших металлообрабатывающих и мебельных предприятий⁴, так как «<...> завозить эти изделия из других областей считалось нецелесообразным»⁵. Завод «Пластмасс», производивший громкоговорители, пуговицы и электроустановочные материалы, обязывался выпускать штепсельные розетки, выключатели, патроны, предохранители. Выпуск электроустановочных материалов проектировалось увеличить до 21,3 млн руб.⁶. Воронежский механический завод должен был производить гвозди, алюминиевую посуду, деревообделочные станки⁷. Общий объем капиталовложений в производство товаров народного потребления определялся в сумме 1,7 млн руб.⁸ Источниками финансирования производства ТНП становились собственные накопления предприятий промышленности и ссуды банков.

В 1950–1970-е гг. в областях ЦЧЭР сложилась разветвленная структура производства ТНП, включавшая специализированные предприятия по выпуску ТНП, вспомогательные производства на промышленных предприятиях, цеха по переработке отходов и вторичного сырья. Часть товаров завозилась из других регионов страны, так же как и доля продукции, произведенной на предприятиях Центрально-Черноземного экономического района (ЦЧЭР), направлялась в другие города страны. Производством различных видов ТНП занимались многие промышленные предприятия региона: Новолипецкий металлургический завод (НЛМЗ), Липецкий тракторный завод (ЛТЗ), Воронежский авиационный завод, завод «Воронежсельмаш»⁹.

На протяжении исследуемого периода проявилась тенденция к увеличению объемов производившихся ТНП и изменение их ассортимента¹⁰. Необходимо отметить появление и такой особенности, как отказ руководства промышленных предприятий ЦЧЭР от выпуска данной группы товаров, так как дополнительное производство требовало отвлечения рабочих кадров, производственных площадей, специального оборудования. В 1966 г. в г. Воронеже из 120 промышленных предприятий производством ТНП занимались 49¹¹. За 1966-1967 гг. предприятиями города было освоено и внедрено 55 новых видов изделий ТНП, в то время как планом на 1968 г. предусматривалось освоить 123 вида изделий¹². К ним относились: набор радиодеталей, крышки для консервирования, настольные принадлежности¹³.

Неудовлетворительно проводилась работа по освоению новых товаров на авиационном заводе, где из 4 видов было освоено 2 вида изделий: шезлонги и детская посуда. В то же время наблюдался рост на 169% в результате пе-

ревыполнения плана выпуска продукции только по этим двум видам¹⁴. Не выполняли заданий по выпуску ТНП завод радиодеталей, машиностроительный завод имени В.И. Ленина, электротехнический, воронежские мебельные комбинаты¹⁵. Заводы имени Коминтерна, имени Дзержинского, электромеханический выпуск товаров проводили в основных цехах, а сборку в тесных, непригодных помещениях. Аналогичная организация труда приводила к низкому качеству выпускаемых товаров, большим внутрицеховым расходам, повышению себестоимости изделия¹⁶. Товары ТНП производились не только в недостаточном количестве, но и низкого качества.

Слабость собственного производства ТНП, ограниченные объемы ввозимых товаров из других регионов влияли на насыщенность внутреннего регионального рынка. Спрос населения на многие товары удовлетворялся не полностью, ассортимент обновлялся и расширялся слабо, новые изделия внедрялись в производство медленно. Органы власти и управления областей ЦЧЭР рекомендовали промышленным предприятиям совместно с торговыми организациями изучать спрос и предложение по выпуску ТНП путем проведения выставок-смотров изделий и конференций покупателей. Однако своевременно этого сделано не было¹⁷. В ходе заседания воронежских обкома и облисполкома в феврале 1967 г. было принято постановление «О максимальном использовании имеющихся резервов и местных возможностей для увеличения производства товаров народного потребления»¹⁸, содержание которого ориентировало на создание комплексной программы дальнейшего производства ТНП промышленными предприятиями области.

В качестве первоочередной проблема расширения производства ТНП стала рассматриваться в начале 1980-х гг. На октябрьском (1980 г.) пленуме ЦК КПСС отмечалось, что «<...> увеличение производства товаров культурно-бытового и хозяйственного предназначения является важным обстоятельством не только для развития экономики, но также для усиления стимулов к труду, для укрепления финансовой системы»¹⁹.

План мероприятий, направленных на расширение производства и улучшение качества ТНП, на укрепление денежного обращения в стране рекомендовало постановление ЦК КПСС от 12 августа 1982 г.²⁰ В нем отразились требования сбалансированности денежных доходов и расходов населения в территориальном разрезе, рационального соотношения объемов производства ТНП с фондами заработной платы. На декабрьском (1983 г.) пленуме ЦК КПСС насыщение рынка необходимыми промышленными товарами нужного ассортимента и качества определялось в качестве неотложной задачи. Подчеркивалось, что «<...> актуальность этой задачи вытекает, прежде всего, из главной социально-политической цели наших планов – направленности усилий экономики на повышение уровня жизни народа»²¹. Опираясь на последовательность исторических событий и явлений, можно сделать вывод о том, что эти решения назрели, имели своевременный, обоснованный характер. Однако их практическая реализация осложнялась рядом внутригосударственных и международных обстоятельств, на преодоление которых ориентировалось постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР

от 30 июля 1981 г.²², предписывавшее изменить систему планирования и финансирования производства ТНП. Рекомендовалось, начиная с 1981 г., производить товары культурно-бытового и хозяйственного назначения, по своим потребительским свойствам, техническому уровню, надежности, внешнему оформлению соответствовавшие лучшим мировым и отечественным образцам.

Органы власти и управления областей ЦЧЭР совместно с плановыми комиссиями разработали и утвердили перспективные целевые программы выпуска ТНП, рассчитанные на 1981-1985 гг. Для промышленных предприятий, выпускавших товары массового спроса, предусматривались производственные задания, на основании которых осуществлялась корректировка плановых показателей. Начиная с 1983 г., часть фабрик и заводов региона включилась в социалистическое соревнование «За увеличение выпуска товаров народного потребления», инициаторами которого выступили ивановский хлопчатобумажный комбинат имени Ф.Н. Самойлова, московское производственное обувное объединение «Заря» и ПО «Уралмаш»²³.

В целях своевременного обновления ассортимента изделий в ЦЧЭР активизировалась работа по изучению спроса населения на ТНП. В областных центрах создавались фирменные выставки-магазины, в которых демонстрировались образцы изделий и осуществлялась их продажа. В г. Воронеже были открыты фирменные магазины «Электроника», «Мебель», «Мелодия», салон продажи мебели по образцам, магазин «Воронежец». В магазине «Воронежец», с общей площадью более 2 тыс. кв. м, размещалась постоянно действовавшая выставка, экспонировавшая изделия более 900 наименований и моделей, выпускаемых местными предприятиями. В этом же магазине выставлялись стенды с информацией о готовившихся к выпуску ТНП, фиксировались пожелания и предложения покупателей²⁴.

При разработке проектов пятилетних и годовых планов социально-экономического развития областные плановые комиссии ЦЧЭР также уделяли внимание организации производства ТНП. Разрабатывались целевые программы выпуска ТНП, которые направлялись для обсуждения и последующей реализации в облисполкомы. Областные исполнительные комитеты, направляли предложения по увеличению производства ТНП, обновлению ассортимента и повышению их качества в соответствующие министерства и ведомства. Работа с министерствами и ведомствами СССР и РСФСР позволяла получить определенные результаты. В 1984 г. Минтрансстроем впервые Воронежскому мостовому заводу был установлен план по производству товаров группы «Б» в объеме 40 тыс. руб. Плановые показатели по выпуску ТНП в размере 101,4 тыс. руб. Минмонтажспецстрой СССР установил заводу строительных алюминиевых конструкций²⁵.

Для оказания помощи воронежским предприятиям в выборе для освоения новых видов изделий, применительно к условиям их производства, в 1982 г. проводились две выставки ПО «Союзпромвнедрение» Министерства торговли СССР. На выставках были отобраны для освоения 383 наименования изделий, из которых 240 внедрены в производство уже в 1982-1983 гг.²⁶.

На большинстве предприятий региона осуществлялась деятельность по техническому перевооружению действующих производств, что способствовало об-

новлению ассортимента выпускаемых товаров, улучшению их конструктивных и качественных характеристик. Для увеличения выпуска ТНП в Воронежской области за 1981-1983 гг. было дополнительно введено 33,7 тыс. кв. м производственных мощностей, в том числе: первая очередь корпуса телевизионного производства объединения «Электросигнал», корпус для производства видеоманитонов в ПО «Электроника», расширены специализированные цеха на Теллермановском мебельном комбинате ПО «Воронежмебель», на заводах СК имени С.М. Кирова, «Эталон»²⁷.

Осуществленные мероприятия позволили промышленным предприятиям Воронежской области освоить серийное производство 289 новых видов изделий, в том числе: новый тип телевизора цветного изображения «Рекорд-ВЦ 311», кассетный стереоманитон «Электроника 211», прибор для ухода за волосами «Ведуга», чемодан «Дипломат», посуда из хрусталя, хозяйственная сумка с тележкой. Нарастало производство товаров, спрос на которые удовлетворялся не полностью. Устанавливались повышенные задания по производству радиоприемных устройств и магнитофонов, всех видов мебели, стеклянной и металлической посуды, постельного белья, товаров для детей²⁸.

В результате выполнения плановых заданий в Воронежской области за 1981-1983 гг. выпуск ТНП увеличился на 17,4% при росте объема промышленной продукции на 16,9%. По сравнению с 1980 г. производство товаров массового спроса возросло на 465,7 млн руб. Из общей суммы ТНП производство товаров культурно-бытового и хозяйственного назначения за три года увеличилось на 18,6%. Сверх плана было выпущено изделий данной группы на 34,8 млн руб.²⁹

В соответствии с постановлением ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР от 19 марта 1982 г.³⁰ при разработке сводных планов производства ТНП в территориальном разрезе все области ЦЧЭР ориентировались на максимальное использование местного сырья и отходов производства. На предприятиях управления местной промышленности Воронежской области в общем объеме производства доля ТНП в 1983 г. составила 74,6%, по сравнению с 71,5% в 1980 г., а производство товаров из местного сырья и отходов производства соответственно: 16,8% и 15,1%. Полностью перерабатывался полидиен, ранее сжигавшийся как побочный продукт от синтетического каучука. Из него вырабатывались лакокрасочные материалы, что позволило за пять лет сэкономить около 7,5 тыс. т растительного масла. За счет отходов шинного производства ежегодно производилось около 230 т хозяйственной капроновой веревки. Из местного сырья на предприятиях управления местной промышленности Воронежской области производство гончарных изделий за период 1981-1983 гг. возросло на 17,8% и составило более 1013 тыс. руб. в год³¹.

В конце 1970 – начале 1980-х гг. в Белгородской, Воронежской, Липецкой областях быстрыми темпами развивались народные художественные промыслы. В Воронежской области было расширено производство на Елань-коленовской ковровой фабрике, на Рамонской фабрике художественной керамики, на фабрике «Игрушки», открыты новые цеха хохломской художественной росписи в хреновском и богучарском лесхозах, тростевых художественных изделий в городе Бо-

брове, художественных сувениров из дерева в городе Павловске и давыдовском лесхозе, сувениров и подарочных изделий на Воронежской кожгалантерейной фабрике. За 1981-1983 гг., объем продукции художественных промыслов вырос в Воронежской области на 8 млн руб., или более чем в два раза³².

К середине 1980-х гг. в областях ЦЧЭР сложился многоуровневый комплекс по производству ТНП³³. Производились радиоэлектронная техника, хрустальная посуда, мебель, детские товары, сувенирно-подарочные изделия из дерева и керамики, хозяйственные и бытовые товары. Предполагалось полностью удовлетворить спрос населения на бытовые газовые плиты, светильники, микрокалькуляторы, отдельные виды эмалированной посуды, замки хозяйственные, петли дверные и оконные, ножовки, изделия из керамики, елочные игрушки и электрические гирлянды³⁴.

Оценивая работу предприятий и объединений Центрального Черноземья по производству ТНП и отмечая положительные стороны в решении вопроса, необходимо отметить, что имевшие возможности промышленности использовались не полностью. Отраслевые промышленные объединения и торговая сеть несвоевременно и поверхностно изучали спрос населения на ТНП, на большинстве крупных предприятий отсутствовали специальные службы, занимавшиеся разработкой, конструированием и внедрением новых изделий, не создавались условия для увеличения выпуска этих товаров. Производство товаров широкого потребления осуществлялось на устаревшем оборудовании. Эти недостатки, а также просчеты министерств и ведомств в материально-техническом снабжении подведомственных предприятий приводили к тому, что качество ТНП, их ассортимент не соответствовали запросам населения. В 1984 г. торгующие организации отказались закупить более 70 наименований изделий, произведенных промышленными предприятиями Воронежской области, что превышало 5 млн руб.³⁵

Многие другие фабрики и заводы также не выполняли договорные обязательства по поставкам в торговую сеть ТНП. В январе 1984 г. магазины и торгующие базы Воронежской области недополучили товаров на сумму более 13,7 млн руб. По производственным объединениям «Трикотаж», «Работница», «Прогресс» недопоставки составили около 3 млн руб. За 1984 г. население недополучило 3,6 тыс. цветных телевизоров, 31 тыс. настольных электроламп, на 262 тыс. руб. посуды стальной эмалированной, 254 тыс. брюк из хлопчатобумажных тканей, 10 тыс. пальто, плащей и курток³⁶. Промышленные предприятия ЦЧЭР не проявляли заинтересованности к обновлению ассортимента и освоению новых видов товаров. Медленными темпами улучшалось качество изделий. В 1984 г. Воронежским станкостроительным заводом из 7 рекомендованных к внедрению изделий было освоено лишь одно, авиационным объединением и заводом «Воронежаргат» из 7 – 2, воронежским механическим заводом из 6 – 2³⁷.

Руководители промышленных предприятий, подведомственных министерствам и ведомствам, вместо принятия мер к освоению новых, пользовавшихся спросом у населения ТНП корректировали планы их производства в сторону снижения. Министерства и ведомства не требовали от этих предприятий предварительного согласования с облисполкомами ЦЧЭР, что нарушало порядок рас-

смотрения проектов пятилетних и годовых планов и изменений к ним, установленный Советом Министров СССР. В изучении спроса населения на ТНП недостаточно использовались торговые организации, способные определить потребности населения в товарах повседневного спроса на перспективу в 2-3 года³⁸. Невозможность полностью удовлетворить возросшие потребности населения в товарах длительного пользования выразилась в появлении очередей на приобретение цветных телевизоров, видеомagneтофонов, холодильников, мотоциклов и автомобилей.

На XXIV конференции Воронежской областной организации КПСС 20-21 декабря 1985 г. отмечались излишняя распыленность средств, направлявшихся на выпуск ТНП, необоснованно разросшийся ассортимент товаров, выпускавшихся промышленными предприятиями, что наблюдалось и в других областях региона. Было сделано заключение: «Разумнее и выгоднее иметь на всю страну несколько высокопроизводительных производств, чем создавать десятки малых, с кустарной технологией и высокими затратами»³⁹. На конференции обсуждался вопрос о неоправданно длительных сроках от разработки образца будущего изделия до внедрения его в массовое производство. Прозвучала информация, что «<...> период от «идеи» до «модели» зачастую затягивается на долгие годы»⁴⁰.

Показателем углублявшегося несоответствия между возросшими доходами и потребностями населения, с одной стороны, и с ограниченными возможностями внутреннего товарного рынка – с другой, явилось состояние денежного обращения в областях ЦЧЭР. Темпы производства ТНП и товарооборот уступали росту денежных доходов населения. За 1981-1984 гг. в Воронежской области доходы населения увеличились в среднем на 13,6% при росте товарооборота на 13,4%. В 1983 г. весь объем произведенных ТНП в Воронежской области на 3,3 млрд руб. составил лишь 96,8% к денежным доходам населения⁴¹.

Денежные доходы населения сохранялись в виде вкладов, а не оставались в кассах торговых учреждений. За три года одиннадцатой пятилетки сбережения населения во вкладах увеличились на 18,1% и составили 2,5 млрд руб., что в 4,3 раза превышало остатки товаров в розничной торговой сети. Из каждых 100 руб. денежных доходов население Воронежской области в 1980 г. тратило на покупку ТНП в государственной розничной и кооперативной торговле 70 руб. 77 коп., в 1982 г. этот показатель снизился до 69 руб. 76 коп., в 1983 г. он составил 71 руб. 47 коп. Во вклады в рассматриваемый период было помещено соответственно: в 1980 г. – 4 руб. 35 коп., в 1982 г. – 4 руб. 56 коп., в 1983 г. – 4 руб. 74 коп.⁴² Документальные материалы показывают, что аналогичное положение наблюдалось как в промышленных, так и в сельскохозяйственных районах ЦЧЭР⁴³.

Выполнению партийно-государственных решений по увеличению выпуска товаров широкого назначения могло способствовать начавшееся в 1981 г. на промышленных предприятиях областей ЦЧЭР движение под лозунгом «Добиться увеличения производства товаров народного потребления в размере 1 рубль на 1 рубль фонда заработной платы»⁴⁴. Однако крупные предприятия тяжелой промышленности региона на протяжении 1981-1983 гг. даже не смогли приблизиться к выполнению этого показателя. Если в целом по Воронежской области в 1983 г.

производство ТНП на 1 руб. заработной платы составляло 1 руб. 88 коп., то в отдельных районах ситуация была иная. В Левобережном районе города Воронежа этот показатель составлял 25 коп., Железнодорожном – 48 коп., Советском – 86 коп., Павловском и Семилукском – 66 коп., Петропавловском – 44 коп., Верхнехавском – 8 коп.⁴⁵ В 1983 г. мостостроительный завод производил товаров для населения на 1 коп., завод СК им. Кирова – на 18 коп., объединение «Рудгормаш» – на 30 коп., авиационное объединение – на 47 коп.⁴⁶ Обосновывая невыполнение плановых показателей по производству ТНП, администрация промышленных предприятий называла такие причины, как отсутствие резервных производственных мощностей, низкая рентабельность изделий этой группы, технологические трудности производства сложной бытовой техники.

На преодоление возникших проблем и дальнейшее расширение производства ТНП было направлено постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 14 июля 1983 г.⁴⁷ На предприятиях пяти министерств начинался экономический эксперимент, направленный на создание возможностей для расширения выпуска ТНП⁴⁸. Участвовавшие в эксперименте промышленные предприятия получали дополнительные финансовые и материальные возможности для расширения производственных мощностей по выпуску ТНП⁴⁹. Предусматривалась возможность отзыва кредита в случае невыполнения предприятием плана по объемам производства и качеству изделий. За вторую половину 1983 г. в Воронежской области такие санкции применялись в 109 случаях⁵⁰. В создании необходимых условий для производства товаров культурно-бытового и хозяйственного назначения стимулирующую роль сыграли также долгосрочные кредиты Государственного банка СССР⁵¹. Кредитные средства имели долгосрочный характер, и результаты начавшегося эксперимента могли быть получены только по истечению длительного времени, поэтому кардинально изменить в короткие сроки положение с наполнением внутреннего потребительского рынка не могли.

Подтверждением того, что предпринятые меры не привели к существенным положительным результатам, явилась динамика производства ТНП промышленными предприятиями областей ЦЧЭР в 1980-е гг. В 1989 г. по сравнению с 1980 г. в Белгородской области производство товаров широкого народного потребления уменьшилось на 17,1%; Воронежской области – на 24,6%; Курской области – на 27,7%; Липецкой области – на 14,8% и Тамбовской области – на 31,4%⁵². Необходимо отметить, что сокращалось производство самых необходимых для повседневной жизни товаров, а также продуктов питания⁵³.

На совместном заседании липецких обкома и облисполкома в октябре 1989 г. председатель облисполкома высказал замечания в отношении производства ТНП: «Контрольные цифры по ТНП выполнены лишь на 75%. Сохраняется тенденция опережающих темпов роста производства товаров в стоимостном выражении по сравнению с их выпуском в натуральных показателях. <...> Все чаще проявляется стремление предприятий к изготовлению более дорогостоящей продукции в ущерб товарам дешевого ассортимента, которые еще недавно были в избытке»⁵⁴. На совещании руководителей промышленных предприятий Липецкой области в декабре 1989 г. прозвучала информация о низкой эффективности

в работе по производству ТНП и проблемах в деятельности торговых учреждений. Заведующий торгово-промышленным отделом Липецкого обкома сказал: «За 1989 г. товаров для народа произвели на 1 руб. фонда заработной платы: на Грязинском культиваторном заводе – на 7,7 коп.; Елецком заводе тракторных гидроагрегатов – на 10,2 коп. <...> Недостачи, хищения и растраты составили за последние два года в торговле более 600 тыс. рублей на 1 млн руб. товарооборота»⁵⁵.

Изменения в промышленной сфере региона не оказали положительного воздействия на выпуск ТНП. Сокращались объемы производства потребительских товаров как на специализированных объектах, так и на предприятиях, для которых аналогичная продукция являлась дополнением к основной деятельности. Пытаясь сохранить жизнеспособность фабрик и заводов, руководители ограничивали деятельность цехов, выпускавших товары широкого народного потребления, направляя сэкономленные материально-технические и людские ресурсы на выпуск основной продукции. Способом для поддержания рентабельности промышленных предприятий явилось увеличение выпуска дорогостоящих товаров за счет сокращения дешевых товаров для народа.

Наряду с отсутствием на внутреннем рынке многих товаров длительного пользования и ухудшением снабжения продуктами питания, дефицитными стали средства личной гигиены. 30 ноября 1989 г. Липецкий облисполком принял постановление № 522, направленное на организацию производства мыла на Елецком заводе восстановленного табака совместно с НЛМК мощностью 3 тыс. тонн в год⁵⁶. Решение ориентировало трудовые коллективы обозначенных предприятий на необходимость обеспечения высоких темпов строительных работ, с тем чтобы уже в течение первого квартала 1990 г. ввести созданное производство в эксплуатацию и увеличить объемы производства моющих средств. Из архивных материалов следует, что предписания были реализованы, но полностью изменить ситуацию с удовлетворением спроса населения на продукцию личной гигиены и бытовой химии не удалось.

Предпринимавшиеся в 1950-1980-е гг. в ЦЧЭР шаги по обеспечению населения ТНП, изучению спроса населения, разработке и внедрению новых разновидностей товаров массового спроса, привлечению для этого средств банковской системы не дали положительных результатов. Производством товаров группы «Б» в основном занимались предприятия, специализировавшиеся на выпуске иной промышленной продукции. Вследствие объективных и субъективных причин производству ТНП на них отводилась второстепенная роль. Выпускались в основном упрощенные виды товаров. Население не устраивали ассортимент и качество изделий. Длительным был период от разработки опытного образца до появления продукции в торговой сети. Процессы происходили в условиях укрепления материального положения населения и повышения культурно-эстетических требований к приобретаемой продукции. Создавшееся положение усиливало неудовлетворенность граждан повседневными условиями жизни.

Зарождению и углублению проблем с производством ТНП в областях ЦЧЭР способствовали определенные обстоятельства. Во-первых, преобладал остаточный вариант государственного финансирования отраслей, обеспечивавших вну-

тренний рынок ТНП. Не сформировался самостоятельный сектор экономики, специализировавшийся на выпуске такого вида продукции. Строились и вводились в эксплуатацию промышленные предприятия по производству сложных, наиболее востребованных товаров повседневного спроса и длительного пользования. Изготовление распространенных товаров повседневного спроса осуществлялось непрофильным промышленным предприятиям и сельскохозяйственным объединениям в дополнение к основной деятельности. Во-вторых, у руководителей промышленных предприятий не было заинтересованности в расширении выпуска товаров для населения, что объяснялось отсутствием технологического оборудования и квалифицированного персонала для изготовления наукоемких ТНП; недостатком финансовых средств для развития дополнительных производств и перепрофилирования части основного промышленного оборудования и производственного персонала на выпуск товаров широкого потребления; проблемами в организации основных видов деятельности предприятий. В-третьих, планы развития промышленной сферы региона не предусматривали для объектов, производивших ТНП, высокую степень механизации и автоматизации работ. На них преобладала малоквалифицированная трудовая деятельность с большим удельным весом тяжелого физического труда. В результате в массовое производство включались упрощенные типы товаров, своевременно не учитывались запросы населения, объемы поставлявшихся на внутренний рынок ТНП не соответствовали возрастающим потребностям населения.

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М.: Политиздат, 1986. Т. 12: 1971-1975 гг. С. 253-254; 302-304; 470-472.

² Там же. С. 303.

³ Государственный архив Воронежской области (далее ГАВО). Ф. Р-2129. Оп. 3. Д. 1. Л. 150.

⁴ Там же. Л. 153-155.

⁵ Там же. Л. 153.

⁶ Там же. Л. 150.

⁷ Там же. Л. 148.

⁸ Там же. Оп. 1. Д. 491. Л. 14.

⁹ Государственный архив Белгородской области (далее ГАБО). Ф. Р-106. Оп. 9. Д. 703. Л. 264-267; Ф. Р-1456. Оп. 2. Д. 5. Л. 21; ГАБО. Ф. Р-2586. Оп. 2. Д. 400. Л. 204-207; Государственный архив Липецкой области (далее ГАЛО). Ф. Р-342. Оп. 54. Д. 45. Л. 77-78; Кировец. 1973. 7 июня.

¹⁰ Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области (далее ГАОПИВО). Ф. 3. Оп. 83. Д. 73. Л. 37-41.; ГАБО. Ф. Р-106. Оп. 9. Д. 703. Л. 84; ГАЛО. Ф. Р-342. Оп. 54. Д. 45. Л. 257.

¹¹ ГАВО. Ф. Р-2589. Оп. 1. Д. 855. Л. 8.

¹² Там же. Л. 10.

¹³ Там же. Л. 19.

¹⁴ Там же. Л. 20.

¹⁵ Там же. Л. 25.

¹⁶ ГАВО. Ф. Р-2589. Оп. 1. Д. 855. Л. 23.

¹⁷ ГАЛО. Ф. Р-589. Оп. 1 (доп.). Д. 5. Л. 14-15; ГАОПИВО. Ф. 3. Оп. 52. Д. 6. Л. 8.

¹⁸ ГАВО. Ф. Р-2589. Оп. 1. Д. 855. Л. 22.

¹⁹ ГАОПИВО. Ф. 3. Оп. 77. Д. 236. Л. 35.

²⁰ Постановление ЦК КПСС «О повышении роли Совета Министров СССР, министерств и ведомств СССР, местных органов в увеличении производства и улучшении качества товаров народного потребления», от 12 августа 1982 г. // ГАОПИВО. Ф. 3. Оп. 83. Д. 74. Л. 12-13.

²¹ Там же. Оп. 77. Д. 236. Л. 35-36.

²² Постановление ЦК КПСС и СМ СССР «Об увеличении производства товаров массового спроса, повышения качества и улучшении их ассортимента в 1981-1985 годах», от 30 июля 1981 г. // ГАОПИВО. Ф. 3. Оп. 83. Д. 74. Л. 18-19.

²³ ГАОПИВО. Ф. 3. Оп. 86. Д. 146. Л. 4-6.

²⁴ Там же. Оп. 83. Д. 73. Л. 50-52.

²⁵ ГАВО. Ф. Р-51. Оп. 1. Д. 2789. Л. 1-2.

²⁶ Там же. Л. 3.

²⁷ Там же. Л. 4-5.

²⁸ Там же. Л. 5-6.

²⁹ Там же. Л. 8-11.

³⁰ Постановлением ЦК КПСС, Президиума ВС СССР и СМ СССР «О дальнейшем повышении роли Советов народных депутатов в хозяйственном строительстве», от 19 марта 1982 г. // ГАОПИВО. Ф. 3. Оп. 77. Д. 114. Л. 1.

³¹ Там же. Л. 1-4.

³² Там же. Оп. 83. Д. 73. Л. 35-36.

³³ Там же. Л. 37-41.

³⁴ Там же. Оп. 86. Д. 136. Л. 124-126.

³⁵ Там же. Оп. 77. Д. 235. Л. 4-5; Оп. 86. Д. 136. Л. 127.

³⁶ Там же. Оп. 77. Д. 235. Л. 5-7.

³⁷ Там же. Л. 7-8.

³⁸ Там же. Оп. 86. Д. 136. Л. 84.

³⁹ Там же. Оп. 80. Д. 1. Л. 8-10.

⁴⁰ Там же. Л. 9-11.

⁴¹ Там же. Оп. 77. Д. 235. Л. 5.

⁴² Там же. Д. 236. Л. 36.

⁴³ ГАВО. Ф. Р-106. Оп. 9. Д. 703. Л. 93; ГАЛО. Ф. Р-342. Оп. 54. Д. 45. Л. 120-122; ГАОПИВО. Ф. 3. Оп. 77. Д. 236. Л. 41-42.

⁴⁴ ГАВО. Ф. Р-106. Оп. 9. Д. 703. Л. 99-101.

⁴⁵ ГАОПИВО. Ф. 3. Оп. 77. Д. 236. Л. 37, 41-43.

⁴⁶ Там же. Л. 38, 40.

⁴⁷ Постановление ЦК КПСС и СМ СССР «О дополнительных мерах по расширению прав производственных объединений (предприятий) промышленности в планировании и хозяйственной деятельности и по усилению их ответственности за результаты работы», от 14 июля 1983 г. // ГАОПИВО. Ф. 3. Оп. 77. Д. 236. Л. 40-41.

⁴⁸ Там же. Л. 41-41 об.

⁴⁹ Там же. Л. 42-42 об.

⁵⁰ Там же. Л. 42.

⁵¹ Постановление ЦК КПСС и СМ СССР «О дополнительных мерах по улучшению обеспечения населения товарами народного потребления в 1983-1985 гг.», от 29 апреля 1983 г. // ГАОПИВО. Ф. 3. Оп. 77. Д. 10. Л. 10-12.

⁵² ГАБО. Ф. Р-106. Оп. 9. Д. 703. Л. 91-92; ГАЛО. Ф. Р-342. Оп. 54. Д. 45. Л. 260; ГАОПИ-ВО. Ф. 3. Оп. 83. Д. 73. Л. 37-41.

⁵³ ГАБО. Ф. Р-106. Оп. 9. Д. 703. Л. 102-104; ГАЛО. Ф. Р-342. Оп. 54. Д. 45. Л. 273-275.

⁵⁴ ГАБО. Ф. Р-3086. Оп. 1. Д. 825. Л. 5-6.

⁵⁵ ГАЛО. Ф. Р-596. Оп. 1. Д. 715. Л. 6-7.

⁵⁶ Там же. Л. 8, 9.

Образование поселков Орловский и Ракитинский Новокуракской волости Бобровского уезда в 1921-1923 гг.

С.Н. Подлесных,
к. ю. н., краевед

В первые годы советской власти на территории Воронежской губернии были организованы сотни степных поселков. Одним из основных нормативных документов, регулирующих расселение и переселение, был принятый 19 февраля 1918 г. Декрет ВЦИК «О социализации земли»¹. Названный закон закреплял основные принципы расселения на свободные земли. Наиболее важными из них были следующие:

1. Переселение преимущественно осуществлялось в добровольном порядке.
2. У коллективных образований отсутствовали преимущества по внеочередному наделению землей из Запасного фонда.
3. Преимущественное право на переселение в первую очередь имели те категории переселяющихся, в окрестностях проживания которых находился фонд свободной земли.
4. Законодатель нормативно закрепил принцип наделения землей в первую очередь нуждающихся земледельцев.
5. Законодатель нормативно закрепил принцип, в соответствии с которым при множестве претендентов на конкретный земельный участок при одинаковом удалении от земель Запасного фонда в первую очередь переселялись те из них, которые раньше обрабатывали эту землю.
6. Законодатель нормативно закрепил принцип бесплатности переселения земледельцев².

Советское переселение было более масштабным, нежели расселение в степь в ходе аграрной реформы П.А. Столыпина. Массовость советского переселения в степь отмечали также в губернских землеустроительных органах. Так, в 1922 г. заведующий Воронежским губземотделом М.В. Кибальников в очередном письме в Москву заместителю народного комиссара земледелия РСФСР Н. Осинскому³ писал следующее:

«Замечается сильное стремление населения к расселению /Воронежский уезд, посещенный мною в мае месяце, имеет 10% всего населения выселившегося на 200 мелких 30–50 дворов поселки/. Заявок на единоличное землепользование сравнительно мало, да к нему мы и относимся осторожно, т.к. заявки эти в большинстве случаев исходят от бывших мелких землевладельцев, имевших до революции 100–150 дес. и теперь стремятся на основании закона 1920 г. 27 мая получить по увеличенной норме почти весь свой клочок земли...»⁴.

В соответствии с Декретом ВЦИК «О социализации земли» свободные земли по каждой волости были объединены в Свободный земельный фонд. Такой фонд был образован также в Новокурляцкой волости Бобровского уезда. В период с 1921 г. по 1923 г. в волости было основано десять степных поселков. Одними из новообразованных выселков были пос. Орловский и пос. Ракитинский, организованные по р. Курлак.

Поселки Орловский и Ракитинский были образованы в северо-восточной части Новокурляцкой волости на самых дальних участках с. Бродовое. Сейчас это Аннинский район Воронежской области. Поселки располагались на противоположных берегах р. Курлак напротив друг друга. В этих местах эта степная река имеет пересыхающее русло. По ее руслу расположены отдельные озера. Однако в районе организации рассматриваемых степных поселков река в основном заросла камышом, рогозом и тростником.

Место под образование поселков крестьяне выбрали весьма удачно. Степная река худо-бедно обеспечивала переселенцев водой, а вдоль самой реки росли небольшие лески. Кстати, лес по р. Курлак в этом районе обозначен еще на Планах генерального межевания (ПГМ) Бобровского уезда последней четверти XVIII в.

До 1917 г. земли, отведенные пос. Ракитинскому, относились к Новокурляцкому сельскому обществу, а земли пос. Орловского принадлежали местным дворянам-помещикам Станкевичам⁵ и Хлебородненскому сельскому обществу⁶.

Название поселка Ракитинский очень легко объяснить. Этот выселок был основан на правом берегу р. Курлак, где на незначительном расстоянии друг от друга (около 500 м) в реку впадают три лога. Один из этих логов называется Ракитов, по ветлам, которые растут по его берегам. Кстати, иногда в документах этот поселок так и обозначался – Ракитинский Лог⁷. Место пос. Ракитинского по документам также известно, как Липняги – небольшие лески⁸. Сам земельный участок пос. Ракитинского составлял часть бывшего в дореволюционное время участка Попов Лог. Отправляясь на эти земли, крестьяне говорили – ехать за Попов Лог. Хотя сам Попов Лог весьма небольших размеров, но его расположение служило местным жителям своеобразным ориентиром в степи. Участок Попов Лог начинался от Попова Лога, правого притока р. Курлак, впадающего в нее юго-западнее

с. Хлебородное и далее вдоль р. Курлак пролегал на север. В этой связи недопустимо путать пос. Ракитинский (Участок Попов Лог, Ракитинский Лог) с соседним пос. Попов Лог (Поповоложский), основанным на одноименном логу переселенцами из с. Новый Курлак также в 1921 г.⁹

С названием поселка Орловский дело обстоит немного сложнее. Утвержденных архивных документов или данных устной истории нами не было обнаружено, чтобы объяснить этот топоним. Однако вполне вероятно, что выселок Орловский получил свое название от соседства с обширной степью бывших ее владельцев – графов Орловых.

Массовое переселение крестьян в степь в Бобровском уезде, как и в иных уездах Воронежской губернии, началось в 1921 г. В основном выселялись на уже обжитые до 1917 г. места. Однако некоторые поселки организовывались на новых участках. Такими выселками были Ракитинский и Орловский. Обязательным условием при выборе места под выселок было наличие реки или лога, в котором можно было устроить пруд. Без воды прожить в степи, вести там хозяйственную деятельность было просто невозможно. На 1921 г. после революционных потрясений и Гражданской войны большинство степных прудов пришло в полную негодность, плотины срывало, и еще недавний водоем высыхал. Следить за весенним паводком, править плотины было некому. В «Проекте отвода земли Новокурлакской волости Бобровского уезда Воронежской губернии и разверстания земель между сельскохозяйственными объединениями, предприятиями и учреждениями названной волости» от 10 февраля 1923 г. (далее – Проект отвода земли Новокурлакской волости), говоря о выселках Орловский, Нечаевский, Ивановский, Ясная Поляна, Малышев, Большой Степановский и Кретовский, отмечалось:

«Для достаточного снабжения водой необходимо восстановление существовавших до революции прудов, так как в настоящее время плотины у большей части прудов сорваны и в первое время будет осуществляться недостаток воды»¹⁰.

В фондах Государственного архива Воронежской области (ГАВО) документов, касающихся выселка Орловского, сохранилось больше, нежели материалов по пос. Ракитинскому. Однако протоколов общего собрания выселяющихся граждан, документов комиссии Новокурлакского волостного земельного отдела по отводу выселкам Ракитинскому и Орловскому, земли, как и по иным выселкам Новокурлакской волости, в архиве вовсе не сохранилось. Хотя за 1921 г. сохранилось заявление граждан с. Бродовое в Бобровский уездотдел с просьбой разрешить выселиться «... за Попов Лог до р. Курлак в местность Липняги на расстояние около 15 верст». Речь шла о будущем пос. Ракитинском с населением в 173 едока, 39 домохозяев¹¹.

Самым первым дошедшим до нас документом компетентных органов по землеустройству рассматриваемых поселков является Постановление Бобровского уездного земельного отдела (УЗО) от 7 июля 1921 г., которым «гражданам с. Бродовое за р. Курлак на Орловском участке» в количестве 400 едоков отводили землю¹².

Таким образом, на начало июля 1921 г. пос. Орловскому Бобровским УЗО земля под выселение и образование выселка была отведена. Надо полагать, что

этим же летом уездный земельный отдел отвел землю и пос. Ракитинскому. Летом-осенью 1921 г. уездные компетентные органы провели отвод земли всем выселкам Новокурлакской волости.

На «Схематическом чертеже 1-го Бродовского выселка на участке под названием Орловский»¹³ видно, что дворы переселенцев стояли в два порядка (северный и южный порядки), под углом примерно 90° по отношению друг к другу, образуя по конфигурации неправильную букву «Т». Северный порядок планировалось разместить вдоль р. Курлак, южный порядок – вдоль лога, впадающего в названную реку. Несколько дворов подразумевалось поставить юго-восточнее южного порядка вдоль р. Курлак на границе с землей Хлебородненского сельского общества. Земельный участок пос. Орловского пересекали впадающие с восточной стороны в р. Курлак два лога Марфуткин и Сарычев, которые сегодня современной микротопонимикой забыты¹⁴.

Пос. Ракитинский проектировался также в два порядка (северный и южный порядки) вдоль р. Курлак. Земельный участок поселка пересекали три лога, впадающие с западной стороны в р. Курлак. Название одного лога нами уже отмечалось – Ракитов. Два остальных лога остаются безымянными. Хотя возможно предположить, что все три лога имели одинаковые названия – Ракитовы.

Выше нами было отмечено, что по постановлению Бобровского УЗО от 7 июля 1921 г. выселку Орловскому была отведена земля на 400 едоков. Однако когда документы по землеотводу пос. Орловскому поступили на утверждение в губернские землеустроительные органы в Воронеж, губернская землеустроительная комиссия, рассмотрев материалы дела, пришла к выводу, что организовывать поселок в 400 едоков нецелесообразно ввиду отсутствия в таком случае у части граждан новообразованного поселка возможности обрабатывать землю недалеко от поселка. Таким образом, организовывая степной поселок в 400 едоков, губернские земельные органы посчитали, что землеотвод такого поселка не отвечает одному из основных принципов Декрета ВЦИК «О социализации земли» – сокращение дальнотемелья. Воронежская губернская землеустроительная комиссия предлагала разделить пос. Орловский на две части с тем, чтобы одна часть отделилась на земли Свободного фонда Новокурлакской волости «с целью приближения земли»¹⁵.

Проект организации пос. Орловского у р. Курлак в 400 едоков был самым масштабным в Новокурлакской волости. Самыми многочисленными выселками на 1922 г. по волости были пос. Попов Лог (257 едоков) и Ясная Поляна (218 едоков)¹⁶.

Вопрос о разделении пос. Орловского на две части был рассмотрен группой переселенцев на общем собрании 8 октября 1921 г. Уполномоченным пос. Орловского был крестьянин И.А. Вялов.

Из протокола общего собрания граждан пос. Орловского 1-го Бродовского Новокурлакской волости Бобровского уезда:

«Повестка дня:

Обсуждение предложения Губернской землеустроительной комиссии о разделе пос. Орловского на 2 части с целью приближения земли.

Постановили единогласно:

Пос. Орловский из 60 домохозяев 400 едоков разделить на 2 части следующим порядком:

В задний конец поля на хут. Нечаевский (быв. Станкевича) выделить из своей среды добровольно согласившихся следующих домохозяев ... всего 22 домохозяина 156 едоков и просить землемера Мишарева о перераспределении усадебных мест для остающейся части и для выделяющихся»¹⁷.

Таким образом, по предложению губернских землеустроительных органов пос. Орловский был разбит на две неравные части. Причем деление поселка производили сами выселяющиеся в степь крестьяне на добровольной основе. Первоначально в документах за 1921 г. поселок на р. Курлак (т.е. оставшаяся часть) назывался пос. 1-й Орловский, а выселившаяся на восток часть крестьян, организовавшая новый поселок, обозначалась, как 2-й Орловский. На 15 марта 1922 г. пос. 2-й Орловский уже назывался Нечаевским. В нем числились 164 едока¹⁸.

Как отмечалось, вопрос о делении пос. Орловского был рассмотрен группой переселенцев на общем собрании 8 октября 1921 г. Этой же осенью согласившаяся на второе переселение часть крестьян организовала на бывших землях помещиков Станкевичей в урочище «Нечаевская дача» (по имени бывшего владельца – потомственного почетного гражданина сер. XIX в. Ивана Ивановича Нечаева) на берегу лога Сухого новый выселок. Сразу после переселения крестьяне 2-го Орловского поселка начали наспех обрабатывать землю, засеивать озимую рожь. В том числе ввиду этого показатели по засеянной ржи среди степных поселков Новокурлакской волости у выселка 2-го Орловского (Нечаевский) на март 1922 г. одни из самых низких¹⁹.

Действительно, с выводами Воронежской губернской землеустроительной комиссии нельзя не согласиться. Организация поселка в 400 едоков не решала проблемы «приближения земли». Землеотвод одному поселку с такой численность населения в рассматриваемом районе усугублялся также еще и тем, что в непосредственной близости от Орловского находились иные новообразованные выселки и центральные села. Расстояние от Орловского до с. Хлебородного по прямой составляло всего не более 4 км. До ближайших выселков расстояние тоже было незначительным.

Дело о землеотводе пос. Орловского и его делении на две части является весьма показательным с точки зрения реализации политики советской власти в области земельных отношений. Необходимо отметить, что ни земельный отдел Новокурлакской волости, ни Бобровский УЗО не обратили внимания на численность населения будущего поселка. При отсутствии споров волостные и уездные земельные органы в основном всегда соглашались с решением переселенцев и давали положительную резолюцию на землеотвод конкретному поселку. Также данное обстоятельство ярко иллюстрирует то, что в уездах слабо были знакомы с законами новой советской власти, в частности в области землеустройства. Таким образом, в том числе для того чтобы реализовать на местах Декрет ВЦИК «О социализации земли», землеустроительным органам было необходимо организовывать небольшие по численности едоков степные поселки. Как покажет время, такая установка была, видимо, ошибочной. По прошествии времени (около 30 лет

после начала массового переселения, т.е. в 1950-е гг.) стало понятно, что «приближать к цивилизации» степные поселки малой численности для государства финансово не выгодно, а само население, «загнанное» в колхозы, решить свои проблемы самостоятельно не могло. Только значительные по численности населения степные поселки были поддержаны государством. Большинство же степных выселков во второй половине XX в. переживали стадию агонии своей недолгой истории. Люди остались брошенными в степи без электричества, дорог, радио. Закрывались школы, магазины, колхозы укрупнялись, а значит, не было и работы – приходилось ездить в колхозы, организованные в центральных селах. Однако все это сельская местность увидит начиная с 1950-х гг. В 1921 г. об этом никто не думал: ни власти, ни население. Государство «приближало» крестьян к земле, а крестьяне, как им казалось, выселялись на свою землю.

По архивным документам сложно проследить фактическое время выселения крестьян в степь на выселки Ракитинский и Орловский. Однако, надо полагать, что первые переселенцы на выселки Орловский и Ракитинский стали приезжать уже летом 1921 г., организовывая свои хозяйства. По крайней мере, на 15 марта 1922 г. в пос. Орловском числились 248 человек, из них 240 едоков имели надел, а в пос. Участок Попов Лог (Ракитинский) – 176 человек, из них 173 едока имели надел²⁰.

Первое время переселенцам было нелегко на новых местах. 30 сентября 1921 г. «граждане с. Бродовое, выселяющиеся за Попов лог» (пос. Ракитинский), в своем заявлении просили Воронежское губернское земельное управление выделить им денежное пособие на различные нужды²¹.

«Экономическое обследование Новокурлакской волости на 15 марта 1922 г.» показывает, что еще осенью 1921 г. в поселках были засеяны озимые хлеба²². Сравнительные цифры по экономике новообразованных выселков Ракитинский и Орловский по состоянию на 15 марта 1922 г. отражены в следующей таблице:

Таблица 1

№ п/п	Показатель	Поселок Ракитинский	Поселок Орловский
1	Населения обоего пола	176 чел.	248 чел.
2	В озимом клине на 1 едока	15 с.	11 с.
3	В яровом клине на 1 едока	15 с.	4 с.
4	Всей земли по поселку в озимом клине	86,1 дес.	88 дес.
5	Всей земли по поселку в яровом клине	32 дес.	32 дес.
6	Всей земли по поселку в паровом клине	40 дес.	40 дес.
7	Степи	–	400 дес.
8	Земли под расход и выгон	41 дес.	60 дес.

9	Земли под усадьбами	39 дес.	40 дес.
10	Всего по плану земли	411,14 дес.	720 дес.
11	Посев озимых ржи на 1922 г.	46,4 дес.	60 дес.
12	Недосев озимых	40,6 дес.	28 дес.
13	Вспахано земли под зябь в яровом клине к 1922 г.	50 дес.	18 дес.
14	Не вспахано земли под зябь в яровом клине к 1922 г.	36,1 дес.	14 дес.
15	Рыдванов	13	41
16	Саней	–	8
17	Дровней	7	30

Как видно из приведенной таблицы, на момент основания рассматриваемых поселков агроэкономические показатели в Ракитинском и Орловском были примерно одинаковыми. Хотя пос. Ракитинский имел более высокие показатели, чем пос. Орловский по количеству земли в озимом клине на одного едока: 15 с. в Ракитинском против 11 с. в Орловском. Показатели земли в яровом клине на одного едока были существенно лучше в Ракитинском, нежели в Орловском: 15 с. против 4 с. Получалось, что в Ракитинском в 3,75 раза было больше земли в яровом клине на одного едока, чем в Орловском.

Однако выселок Орловский был гораздо лучше обеспечен транспортом. В пос. Ракитинском средне арифметически на 8,8 человека приходилась одна единица транспорта. В Орловском одна единица транспорта приходилась на 3,4 человека. Это более чем в 2,5 раза больше, чем в соседнем выселке Ракитинском. Данная разница в транспортной обеспеченности крестьян говорит о том, что выселяющиеся крестьяне в пос. Орловский были, видимо, более состоятельными. Хотя в основном в степные поселки выселялись бедные крестьяне.

Несмотря на то, что транспортная обеспеченность была лучше в выселке Орловском, крестьяне выселка Ракитинского вспахали земли под зябь в яровом клине к 1922 г. больше почти в 2,8 раза.

На 27 декабря 1922 г. в выселке 1-м Орловском было 35 единиц крупного рогатого скота, в пос. 2-м Орловском (Нечаевском) – 18, в пос. Ракитинском – 22²³. Исходя из количества едоков по каждому поселку, показатели у всех трех выселков примерно одинаковые.

Стремясь к максимальной самоорганизации в землеустройстве, крестьяне степных выселков желали и в административном отношении быть самостоятельными. 4 августа 1922 г. уполномоченными от выселков 1-го Орловского, 2-го Орловского (Нечаевского), Попово-Ложского, Рогатовского (Ивановского), Ясной Поляны в Бобровский уездный отдел управления было подано Прошение об организации собственного сельского совета:

«В уездный Бобровский отдел Управления
Уполномоченных от переселенческих участков –
Нечаевского, 1-го Орловского, Попово-Ложского,
Рогатовского участка, Ясной Поляны
А.Т. Судейкина, Л. Рогова, Маняшина И.А.
Новокурлакской волости Бобровского уезда

Прошение

Мы нижеподписавшиеся являемся уполномоченными от переселенческих участков Нечаевского, Орловского, Попово-Ложского, Рогатовского, Ясной Поляны Новокурлакской волости.

Означенные участки от пределов Новокурлакской волости и с мест выселения находятся в 18-20 верстах. Между собой расстояние выражается в 2 или 3 верстах.

Численностью означенные участки достигают цифры 900 душ.

Принимая во внимание, что пред нами стоят исключительные переселенческие нужды, переселенческие интересы, предусмотренные действующими советскими законоположениями и что нам необходима самоорганизация в этих интересах, дабы задачи наши и тем самым и Республики были бы на высоте, находим, что такую самоорганизацией могущей ближе всего подметить и стремиться удовлетворить переселенческие нужды может быть только свой сельский совет степных участков.

Исходя также из соображений данности расстояний участков от мест выселок (20 верстное расстояние) их близкого расположения друг к другу и численной их наличности (900 душ) дающей право на организацию сельского совета, нужно думать, что единственным выходом из такого положения является создание своего сельского совета.

Создание сельского совета по системе самообложения, конечно, должно быть нам выгодно.

А потому на основании указанных обстоятельств просим Уотдел Управления дать разрешение на организацию своего совета Степных переселенческих участков.

М. Корчагин, А. Судейкин, Щетинин, И. Маняшин, Сысовский
1922 г. 4 августа»²⁴.

В свою очередь по запросу переселенцев Бродовской сельский совет 6 августа 1922 г. выдал справку уполномоченным от выселков, которой подтвердил некоторые аргументы крестьян, изложенные ими в Прошении:

«Выдана настоящая справка из Бродовского сельского совета уполномоченным 1-го Орловского, Нечаевского, Попово-Ложского степных участков в том, что выселившиеся из с. Бродового 1-й Орловский участок имеет 232 души; Нечаевский участок – 155 душ; Попово-Ложский участок – 173 души. Всего 560 душ. Означенные участки находятся в 1-2 верстах расстоянии друг от друга.

От Бродовского совета и волости имеют расстояние 20-25 верст»²⁵.

На самом деле расстояние между обозначенными в справке поселками было гораздо большее. Так, от пос. Попов Лог до пос. 1-й Орловский расстояние составляла 5 верст. От 1-го Орловского до 2-го Орловского (Нечаевского) – 4 версты. От Попова Лога до 2-го Орловского (Нечаевского) расстояние по прямой было и того больше – более 7 верст. От с. Бродовое до самого ближнего к нему выселка, пос. Попов Лог, расстояние по прямой составляло 12 верст, а не 20–25, как обозначено в Справке. Бродовской сельский совет просто не мог об этом не знать, выдавая переселенцам совершенно негодный документ.

10 августа 1922 г. Новокурлакский волостной исполнительный комитет во главе с председателем С.Ф. Щетининым, комментируя Прошение уполномоченных от степных выселков, поддержал просьбу переселенцев, написав следующее:

«В организации степных участков отдельного сельского совета Волисполком со своей стороны ничего не имеет и просит удовлетворить просьбу граждан»²⁶.

Однако менее чем через месяц Новокурлакский волисполком во главе с председателем А.П. Петренко в просьбе уполномоченных от выселков об организации самостоятельного сельского совета Степных участков отказал. В протоколе № 59 очередного заседания Новокурлакского волисполкома от 4 сентября 1922 г. среди прочих вопросов фиксировалось:

«Слушали:

Постановление президиума Уисполкома Бобровского уезда об отдельном сельсовете степных участков из мелких участков, о предоставлении заключения и протокольного постановления к таковому.

Постановили:

Волисполком находит более уместно и целесообразно слить участки с Хлебородненским сельским советом ввиду того, что таковые в близком расстоянии не более 1–2 верст от с. Хлебородное»²⁷.

Таким образом, Новокурлакский волисполком был вынужден отказать переселенцам в организации самостоятельного сельского совета, т.к. резолюцию волисполкома от 10 августа 1922 г. не поддержал уездный центр в Боброве. Обозначенные в Прошении переселенцев от 4 августа 1922 г. выселки были включены в состав Хлебородненского сельского совета²⁸.

10 февраля 1923 г. землемер Воронежского губземотдела С.И. Мишарев на основании ст. 81–105 Инструкции по применению положения о социалистическом землеустройстве составил «Проект отвода земли Новокурлакской волости Бобровского уезда Воронежской губернии и разверстания земель между сельскохозяйственными объединениями, предприятиями и учреждениями названной волости»²⁹.

В соответствии с названным документом обеспечению земель в пределах Новокурлакской волости подлежали в пос. Ракитинском 173 едока, а в пос. Орловском 244 едока. В отношении выселка Орловский норма наделения на едока, согласно Декрету ВЦИК-СНК РСФСР «Об увеличении размера землепользования в трудовых хозяйствах» от 27 мая 1920 г., была доведена от 2-х до 3-х дес. Характеризуя пос. Ракитинский, землемер С.И. Мишарев в Проекте отвода земли Новокурлакской волости фиксировал:

«Выселок Ракитинский организованся в 1921 г. из с. Бродового в дальнем конце поля. С полного согласия общества Ракитинскому отведен участок, окруженный урочищами – Попов Лог и речкой Курлак, площадью до 550 дес. на 173 едока. Для расселения отведен поселок правильно распланированный, с удобными местами в 1 десят.»³⁰.

Обозначая характеристики пос. Орловского, землеустроитель Мишарев отмечал, что этим выселком представлен организованный план ведения многопольного севооборота. Уездными и губернскими земельными органами особым постановлением поселку, согласно Декрету ВЦИК-СНК РСФСР от 27 мая 1920 г., норма наделения на едока доведена до 3-х дес. за счет государственного земельного фонда. Для расселения выселку нарезан поселок правильно распланированный³¹.

Декрет ВЦИК-СНК РСФСР «Об увеличении размера землепользования в трудовых хозяйствах» от 27 мая 1920 г. предусматривал ряд оснований, в соответствии с которыми норма наделения землей могла быть увеличена. П. 1 названного Декрета среди прочих оснований обозначал ведущие интенсивное земледелие хозяйства с многопольным севооборотом³². В семи из десяти степных поселков, организованных в Новокурлакской волости в 1921-1923 гг., были представлены организованные планы ведения многопольного севооборота. Крестьянам было выгодно пользоваться правом, закрепленном в Декрете ВЦИК-СНК РСФСР от 27 мая 1920 г. Данный Декрет широко применялся в земледельческих регионах.

В составленной нами таблице (Таблица 2) отражены в соответствии с Проектом С.И. Мишарева отведенные выселкам Ракитинскому и Орловскому по угодьям земельные участки.

Таблица 2

№ п/п	Показатель	Выс. Ракитинский	Выс. Орловский
1	Число едоков с.х. объединения	173	244
2	Под усадьбой, садами и огородами	50	81
3	Выгона	41	50
4	Пашни	130	80
5	Количество отведенной земли по угодьям	12	48
6	Луга и сенокоса	30	473
7	Степи	263	732
8	Итого удобной	292	72
9	Разного рода неудобной	555	804
	Общая площадь отведенной земли в участке		

Как видно из таблицы 2, пос. Ракитинскому был отведен большой участок неудобной земли – 292 дес. У выселка Орловского залежная степь составляла 473 дес., которую можно было распахать или частично использовать в качестве выпасных или сенокосных угодий. Из таблицы 2 также видно, что в Ракитинском

крестьяне делали ставку на растениеводство (130 дес. пашни), а в Орловском – на животноводство (48 дес. луга и сенокоса). В целом участок, отведенный пос. Орловскому, был пригоднее, чем участок пос. Ракитинского, для занятия сельским хозяйством.

Проект отвода земли Новокурлакской волости, составленный землемером С.И. Мишаревым 10 февраля 1923 г., был рассмотрен Бобровским уездным земельным управлением на открытом заседании 2 апреля 1923 г.³³ Ввиду весенней распутицы представители от пос. Ракитинского и пос. Орловского не прибыли в Бобров в земельное управление для рассмотрения проекта разверстания земель, отведенных Новокурлакской волости.

По большей части Бобровское управление было согласно с проектом Мишарева. Общее количество земли, отведенной рассматриваемым выселкам землемером С.И. Мишаревым, а также количество земли по угодьям, земуправление подтвердило: пос. Ракитинский – 555 дес., пос. Орловский – 804 дес.³⁴

После рассмотрения проекта землемера С.И. Мишарева Бобровское уездное земельное управление в тот же день, 2 апреля 1923 г., вынесло постановление в окончательной форме относительно землеустройства Новокурлакской волости, в том числе выселков Ракитинского и Орловского. После этого документы были направлены на утверждение в Воронеж в губернское земельное управление. Землеотвод выселков Ракитинского и Орловского на р. Курлак был завершен.

На 1925 г. в пос. Ракитинском стояли 32 двора и проживали 213 жителей обо-его пола, в Орловском – 41 двор и 242 жителя обо-его пола³⁵.

На 1959 г. поселки Ракитинский и Орловский входили в состав Хлебородненского сельского совета, объединенные в колхоз «Хлебородный»³⁶. В 1972 г. поселки также еще включались в справочники по административно-территориальному устройству Воронежской области³⁷. Пос. Ракитянский (Ракитинский) еще указывался на топографических картах Воронежской области 1979 г.

В настоящее время от поселков Ракитинский и Орловский остались только небольшие, еле заметные поросшие степной травой кладбища.

¹ Декрет ВЦИК РСФСР «О социализации земли» от 19 февраля 1918 г. // http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_235.htm.

² Подлесных С.Н. Правовое регулирование переселения по Декрету ВЦИК «О социализации земли» 1918 г. / Инновационные технологии и технические средства для АПК. Материалы межд. науч.-практ. конференции молодых ученых и специалистов. Часть 3. Воронеж. 15-17 ноября 2016. С. 238.

³ Н. Осинский – партийный псевдоним Валериана Валериановича Оболенского.

⁴ Подлесных С.Н. Письма в Москву заведующего Воронежским губземотделом М.В. Кибальникова заместителю народного Комиссара земледелия РСФСР Н. Осинскому // Битюгъ. 2014. № 4. С. 22.

⁵ Макаров Н.А. Мой Курлак // Битюгъ. 2015. № 1. С. 3-6.

⁶ Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. Р-172. Оп. 1. Д. 589. Л. 201.

⁷ Алфавитный указатель населенных мест Воронежской губернии. Воронеж, 1925. С. 76.

⁸ ГАВО. Ф. Р-172. Оп. 1. Д. 589. Л. 42.

- ⁹ Там же. Л. 259.
- ¹⁰ Там же. Л. 179.
- ¹¹ Там же. Л. 42,43.
- ¹² Там же. Ф. Р-19. Оп. 5 доп. Д. 13. Л. 87.
- ¹³ Там же. Л. 105.
- ¹⁴ Там же. Л. 91.
- ¹⁵ Там же. Л. 110.
- ¹⁶ Там же. Ф. Р-2149. Оп. 1. Д. 7. Л. 3.
- ¹⁷ Там же. Ф. Р-19. Оп. 5 доп. Д. 13. Л. 110.
- ¹⁸ Там же. Ф. Р-2149. Оп. 1. Д. 7. Л. 3.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же. Ф. Р-19. Оп. 5 доп. Д. 13. Л. 135.
- ²² Там же. Ф. Р-2149. Оп. 1. Д. 7. Л. 3.
- ²³ Там же. Д. 21. Л. 189.
- ²⁴ Там же. Д. 14. Л. 171-171 об.
- ²⁵ Там же. Л. 173.
- ²⁶ Там же. Л. 172.
- ²⁷ Там же. Д. 12. Л. 9 об.
- ²⁸ Алфавитный указатель населенных мест Воронежской губернии. Воронеж, 1925. С. 76, 88.
- ²⁹ ГАВО. Ф. Р-172. Оп. 1. Д. 589. Л. 177-182.
- ³⁰ Там же. Л. 180.
- ³¹ Там же. Л. 181.
- ³² Декрет ВЦИК-СНК РСФСР «Об увеличении размера землепользования в трудовых хозяйствах» от 27 мая 1920 г. // http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_662.htm.
- ³³ ГАВО. Ф. Р-172. Оп. 1. Д. 589. Л. 255-260 об.
- ³⁴ Там же. Л. 259.
- ³⁵ Алфавитный указатель населенных мест Воронежской губернии. Воронеж, 1925. С. 76, 88.
- ³⁶ Воронежская область. Административно-территориальное деление. По состоянию на 1 апреля 1959 г. Воронеж, 1959. С. 17.
- ³⁷ Воронежская область. Административно-территориальное деление. По состоянию на 1 января 1972 г. Воронеж, 1972. С. 15.

Следы творчества зодчего В.П. Стасова в Воронеже

П.А. Попов,

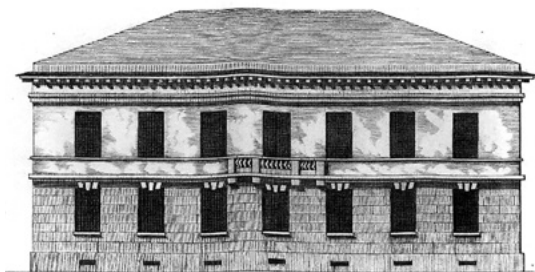
*к. и. н., член Союза писателей России,
доцент факультета архитектуры
и градостроительства ВГТУ (ВГАСУ)*

До сих пор не имелось никаких сведений о проектах выдающегося русского зодчего, яркого представителя эпохи классицизма Василия Петровича Стасова (1769-1848), которые были бы реализованы в Воронеже. Считалось, что их нет. Но такую точку зрения приходится опровергнуть в результате обращения к истории типового строительства в России.

В.П. Стасов родился в Москве в небогатой дворянской семье. Изучал азы архитектуры в гимназии при Московском университете. С 1783 г. работал в Экспедиции архитектурных дел Московской управы. В 1802-1808 гг. пребывал в зарубежной командировке, изучал итальянскую архитектуру античного периода и эпохи Возрождения. Длительное время жил и работал в Петербурге. С 1816 г. он – один из главных архитекторов «Комитета для приведения в лучшее состояние всех строений...» в столице. В 1810-1830-е гг. по его проектам построен целый ряд знаменитых архитектурных шедевров: казармы Павловского полка, Спасо-Преображенский и Троице-Измайловский соборы в Петербурге, Нарвские и Московские Триумфальные ворота, Провиантские склады в Москве и др. Спроектировав новую Десятинную церковь в Киеве, он стал основателем «русско-византийского» стиля, в дальнейшем получившего развитие в работах К.А. Тона. В то же время В.П. Стасов был автором многих жилых домов в Петербурге и Царском Селе, загородных усадебных построек в нескольких губерниях¹.

Одна из наиболее значимых страниц в его творческой биографии – участие в разработке многочисленных «образцовых», то есть типовых, проектов, рекомендованных для применения во всех городах страны в начале XIX в.

В 1809-1812 гг. в Санкт-Петербурге осуществлено издание пяти гравированных альбомов под общим названием «Собрание фасадов, Его Императорским Величеством высочайше апробованных для частных строений в городах Российской империи». Первый и второй альбомы со 100 проектами относятся к 1809 г., третий и четвертый альбомы с более чем 120 проектами – к 1812 г. Пятый альбом представляет собой собрание проектов заборов и ворот. Многие исследователи сошлись в том, что авторами проектов были видные российские зодчие А.Д. Захаров, Луиджи (А.И.) Руска, Вильям (В.И.) Гесте, В.П. Стасов. Под типовыми проектами частных домов не стоят подписи кон-

«Собрание фасадов...» 1809 г. Часть 1. Л. 21

третьего и четвертого альбомов (то есть практически все), на что указывает названная фамилия Стасова в сопроводительном циркуляре³. Ведущий исследователь типового строительства в России С.С. Ожегов сдержанно относился к указанию на авторство не подписанных на каждом листе проектов⁴.

Как бы то ни было, в отношении двухэтажных фасадов № 21 и № 23 из третьего альбома⁵ удастся сделать вполне определенное заключение об авторстве и обнаружить их практическую реализацию в городах. Более того, в ходе данного исследования фасад № 23 выявлен не только в реальности, но и практически в неизменном виде в единственном городе – Воронеже. Он воплощен в жилой дом, который сохраняется как объект культурного наследия «Дом Успенской церкви» по адресу: улица Софьи Перовской, 37а.

Начнем со сравнения фасада № 23 с главным фасадом «Дома Успенской церкви», затем перейдем к рассмотрению различных других аналогов (как точно подписанных В.П. Стасовым, так и не атрибутированных) и, наконец, при помощи архивных документов выясним историю «Дома Успенской церкви».

В проекте длина фасада № 23 – 6,2 сажени (около 13 м), высота до крыши – 3,4 сажени (7,14 м), до конька крыши – 4,3 сажени (9 м). По имеющимся фотографиям воронежского дома на улице Большой Успенской (Софьи Перовской) периода конца XIX в. – начала 1980-х гг., когда на фасаде сохранялось большинство первоначальных элементов декора, можно судить, что у рассматриваемого объекта и у проекта № 23 совпадают такие композиционные характеристики, как длина и высота фасада, пропорции высоты этажей и оконных проемов; количество оконных осей (пять); междуэтажный и подоконный карнизы; одночастные клинообразные замковые камни над всеми проемами первого этажа; треугольные сандрики на небольших кронштейнах над проемами второго этажа на трех осях (в центре и по бокам фасада); венчающий карниз с сухариками.

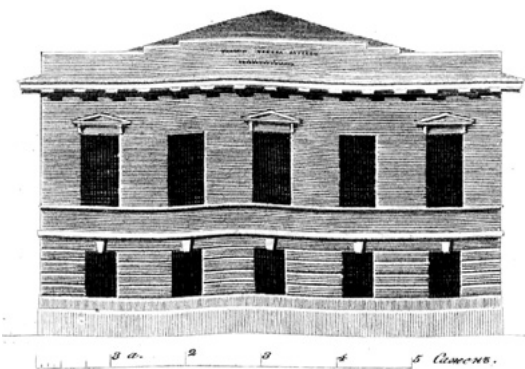
К этому проекту близок по композиционному решению фасад № 21 из альбома № 1. Однако он имеет не пять, а семь оконных осей, клинообразные камни над окнами первого этажа – трехчастные, а второй этаж лишен сандриков.

Хотя на обоих чертежах не указан автор, можно приписать их творчеству

кретных авторов, тем не менее, фамилии известны из общих документов о составлении «Собрания...», а характерные объемно-пространственные композиции узнаваемы при их сравнении с точно атрибутированными проектами этих авторов².

По мнению В.И. Пилявского, В.П. Стасов разработал большинство «образцовых» проектов этой серии, и ему принадлежат 125 проектов из

В.П. Стасова: фасад № 23 – как не вызывающий сомнений в авторстве, фасад № 21 – как разработанный ранее тем же автором с большей степенью вероятности. К счастью, В.И. Пилявским уже установлено, что именно В.П. Стасовым в 1821 г. был разработан точно атрибутированный проект дома зажиточного крестьянина Матвея Беломоина в Царском Селе (ныне г. Пушкин Ленинградской области) на Магазиной улице. Проект хранится в РГИА⁶. И дом до сих пор сохранился по адресу: ул. Церковная, 28, однако во время ремонта в 1950-х гг. его фасад был существенно искажен: изменены размеры проемов, уничтожен декор⁷.

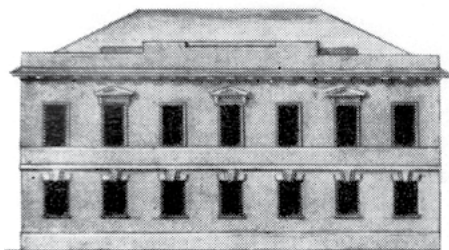
*«Собрание фасадов...» 1812 г. Часть 3. Л. 23.
Проект фасада, в соответствии
с которым разработан фасад
«Дома Успенской церкви» в Воронеже*

По существу, фасад дома Беломоина является «двойником» фасада № 23. Отличие состоит только в большей длине дома, растянутого на семь оконных осей, и в том, что замковые камни использованы в трехчастном виде, как на фасаде № 21. Очевидно, они больше соответствуют увеличенной длине фасада. Невысокий ступенчатый аттик с прямыми углами, растянутый на всю длину фасада, можно также отнести к характерному «почерку» В.П. Стасова.

Близкий по композиции угловой дом купца А.И. Малышева построен по проекту В.П. Стасова в 1822-1825 гг. в Петербурге на углу улиц Оранжерейной и Средней. Он доныне сохранил характерный декор.

«Образцовые» проекты В.П. Стасова, как и подобные проекты других авторов, несмотря на относительную скромность в отделке фасадов, имели важнейшее значение для ансамблевой застройки русских городов. Фасады намеренно упрощались, чтобы они находили массовое применение благодаря упрощению и удешевлению окончательного проектирования и быстрому воплощению их в жизнь. Такие дома, с их стандартным набором элементов классицизма, создавали необходимую архитектурную среду главных городских ансамблей, ими можно было застраивать как центральные, так и периферийные улицы. Так вся застройка города, а не единичные крупные сооружения, приобретала единый классицистический характер. Типовое проектирование было очень актуально для застройки Москвы после пожара 1812 г., одновременно оно находило внедрение в большинстве городов.

Большая заслуга В.П. Стасова состоит в том, что в «образцовых» проектах он смог достичь большой выразительности за счет мастерского сочетания несложных форм и элементов, стандартных для русского классицизма. Кроме того,

В.П. Стасов. Проект дома М. Беломоина
в Царском Селе, 1821 г. РГИА.
Из книги: Пилявский В.И. Стасов.
Архитектор. Л., 1963. С. 94

в отличие вот В.И. Гесте, В.П. Стасов проектировал не одноэтажные дома с полуподвалами, в которых была вынуждена ютиться прислуга, а двухэтажные с низким нижним этажом (в композиционном отношении нижний контрастировал с верхним по канонам классицизма). Этим В.П. Стасов оказал огромное влияние на все дальнейшее строительство жилых домов в России.

По наблюдению С.С. Ожегова, «Собрание фасадов...» сохраняло свое практическое значение более

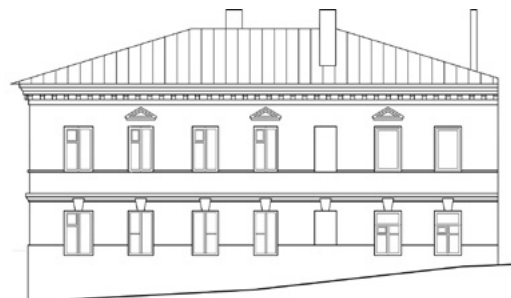
чем 20 лет, оно «было первым и последним сборником типовых проектов частных жилых домов, изданных государством в первой половине XIX в.»⁸. В дальнейшем, с развитием капиталистических отношений, происходил постепенный распад классицизма как обязательного стиля, установленного государством, и утверждалась эклектика. Отчасти в эклектике повторялся русский классицизм, но уже трансформированный, в котором не соблюдали прежние строгие пропорции. Однако «Собрание фасадов...» продолжало пользоваться популярностью и в 1830-е гг., на заключительном этапе классицизма, в начале перехода к эклектике.

Провинциальные архитекторы всегда были вольны применять «образцовые» проекты не с абсолютной точностью, а с изменением габаритов домов и набора элементов декора. Если они поступали по канонам классицизма, обязательно соблюдали пропорциональность. С.С. Ожегов отмечает, что большинство жилых домов эпохи классицизма XIX в. утрачено, поэтому точный подсчет осуществленных проектов затруднен. Он указывает лишь на два установленных варианта применения проекта № 23 из третьего альбома: фасады дома Татаринова и дома Нечаевой в Москве⁹. Видно, что в обоих случаях реально-го проектирования уменьшены длина и ширина фасада, упрощен декор. Там местные архитекторы отказались от применения наиболее сложных треугольных сандриков. А воронежский случай отличается почти точным повторением как общих размеров, так и всего фасадного декора из проекта В.П. Стасова.

В ходе данного исследования был выявлен еще целый ряд сохранившихся аналогов, построенных по этому и другим подобным проектам, в различных городах бывшей Российской империи, в том числе и в Воронеже, а также на современной Украине.

Так, жилой дом, впоследствии административное здание Воронежской ремесленной управы (ул. Сакко и Ванцетти, 87), является самым близким аналогом и, очевидно, также декорирован на основе проекта № 23. Он имеет не пять, а семь оконных осей. В отличие от дома Успенской церкви, сохранились треугольные сандрики. По всей видимости, это также явный случай применения проектов В.П. Стасова. Точная дата строительства не установлена.

Все другие воронежские и неворонежские аналоги имеют гораздо большие отличия от проекта В.П. Стасова. Дом чиновника А.Я. Красовского, позже историка Г.М. Веселовского, в Воронеже, на улице Сакко и Ванцетти, 38, имеет пять оконных осей. Декор более простой: на втором этаже прямые сандрики, на первом нет замковых камней. Из архивных документов¹⁰ определяется дата строительства: начало 1840-х гг. Дом купцов Золотаревых, позже купца С.Л. Кряжова, в Воронеже, на ул. К. Маркса, 41, на основании стилистического анализа датируется началом XIX в. Композиция главного фасада в семь оконных осей усложнена тремя крестовками, боковые фасады имеют пять осей. На втором этаже сандрики не треугольные, а прямоугольные, однако фасад выглядит более изящным за счет лепнины над проемами.

Фасад «Здания Ремесленной управы» в Воронеже.
Чертеж А. Кузнецовой, 2018 г.

Все выявленные аналоги в других городах: г. Владимир, ул. 1-я Никольская, дом № 4; г. Таганрог, дом на ул. Греческой; г. Екатеринбург, ул. Розы Люксембург, дом № 7; г. Киев, ул. Владимирская, дом № 35, особняк А.В. Беретти – имеют более обедненное оформление в сравнении с воронежскими. В таком позднем образце, как дом Беретти (датируется 1848 г.), видны отступления от стандартных форм русского классицизма в сторону эклектики.

Таким образом, рассматриваемый воронежский объект – «Дом Успенской церкви» – является единственным установленным сохранившимся в России образцом, наиболее точно передававшим творческий замысел В.П. Стасова в «образцовом проекте» № 23 из третьего альбома 1812 г. Кто и когда построил дом?

Это единственное сохранившееся здание из всех подобных капитальных кирпичных жилых домов, которые в XVIII и XIX вв. находились на берегу реки Воронеж, в том числе и в немногочисленном окружении знаменитого Успенского Адмиралтейского храма XVII в.

На плане Воронежа 1799 г. усадьба уже показана застроенной. На линии Большой Успенской улицы зафиксирован деревянный главный дом, местоположение которого не совпадает с нынешним, и надворные постройки¹¹. Кирпичный дом отсутствует на плане города рубежа XVIII-XIX вв. и на плане 1818 г., где показаны значительные кирпичные строения¹². Он впервые появляется на подробном плане 1851-1852 гг.¹³

На «Сборном листе усадебной земли губернского города Воронежа», который представляет собой выкопировки земельных участков наиболее значительных объектов Воронежа из плана 1851-1852 гг., видно, что участок исследуемого объекта не входил в территорию участка Успенской церкви и, следовательно, считался отдельной городской усадьбой. Следует предположить, что первоначально

дом был построен в усадьбе, принадлежавшей кому-то из зажиточных воронежских домовладельцев, дворян или купцов. И предположение подтверждается рукописными документами. Судя по исправлениям в «Алфавитном списке жителей Мещанской части г. Воронежа за 1875 год», вскоре после составления списка дом с усадьбой под № 219, оцененной в 1350 руб., перешел от жены коллежского секретаря Магдалины Мешковой к Успенской церкви¹⁴. Пока неясно, была ли семья Мешковых первым владельцем дома или нет. Необходимо продолжать поиски документов в этом направлении.

Большое значение для изучения дома имеет хранящаяся в Российском государственном историческом архиве страховая ведомость 1910 г. В ней находим опись Успенской церкви и всех строений, принадлежащих храму. В описании дома названа и дата его сооружения – 1840-е гг., что соответствует анализу планов Воронежа:

«Церковный причтовый дом двухэтажный, каменный, выбелен мелом с извешкою, высотой в 4 саж., шириною в 5 саж. и длиною в 8 саж., крытый железом, в верхнем этаже 19 ть окон, из них 12 окон с двойными рамами, размером в 2х1 $\frac{1}{4}$ арш., одно окно с двойною рамою, размером в 1 $\frac{1}{2}$ х 1 $\frac{1}{4}$ арш., остальные 6 окон в одну раму, размером в 1 $\frac{3}{4}$ х 1 арш., дверей одностворчатых 2 и двустворчатых 6 ть, печей голландских 4, из коих одна плита, при доме корридор, во 2-м этаже имеет одну стену досчатую, высотой в 3 $\frac{1}{2}$ арш., шириною в 4 $\frac{1}{2}$ арш., а длиною в 15 арш. Если длину всего дома считать безъ корридора, то она будет не в 8 саж., как сказано выше, а на 1 $\frac{1}{2}$ арш. меньше, именно 6 $\frac{1}{2}$ саж. В нижнем этаже окон 14 ть, из них 13 ть с двойными рамами, размером каждая в 1 $\frac{3}{4}$ х 1 $\frac{1}{4}$ арш. и одно с одною рамою, размером в 1 $\frac{3}{4}$ х 1 арш., дверей одностворчатых 8 мь, дверей двустворчатых 5 ть, печей голландских 2, русских 2, корридор в нижнем этаже имеет все три стороны каменные, высотой в 4 $\frac{1}{2}$ арш., шириною тоже в 4 $\frac{1}{2}$ арш. и длиною в 15 арш.

Дом построен в 1840-х годах, а корридор в 1888 году, тот и другой сохранились хорошо. Оценен в 5750 рублей. Расстоянием от частных строений находится с одной стороны в 5 саж., с другой – в 3 саж.»¹⁵.

Идентичность указанного в описи дома с данным объектом культурного наследия доказывается сравнением округленных размеров (в 1910 г. – длина примерно 13,8 м, ширина 10,7 м, высота 8,5 м). Приблизительно совпадает также количество окон с учетом поздних переделок проемов.

Нами было предпринято также частичное натурное исследование дома, в частности, кирпичной кладки. Ее параметры не противоречат указанной в описи датировке. В основных стенах – кирпичи ручной формовки, верстовая перевязка, длина 250-270 мм (наиболее характерные усредненные размеры 255, 260, 270 мм); ширина 120-130 мм (наиболее характерные усредненные размеры 120, 125 мм, в подвальной части дома – до 135 мм); толщина 60-65 мм. Швы с известковым раствором, минимальная толщина 8 мм, максимальная 22 мм, с односторонней подрезкой. Десять рядов кладки с десятью швами – 777 мм. Первоначальные проемы обработаны «голубцами».

Размеры кирпичей более характерны для воронежских построек 1810–

1830-х гг. Однако относительно ровная ручная формовка и относительно небольшая минимальная толщина швов указывает на близость строительства скорее к середине XIX в., нежели к началу того столетия. О том же свидетельствуют некоторые небрежности в кладке.

С учетом стилистики здания, исходя из того, что «образцовые» проекты применялись в основном до 1830-х гг. включительно, а также принимая во внимание, что в композиции фасада отсутствуют элементы эклектики, наиболее вероятной представляется датировка строительства рубежом 1830-х и 1840-х гг. Можно попытаться определить воронежского архитектора, воплощавшего в жизнь «образцовый» проект. В 1835-1839 гг. должность губернского архитектора занимал А.И. Денисенков (1806 – ок. 1889), который, скорее всего, предварительно приобретал навыки архитектора самостоятельно. Современники отмечали его недостаточные профессионализм и работоспособность, что проявилось при сооружении Кадетского корпуса¹⁶. Он «не успевал даже в своевременном исполнении по своей должности» губернского архитектора¹⁷. Однако именно такой архитектор для облегчения своей работы мог применить «образцовый» проект без изменений, без творческой переработки.

Нетрадиционным решением для воронежской архитектуры является усиление фундамента дома при помощи клинообразных участков кирпичной кладки. Представляют также интерес кирпичные подвалы, перекрытые цилиндрическими сводами. Такой свод (частично обрушен во время поздних ремонтов) сохранился в юго-восточной половине дома, обращенной к церкви. На юго-западной стене в традициях архитектуры подвалов XVIII в. имеется ниша для светильника.

Судя по «Указателю храмовых празднеств в Воронежской епархии», составленному Д.И. Самбикиным в середине 1880-х гг., к этому времени дом уже принадлежал Успенскому храму, так как указывается, что «для причта есть каменный двухэтажный дом с деревянным флигелем и разные надворные строения...»¹⁸.

Священнослужитель Феодор Лукин, автор статьи об истории церкви, опубликованной в 1904 г., отмечает: «При церкви для причта с 1873 года имеется дом»¹⁹. В изложении историка А.Н. Акиншина эти сведения даны с изменениями: «...Близ церкви стоял каменный дом для причта, построенный в 1873 году»²⁰. Однако следует предположить, что 1873 г. – это дата приобретения дома Успенской церковью у частного владельца.

В дальнейшем, вплоть до Гражданской войны, дом причта принадлежал Успенской церкви. В нем жил ряд священнослужителей.

Натурные исследования позволяют увидеть, что во второй половине XIX в., по крайней мере, два раза вносились переделки в стены дома, в особенности: в северо-восточную стену, первоначально фасадную (ныне она служит внутренней поперечной перегородкой в связи с поздней пристройкой с этой стороны), а также во внутреннюю продольную капитальную стену, которая имеет полости для печного отопления. По всей видимости, переделки были необходимы для приспособления дома в 1870-е гг. под квартиры церковного причта; для пристройки в 1880-е гг. новой входной части с северо-восточной стороны (в описи

1910 г. названа дата пристройки «коридора»: 1888 г.); для реконструкции печного отопления; для усиления цокольной части здания – очевидно, она не смогла выдержать испытания временем из-за нахождения дома на берегу реки, на покато́й и подтапливаемой местности. Участки новой кладки второй половины XIX в., состыкованные с первоначальной кладкой, близки друг от друга по времени. В основном они сделаны в технике, традиционной для середины XIX в., с односторонней подрезкой швов, что позволяет отнести основные реконструктивные работы того периода к 1870-м гг.²¹

Принадлежность дома в начале XX в. Успенской церкви подтверждается «Списком усадеб города Воронежа» 1909 г.: в ряду застройки Большой Успенской улицы указан дом № 19 «Успенской церкви»²².

В страховой описи 1910 г., помимо главного дома для причта, перечислены также другие строения в данной усадьбе: деревянный флигель на каменном фундаменте; деревянные сарай, амбар и др. Фигурируют также строения на соседнем участке, относившемся непосредственно к церкви. Здесь стояло одноэтажное деревянное здание на каменном фундаменте, в котором размещались богадельня и церковно-приходская школа, разделенные чуланом. Дата строительства здания, указанная в описи – 1884 г., – отличается от даты, приведенной в статье Ф. Лукина, – 1894 г.

В XIX – начале XX в. усадьба дома причта считалась наиболее крупным жилым домовладением на Б. Успенской улице. В 1919 г. оно единственное было реквизировано. В 1925 г. муниципализация дома, ранее принадлежавшего Успенской церкви, с предреволюционной оценкой 2500 руб., была утверждена в Главном управлении коммунального хозяйства НКВД²³.

В ходе исследования выявлен ряд иконографических материалов. На них дом изображен на дальнем или среднем плане в основном в связи с фотосъемкой Успенской церкви.

На некоторых почтовых открытках воспроизводился фотоснимок конца XIX в.: вид на церковь с холмов. Дом показан без капитальных пристроек, искажающих «образцовый» проект. Очевидно, в 1888 г. со стороны торцевого северо-восточного фасада был пристроен «коридор» еще в одноэтажном виде. На доме сохранялся почти весь декор, но нет аттика, свойственного «образцовым» фасадам и реально воплощенным проектам В.П. Стасова.

Судя по описи 1910 г., к этому времени «коридор» уже был двухэтажным с частично деревянным вторым этажом. Так впервые была существенно нарушена общая композиция «образцового» фасада № 23. Об этом свидетельствуют и открытки начала XX в. На них просматривается двухэтажная пристройка с односкатной кровлей, имеющей уклон в северо-восточную сторону.

На фотографии, выполненной примерно в 1930-е гг., хорошо видны сохранившиеся тогда детали главного фасада, включая сандрики и карнизы, а также двухэтажная пристройка с кирпичной стеной главного фасада, нарушающая классицистическую композицию.

В годы боев за Воронеж (1942-1943 гг.) дом мало пострадал от бомбежек и артобстрелов, поэтому в первые послевоенные годы не требовалось значительных восстановительных работ. Спустя некоторое время реконструктивные ра-

боты понадобились для улучшения быта жильцов дома и для создания более удобных входов в дом взамен старой обветшавшей пристройки, собранной из смешанных материалов.

Судя по фотографиям, в период конца 1950-х – начала 1960-х гг. дом получил еще одну двухэтажную кирпичную пристройку для второго нового входа со стороны заднего юго-восточного фасада, на линии улицы Карла Маркса. В результате здание приобрело Г-образную планировку вместо прямоугольной. Уничтожен подоконный карниз-поясок второго этажа, но сохранены надоконные сандрики. Фасады выкрасили в желтый цвет без выделения декора. В таком виде дом представлен на ряде фотографий 1970-х и 1980-х гг.

*Воронеж. Успенская церковь
и бывший прицерковный дом.
Фото предположительно 1930-х гг.
из личного архива В.Л. Елецких*

Последние ремонтные работы, которые были осуществлены в 1990-е гг. в связи с выселением жильцов и приспособлением дома под офис фирмы «Полет», привели к значительному искажению главного фасада. Были уменьшены размеры оконных проемов второго этажа, уничтожены надоконные сандрики второго этажа, фасады оштукатурены «под шубу», добавлены примитивные наличники на обоих этажах.

В 1994 г. при участии автора данной статьи дом принят под государственную охрану как памятник архитектуры, образец применения «образцового» проекта. С 2015 г. памятник входит в утвержденную зону охраны Успенской церкви. Отныне, после проведенного исследования, можно говорить, что это образец типовой жилой застройки, представляющий повышенный научный интерес. Памятник российского градостроительства первой половины XIX в., фрагмент прежней комплексной застройки городов в единой стилистике классицизма. Один из наиболее примечательных образцов применения в России «образцовых» фасадов начала XIX в. с упрощенным классицистическим декором. А главное, в России пока не зафиксировано других сохранившихся образцов, настолько точно копировавших проект В.П. Стасова № 23 из третьего альбома.

С 2017 г. дом принадлежит новому частному владельцу, в замыслах которого есть и возможное создание музейного помещения. В том же году демонтирована пристройка, уродовавшая задний фасад. Планируется, что ООО «Ника Арт» разработает проект реставрации дома при помощи выявленных нами ар-

Фрагмент снимка 1930-х гг. Бывший прицерковный дом

живных и библиографических материалов, что восстановит выразительность главного фасада и повысит художественную ценность объекта. Специалисты ООО «Ника Арт» во время предварительных исследований обнаружили, что над стеной главного фасада, под крышей есть следы уничтоженного аттика. Эта неотъемлемая часть композиции В.П. Стасова не успела попасть на старые фотографии, но отныне она зафиксирована в реальности. Конечно, без аттика композиция выглядит незавершенной, и в случае его реставрации объект будет иметь более презентабельный вид.

Остается только надеяться на благополучный исход восстановления «Дома Успенской церкви». Желательно, чтобы в будущем реставрация коснулась и «Здания Воронежской ремесленной управы» на улице Сакко и Ванцетти – второго воронежского объекта, в котором прослеживаются следы творчества В.П. Стасова.

¹ Пилявский В.И. Выдающийся русский зодчий Василий Петрович Стасов: стенограмма публичной лекции. Л., 1951; Пилявский В.И. Стасов. Архитектор. Л., 1963; Тыжненко Т.Е. Василий Стасов (Серия: Зодчие нашего города). – Л., 1990.

² См.: Пилявский В.И. Выдающийся русский зодчий... С. 13; Белецкая Е.А. и др. «Образцовые» проекты в жилой застройке русских городов XVIII-XIX вв. М., 1961. С. 124-129; Пилявский В.И. Стасов... С. 25-31; Ожегов С.С. Типовое и повторное строительство в России в XVIII-XIX веках. М., 1984. С. 81-98.

³ Пилявский В.И. Стасов. Архитектор... С. 29.

⁴ Ожегов С.С. Типовое и повторное строительство... С. 92.

⁵ Собрание фасадов, Его Императорским Величеством высочайше апробованных для частных строений в городах Российской империи. СПб., 1812. Ч 3. Л. 21, 23.

⁶ Пилявский В.И. Стасов. Архитектор... С. 94.

⁷ Церковная 24, 28 / Магазиная 7. Усадьба Беломойна // Социальная сеть города Пушкин: сайт. – URL: <http://tsarselo.ru/ycyclopedia-carskogo-sela/adresa/cerkovnaja-24--28--magazeinaja-7--usadba-belomoina.html#Wt76RZrVGUK.Wt76RZrVGUK>.

- ⁸ Ожегов С.С. Типовое и повторное строительство... С. 98.
- ⁹ Там же. С. 94, 95.
- ¹⁰ ГАВО. Ф. И-167. Оп. 1. Д. 4552, 8779, 9314.
- ¹¹ РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 892.
- ¹² РГВИА. Ф. ВУА. Д. 21836, 21839.
- ¹³ РГИА. Ф. 1293. Оп. 166. Воронеж. губ. Д. 4.
- ¹⁴ ГАВО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 904. Л. 42 об., 76.
- ¹⁵ РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 263. Л. 103-104 об.
- ¹⁶ Акиншин А.Н. Материалы к биографическому словарю воронежских архитекторов (конец XVII – начало XX вв.) // Из истории воронежского края: сб. ст. Воронеж, 2002. С. 81-82.
- ¹⁷ Поликарпов Н. Постройка зданий корпуса // Юбилейный сборник Михайловского Воронежского кадетского корпуса. 1845–1895. Воронеж, 1898. С. 123.
- ¹⁸ Самбикин Д.И. Указатель храмовых празднеств в Воронежской епархии. Воронеж, 1886. Вып. 4. С. 265.
- ¹⁹ Лукин Ф. Успенская церковь (бывший Успенский монастырь) // Воронежская старина. Воронеж, 1904. Вып. 5. Прил. С. 69.
- ²⁰ Акиншин А.Н. Храмы Воронежа. Изд. 2-е. Воронеж, 2003. С. 30.
- ²¹ См.: Архив ООО «НИКА АРТ» (г. Воронеж). Историко-архивные и библиографические исследования объекта культурного наследия регионального значения «Дом Успенской церкви», автор П.А. Попов. Здесь также имеется полный отчет о натурных исследованиях.
- ²² Список усадеб города Воронежа // Адресная и справочная книга «Весь Воронеж» и календарь на 1910 г. / Изд. Е.В. Хелемского. Воронеж, 1909. С. 81.
- ²³ ГАВО. Ф. Р-41. Оп. 1. Д. 431. Л. 21; Ф. Р-51. Оп. 1. Д. 221. Л. 7, 37.

Народное образование в Воронежской губернии в канун Февральской революции 1917 г.

Ю.В. Пыльнев,
к. и. н., директор Музея истории
развития образования
Воронежской области,
заслуженный работник
культуры РФ

В российской истории начало XX в. характеризуется небывалой силой и быстротой развития народного образования. Резко возросшие потребности страны в этом развитии, энергичная общественная деятельность в области просвещения стали основными факторами очевидного прогресса. С 1904 г. по 1914 г. государственные расходы на народное образование выросли почти в

4 раза – с 42 до 161 млн рублей в год. За это время были открыты несколько тысяч начальных народных школ, преимущественно земских и министерских, расширилась сеть средних учебных заведений различного типа. Особенно активно росли частные и общественные средние школы¹.

Министерство народного просвещения предприняло ряд попыток перестроить гимназическое образование, приспособить его к практическим потребностям страны, ограничить классицизм и сословность. В 1911 г. дети из дворянского и чиновничьего сословий составили 34,7% от общего числа учащихся гимназий, дети мещан, ремесленников и крестьян – ок. 45%².

Использование государственного кредита, местных ресурсов позволило многим земствам и городам приступить к формированию сети начальных училищ, способной обеспечить всеобщее обучение детей младшего школьного возраста. В ряде местностей, в т.ч. Воронежской губернии, были созданы предпосылки для введения не только всеобщего, но и обязательного обучения. Однако деятельность земств и городов, как и вся общественно-просветительная работа в стране, встречала серьезные препятствия со стороны правоконсервативных элементов, оказывавших существенное влияние на правительственную политику в области образования.

Так, в Воронежской губернии вопрос о введении всеобщего начального обучения встал еще в 1898 г. Губернская земская управа разработала проект сети начальных школ, рассчитанной на всеобщее обучение, и отправила его на заключение уездных земских собраний³.

Школьный возраст определялся 8-11 годами. Право открытия школ принадлежало населенным пунктам, имеющим около 50 детей этого возраста.

Проект всеобщего начального обучения был принят. Но министерство народного просвещения внесло в него заведомо невыполнимые коррективы. Так, оно уменьшило количество планируемого набора учеников только по Богучарскому уезду на 4 тысячи. Это значило, что министерство отказывало в финансировании указанного числа детей. Значительные уменьшения были сделаны и по другим уездам. После таких министерских поправок школьная сеть уже не могла обеспечить всеобщее обучение⁴.

Попытки введения всеобщего обучения сталкивались с проблемами и на местах. Многие дети получали отказы о приеме в школу в связи с нехваткой помещений. В 1917 г. только в Валуйском уезде 17 школ отказали в приеме 513 детям. В 1916 г. 1400 одноклассных земских школ Воронежской губернии (по которым имелись сведения) ответили отказом 18 872 детям, в том числе 12 194 за неимением мест. Кроме того, в течение года из начальных школ выбыли до окончания курса 45 067 учащихся⁵.

Несмотря на самоотверженные усилия губернского и уездных земств, всеобщее начальное обучение в Воронежской губернии не было осуществлено. Число школ не достигло намеченного планом развития школьной сети. Например, для Богучарского уезда сетью предусматривалось иметь 716 школьных комплектов, к ноябрю 1917 г. имелось только 504 комплекта, или 70,4 процента. Кроме того, отмечало земское собрание того же уезда, «не надо забывать, что

школьная сеть далеко не удовлетворяет наличности детей школьного возраста». Примерно такое положение наблюдалось и в других уездах губернии⁶.

Как уже было отмечено, консервативные силы в министерстве народного просвещения и обществе не способствовали широкому развитию народного образования. Но активная позиция земской интеллигенции в школьном вопросе, доходившая нередко до открытой конфронтации с правительством, была обусловлена не только богатыми просветительскими традициями земств, но и пробудившимся интересом к полноценному образованию среди крестьянства. Многие крестьянские общества требовали от земств и губернских властей открытия не только начальных училищ обычного типа, но и повышенного, и даже средних учебных заведений. Большую активность проявляло пусть и небольшое городское рабочее население Воронежской губернии. От местного самоуправления требовали строительства новых школ, расширения курса общеобразовательной подготовки, открытия профессиональных учебных заведений. К сожалению, эти процессы пришлось на тяжелые годы российской истории. Мировая война, разруха, революционные потрясения не позволили государству, и в первую очередь земству, завершить массовый переход к реализации проектов всеобщего обучения, которые предусматривали, в частности, строительство большого числа новых школьных помещений, оснащение их необходимым оборудованием, учебными и наглядными пособиями.

На 1 января 1917 г. в Воронежской губернии насчитывалось 2564 начальные школы, где обучались 229 214 чел., и 50 средних и среднеспециальных школ разных ведомств с 15 044 учащимися⁷.

Количество детей школьного возраста Воронежской губернии в 1917 г. приводится по сведениям, составленным по 8 уездам из имевшихся 12.

УЕЗДЫ	Количество детей от 8 до 13 лет	Количество учащихся в 1917 г.	Процент учащихся
Бирюченский	33 776	15 198	44,9
Бобровский	54 071	17 690	32,7
Богучарский	59 013	14 974	25,3
Валуйский	30 069	13 674	45,3
Коротоякский	26 949	6698	24,8
Новохоперский	33 161	11 277	33,8
Острогожский	52 580	17 514	32,5
Павловский	30 023	11 158	37,0
Итого	319 642	108 156	33,8

Таким образом, в школах Воронежской губернии обучалась приблизительно одна треть детей в возрасте от 8 до 13 лет. В статистику не входят многочисленные деревенские домашние школы, где детей учили крестьяне и крестьянки, солдаты, монахини, дворовые и мещане, сельские писари, священники и их дети. Поэтому число учащихся детей в Воронежской губернии было выше, чем утверждалось официальной статистикой.

Если кратко подвести итоги развития образования в целом по стране, то к 1917 г. Россия имела 124 высших учебных заведения, из них 65 государственных и 59 неправительственных. Число школ достигло 122 тыс., в которых обучались более 8 млн чел. Всеобщее начальное образование введено не было, но государственные ссуды земствам на образование выросли в 12 раз, при этом сами земства до 1/3 своих средств также расходовали на школу⁸. Например, Воронежское губернское земство из года в год увеличивало ассигнования на народное образование⁹.

Годы	В абсолютных цифрах	В % к общей смете
1895	26 450 руб.	5.5
1900	54 470	6.4
1902	131 380	12.0
1905	166 344	6.9
1907	197 714	16.4
1910	189 472	13.1
1912	218 956	12.9
1915	263 962	10.8
1917	425 462	11.1

Но, несмотря на положительную динамику, финансирование было недостаточным. «В начале XX века правительство делало максимум возможного для развития начальной и средней школы, но уже очень мал был этот максимум для такой огромной и многонаселенной страны, как Российская империя»¹⁰.

¹ Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Конец XIX – начало XX в. – М., 1991. С. 84.

² Российская педагогическая энциклопедия. Т. 1. – М., 1993. С. 213.

³ ГАВО. Ф. И-20. Оп. 58. Д. 149. Л. 282 об.

⁴ Гайворонский А.И. Воронежская губернская организация РКП(б) в борьбе за коренную перестройку общеобразовательной школы в губернии (1917-1920). дис... канд. ист. наук /А.И. Гайворонский; Воронеж. гос. универ. – Воронеж, 1967. С. 28.

⁵ Там же. С. 29

⁶ Там же. С. 29

⁷ Народное образование Воронежской губернии. Стат. обзор за 1916 год. – Воронеж, 1917. С. 1, 2.

⁸ Киселев А.Ф. Предисловие. // Очерки истории российского образования. К 200-летию Министерства образования Российской Федерации. Т. 2. – М. 2002. С. 6.

⁹ ГАВО. Ф. И-20. Оп. 58. Д. 149. Л. 310 об.

¹⁰ Киселев А.Ф. Указ. соч. С. 6.

«Мятеж анархистов» в Воронеже в 1918 г.: исследовательские версии и исторические факты

М.Е. Разиньков

*к. и. н., доцент кафедры философии
и социально-гуманитарных наук
Воронежского государственного
лесотехнического университета
имени Г.Ф. Морозова*

Весной 1918 г. в Воронеже произошло восстание вооруженных частей. Событие это неоднократно освещалось в воспоминаниях и исследованиях, однако различаются датировки (март или апрель) и идеологическое содержание восстания (анархисты или левые эсеры).

Версии историков и их интерпретация. В советской историографии наиболее развернутая позиция по данному вопросу дана в работе И.Г. Воронкова, согласно которому, ведущую роль в мятеже сыграли левые эсеры, вступившие в сговор с «левыми коммунистами». И.Г. Воронков видел в этом эпизодическом событии часть всероссийского процесса. «Как установлено судебным процессом антисоветского “право-троцкистского блока” в 1938 году, – писал он, – Бухарин и возглавляемая им группа “левых коммунистов” совместно с Троцким и “левыми” эсерами составили тайный заговор против Советского правительства. Они замыслили сорвать Брестский мир, арестовать В.И. Ленина, И.В. Сталина, Я.М. Свердлова, убить их и сформировать новое правительство из бухаринцев, троцкистов и “левых” эсеров»¹. Проявлением этого заговора и было восстание в Воронеже, когда левые эсеры, «использовав... прибывший с фронта анархически настроенный отряд войск под командой “левого” эсера Петрова... 11 апреля заняли телефонную станцию, вокзалы и некоторые городские советские учреждения. Мятежникам удалось разоружить часть красногвардейцев, членов боевых дружин и несколько коммунистов. К отряду Петрова примкнула и группа воронежских анархистов»². Однако мобилизовавшиеся рабочие отряды 12 апреля дали отпор мятежникам, причем «в разгроме антисоветского мятежа “левых” эсеров и анархистов большую помощь оказала красноармейская часть (бывший Кексгольмский полк), проезжавшая в это время эшелонами через Воронеж»³.

Несмотря на ссылки на мифический заговор несуществовавших групп «бухаринцев» и «троцкистов» с левыми эсерами, работа И.Г. Воронкова содержит ряд важных фактов и наблюдений. Во-первых, мятеж четко увязывается с воронежскими левыми эсерами и вооруженными частями 1-й Южной революционной армии левого эсера Г.К. Петрова (впоследствии одного из знаменитых «бакинских комиссаров»). Во-вторых, называются точные даты восстания – 11-12 апреля.

В-третьих, приводятся факты участия в мятеже некоей воронежской «группы анархистов», а в подавлении восстания – Кексгольмского полка. В-четвертых, И.Г. Воронков обратил внимание на то, что восстание произошло сразу после III губернского съезда Советов (6-10 апреля), на котором бурно обсуждался Брест-Литовский мир, как известный, осужденный левыми эсерами.

Иную картину событий дают написанные на 15 лет позже «Очерки по истории Воронежского края» (параграф о событиях 1917-1918 гг. писал Е.Г. Шуляковский). Здесь приводится иная датировка восстания – март, причем нет ни слова упоминания о левых эсерах и армии Г.К. Петрова. По версии Е.Г. Шуляковского, мятеж организовали и возглавили анархисты, «опираясь на свой отряд, вооруженный броневидами и на неустойчивые элементы Острогжского полка»⁴. Точка зрения Е.Г. Шуляковского представляется наиболее уязвимой для критики. Очевидно, что она восходит к воспоминаниям руководителя воронежской рабочей дружины М.А. Чернышева, опубликованным в 1957 г.⁵ и подвергшимся значительному редактированию, поскольку существуют его же воспоминания 1934 г., в которых он рассматривает эти события несколько иначе и более подробно и где роль левых эсеров показана куда как более выпукло, тем более что сам М.А. Чернышев тоже был левым эсером⁶.

Показательно, что сборник «За власть Советов!», в котором были опубликованы воспоминания М.А. Чернышева, редактировалась И.Г. Воронковым, который считал возможным вставить именно «анархическую» и «мартовскую» версию событий, вероятно, намекая на связь восстания со столкновениями большевиков и анархистов, происходившими в Москве и Петрограде как раз в апреле 1918 г.⁷ На мой взгляд, это является еще одним примером влияния советской идеологии на историческую науку, поскольку можно предположить, что И.Г. Воронков редактировал мемуары М.А. Чернышева. И.Г. Воронков явно избегал «сталинской» версии троцкистско-бухаринского заговора, но теперь сомнительной темой стали левые эсеры, сыгравшие в перевороте 30 октября 1917 г. в Воронеже, наряду с большевиками, ведущую роль. Версия «анархистского мятежа» выглядела более привлекательной, поскольку позволяла обойти скользкую тему о роли «левоэсеровских предателей» в октябрьском перевороте.

Наконец, современная версия событий представлена в диссертации Н.А. Зайца, защищенной в 2017 г. Привлекая материалы «Хроники» А.А. Комарова и П.П. Крошицкого 1930 г.⁸, а также упомянутые воспоминания М.А. Чернышева 1934 г., автор реконструирует картину событий, явно отличающуюся от предыдущих версий. Согласно Н.А. Зайцу, в Воронеже действительно присутствовали анархо-коммунисты, представлявшие собой разлагающиеся части, эвакуировавшиеся с Украины. «Еще 24 марта, – пишет Н.А. Заяц, – группой анархо-коммунистов на броневике, с гранатами и оружием была занята гостиница купца Самофалова, где они угрозами получили от него 25.000 руб. Начались незаконные обыски, грабежи. 26 марта анархисты были разогнаны рабочей дружиной, часть арестована. Но уже 11 апреля анархисты, воспользовавшись приехавшей с фронта «армией» Г. К. Петрова, захватили телеграф, окружили гимназии, расставили караулы, стали отнимать оружие у милиции, боевой дружины и чле-

нов исполкома, занялись грабежами. Требованием их было смещение исполкома и передача власти ревкому из большевиков, анархистов и левых эсеров. Последние явно поддерживали мятежников, вступив с ними в активные переговоры, а левый эсер Григорьев даже вошел в “федерацию анархистов”. На стороне анархистов было около 2500 чел. с бронедивизионом, тогда как силы большевиков не превышали 500 человек, так как основная часть гарнизона примкнула к мятежу. 12 апреля удалось достичь формального соглашения, учредив подчиненный военному отделу “оперативный штаб войск” из 8 лиц. В ночь на 13 апреля штаб, состоявший из большевиков и лояльных им левых эсеров, собрал около 600 чел., в основном рабочих, и с кровопролитием разоружил анархистов»⁹.

В данной версии присутствуют следующие важные компоненты. Во-первых, указано на присутствие в городе украинских анархо-коммунистов, связанных с беспорядками в городе уже в марте 1918 г., и то, что прибывшие части Г.К. Петрова вошли с ними в соглашение, что спровоцировало дальнейшее развитие беспорядков. Между прочим, Н.А. Заяц указал на то, что украинские красноармейские части, отступавшие через Воронежскую губернию, вели себя безобразно, что хорошо отражено в документах, но тщательно замалчивалось советскими историками. Во-вторых, автор называет даты восстания 11-13 апреля, приводит численность противостоящих сторон. В-третьих, не только возникает вновь тема левых эсеров, но и появляется любопытная подробность о том, что восставшие были не против смешанного ревкома из большевиков, левых эсеров и анархистов, а также то, что, по крайней мере, часть левых эсеров поддержала меры против восставших. Н.А. Заяц показывает картину армейского мятежа с политическими целями, причем с участием как левых эсеров, так и анархо-коммунистов. Несомненным минусом данной версии является то, что автор не связал, в отличие от И.Г. Воронкова, события в Воронеже с III губернским съездом Советов.

Можно ли называть мятеж «выступлением анархистов»? Рассматривая данные события, необходимо сначала обратить внимание на возможность собственно анархического мятежа в Воронеже. Дело в том, что город никогда не был центром анарходвижения, хотя анархисты периодически проявляли себя как в революции 1905-1907 гг.¹⁰, так и в 1917-1918 гг. 25 мая 1917 г. губернский комиссар В.Н. Томановский сообщал в губернский исполнительный комитет: «препровождая на разрешение губернского комитета телеграфный запрос Коротоякского уездного комиссара от 25 мая о том, надлежат ли арестованию Харьковские анархисты, расклеивающие в Коротояке объявления с призывом к свержению власти и захвату капиталов»¹¹. Есть свидетельства о наличии делегата-анархиста от железнодорожников в воронежский Совет в дооктябрьский период 1917 г.¹² Два анархо-коммуниста присутствовали на губернском крестьянском съезде 15 – 18 февраля 1918 г., пять – на III губернском съезде Советов 6-10 апреля 1918 г.¹³. В Калаче, на выборах 25 августа 1918 г. в губернский съезд Советов, был избран анархист¹⁴. Интересно, что после описанного Н.А. Зайцем захвата анархистами гостиницы «Центральная» («гостиница Самофалова») и вымогательства с самого купца, в губисполком Совета обратилась группа воронежских анархистов со следующим заявлением: «Группа анархистов-коммунистов рабочих завода “Трудовое равенство” обратилась с

просьбой в ГИК не смешивать их с лжекоммунистами, находящимися в самофаловской гостинице, которые ничего общего с идейным анархизмом не имеют»¹⁵.

Таким образом, говорить о разветвленных и влиятельных организациях анархистов в Воронеже и по губернии не приходится. Однако к весне 1918 г. ситуация могла существенно измениться ввиду отступавших по губернии отрядов с Украины, где, как известно, анархисты имели значительное влияние. По некоторым данным, в апреле 1918 г. в Воронеже работали Советы, эвакуировавшиеся из Одессы, Харькова, Кременчуга и Сум, что могло повысить влияние анархистов в городе¹⁶. Обратим внимание на состав 1-й Южной армии левого эсера Г.К. Петрова, с которыми связывают мятеж в Воронеже (справка давалась в 1930-х гг. Центральным архивом Красной Армии по запросу из Калача): «в составе означенной армии в период декабрь 1917 г. – апрель 1918 г. находились...: 1 Бердянская конная сотня, 1 Революц. Черноморск. блиндированный поезд, 1 Криворож. револ. отряд, 2-1 Криворожск. отряд, 1 револ. конный боевой отряд, 1 Гребенск. отряд Шешунова, Балтийский отряд, Орда-Васильевский партизанский отряд, 2-й Криворожский отряд, Черноморский отряд Мокроусова, 1-й Харьковский артидивизион, Александровский отряд, Чернопольский отряд, боевой отряд Воскресенского, 2-й Полупановский отряд, Симферопольский партизанский отряд, 1 Крестьянский революционный отряд Карпова, Донецкий отряд Грибовича, сводный отряд, 1-й отряд г. Александровска Немцова, 1 Никопольский отряд, 2-й Петроградский конный революционный отряд, Криворожская дружина, 1 Московский отряд, 1 Тверской отряд, 1 Червонный украинский отряд, Миллеровский отряд, Крутиково-Линовский отряд, Пролетарский Люботинский отряд, Ново-Оскольский отряд, Воронежский отряд, Рязанский отряд, Ясиновский отряд, Харьковский отряд, Паровозостроительного завода, Литовский отряд Боровкова, Донецкий отряд Жлобы и Брянская батарея Пахомова и др. Указанной армией командовал Петров, армия как таковая оперировала на территориях Украины, Донбасса и Воронежской губернии против гайдамаков и немецких оккупантов»¹⁷. Сложно сказать, какие именно части находились в Воронеже, однако среди них можно выделить отряды моряков, среди которых анархисты были не редкостью.

Мартовские события в Воронеже, связанные с захватом гостиницы, подтверждают предположение, что речь может идти не об анархистах, а об «анархистующих». В этом смысле верным представляется высказывание М.А. Чернышева о том, что «пришлось разоружать части Петрова, которые объявили себя анархистами». Однако присутствие в частях анархистских настроений подтверждается тем, что все участники событий при описании используют термины «мятеж анархистов», «банда анархистов», «анархисты», «анархисты Петрова» (хотя встречается и идеологически нейтральные: «мятеж Петрова», «отряд Петрова»). Следует учесть, что авторы привлекаемых воспоминаний писали их в 1930-е гг. не для публикации, а для подтверждения участия в отрядах Красной гвардии (для регистрации в соответствующей комиссии), и их воспоминания не подвергались идеологической обработке¹⁸.

Анархистские настроения проявлял и руководитель отрядов на западных окраинах губернии матрос М.М. Сахаров, также прибывший с Украины. Нахо-

дьясь осенью 1918 г. в Россоши, М.М. Сахаров решил поменять политическую ориентацию, превратившись из левого эсера в анархиста: «В конце октября однажды утром над штабом полка Сахарова в первый раз развивалось черное знамя. Знамен было 3-е. На одном было написано “Да здравствует Кропоткин”, на 2-м “Мир хижинам – война дворцам”, на 3-м “Вечная память борцам за свободу”»¹⁹. История с М.М. Сахаровым показывает, насколько тонка была грань между идентичностями «левый эсер» и «анархист». Представляется, что именно так и можно описать политические настроения в Воронеже в марте – апреле 1918 г.

Состав восставших и вероятные причины восстания. Не случайной представляется хронологическая связь с событиями в соседнем Курске. Дело в том, что, по некоторым сведениям, часть анархистов прибыла именно из Курска. С.А. Спицын вспоминал: «Отряд анархистов двигался с Курска на Москву через Воронеж»²⁰, а М.А. Чернышев утверждал, что штаб анархистов первоначально находился на Курском вокзале²¹. Здесь, однако, встает вопрос о составе восставших частей. Дело в том, что практически нигде в документах невозможно найти хоть какие-нибудь названия мятежных отрядов, кроме общего названия «Южная армия» и «армия Петрова». Представляется, что части, ставшие ядром мятежа, прибыли в Воронеж примерно за две недели до восстания. М.А. Чернышев оценивал их как «отряд примерно из 1200 сабель, из колонны 8 автоброневиков, нескольких автомобилей»²². Хронологически это совпадает с фактом беспорядков 24 марта 1918 г. в гостинице Д.Г. Самофалова. С другой стороны, тот же М.А. Чернышев утверждал, что «пешие части анархистов помещались в Мариинской гимназии, бронечасты – на Курском вокзале, а кавалерия стояла в семинарии»²³.

Среди лидеров приезжих анархистов М.А. Чернышев называет неких Харьковского и Колесова, однако выяснить их личности и судьбу не представляется возможным²⁴. Еще одной составляющей мятежа стали воронежские части. Из известных отрядов, участвовавших в волнениях, был кавалерийский отряд И.Н. Домнича, прибывший из Острогожска. Этот известный в дальнейшем кавалерийский командир примыкал к левым эсерам. Однако, подобно М.М. Сахарову, взгляды его были весьма неопределенными. Например, командир Острогожского социалистического полка Б.Н. Федоров, знавший И.Н. Домнича только в первой половине 1918 г., поскольку затем отбыл на Восточный фронт, писал о его отряде как об «отряде анархиста Домнича»²⁵. Вполне вероятно, что именно за это выступление И.Н. Домнич находился под судом ревтрибунала и был освобожден только благодаря стараниям И.Я. Врачева. Помимо частей из Острогожска, «Хроника» А.А. Комарова упоминает части из Валук²⁶. Вероятнее всего, мятежникам сочувствовало большинство войск гарнизона, т.к. в подавлении восстания они не приняли участие. Таким образом, это был мятеж частей российско-украинского фронта, но не местной анархистской организации. Интересно, что бывший в 1917 г. анархистом техник А.А. Ромащенко помогал при освобождении арестованного мятежниками начальника губпродкома В.Н. Люблина²⁷.

Начало беспорядков сразу после III губернского съезда Советов, закончившегося 10 апреля, также не случайно. М.А. Чернышев вспоминал, как к нему за несколько недель до восстания стали обращаться лица из пришедшего в Воронеж

отряда с целью участия в перевороте. М.А. Чернышев пользовался у них авторитетом как человек, имевший связь со штабом Южной революционной армии и принимавший участие в формировании ее отрядов. По версии М.А. Чернышева, он неоднократно докладывал об этом лидерам воронежских большевиков Н.Н. Рабичеву, В.Н. Губанову, а также начальнику штаба Лебедеву и работнику губисполкома О.П. Хинценбергу, однако те не придавали его словам значения: «Со мной неоднократно об этом заговоре говорили представители анархистов. Приходят делегации, меня предупреждают о заговоре, а мне указанные товарищи не верят. Уж очень было хитро все обставлено. Так продолжалось недели две»²⁸. Следует предположить, что одобрение Брест-Литовского мира III съездом Советов спровоцировало выступление, речь о котором заходила уже давно.

Любопытную версию о происходившем приводил рядовой участник событий С.А. Спицын: «Настоящим заявляю, что я участвовал в бою 1917-м году (правильно в 1918 г. – М.Р.), находясь в ЮВЖД отряде, командиром которого был т. Шустов, против анархистов Петрова. Отряд анархистов двигался с Курска на Москву через Воронеж. По сообщению на станции Воронеж I, что едут анархисты, наш отряд стал их задерживать, но они стали грозить нам, что если не пропустим, то откроем бой. Мы решили не пропускать их, разобрали ж.д. линии за мостом и задержали состав и направили их на станцию, на станции обезоружили, а некоторые сбежали в бывшую духовную семинарию, ныне дворец труда»²⁹. Иначе говоря, попытка разоружения части отряда подлила масла в огонь. С другой стороны, рассказы простых участников тех событий достаточно примитивны. Наверняка они не знали всех подробностей происходящего и описывали только часть происходившего, стараясь это как-то объяснить, так что воспоминания С.А. Спицына рассказывают о событиях подавления мятежа, когда часть мятежников попыталась уехать из города. Факт перемещения анархистов с Курского вокзала (МКВЖД) на вокзал Воронеж-I (ЮВЖД) и разбор путей для их остановки подтверждает М.А. Чернышев, вписывая это в общую картину подавления мятежа³⁰.

Роль левых эсеров. Левые эсеры обладали в Воронеже существенным влиянием. Однако это было влияние «ведомых», поскольку во всех органах Советской власти преобладали большевики. Если судить по поведению левых эсеров в ходе III губернского съезда Советов и по воспоминаниям М.А. Чернышева, такое положение их не устраивало. Выступая на съезде по поводу Брест-Литовского мира, член губкома ПЛСР А.М. Абрамов, пытаясь опровергнуть большевистского оратора И.Я. Врачева, восклицал: «Продовольственная разруха дошла до крайнего предела. Мир, заключенный с Германией, грозит свести на нет все завоевания революции. Неужели мы допустим, чтобы наши земля и воля уплыли к берегам Германии. Нет, мы этого насильно навязанного нам мира не признаем, 12-й час революции еще не пробил, и мы этот час должны встретить с оружием в руках. Европейская революция закончит европейскую войну. В этот трудный час последнюю надежду возлагаем мы на вас – крестьяне»³¹. Однако резолюция левых эсеров не прошла, и съезд поддержал подписание мира.

Воспоминания левого эсера М.А. Чернышева содержат множество свидетельств того, что значительная часть членов воронежской организации ПЛСР поддержала восставших. Среди них: председатель комитета ПЛСР А.М. Абрамов, лично приводивший М.А. Чернышева в штаб анархистов и склонявший к восстанию; член комитета и вероятный руководитель боевиков с завода взрывателей М.Ф. Цыпляева, присутствовавшая на этом совещании³²; член комитета ПЛСР Н.И. Григорьев, вошедший в созданный восставшими частями орган – «федерацию анархистов» и предупредивший их о готовящемся подавлении мятежа «с целью либерального предупреждения»³³.

Однако тот же М.А. Чернышев указывает, что часть левых эсеров пыталась договориться с большевиками, а другая часть выступила резко против восстания. На примирение, видимо, был ориентирован Н.И. Григорьев. Кроме того, есть свидетельство о том, что один из мятежников, левый эсер, пытался организовать переговоры. Когда начались вооруженные столкновения на вокзале, «в ревком станции пришел Пантюхов – матрос из отряда [Р.Ф.] Сиверса, левый эсер. Пантюхов говорит: “почему стреляете друг друга, можно договориться” и за это взялся. Приводит он из эшелона четырех – пять человек, совершенно пьяных, вооруженных с ног до головы... Подходит Пляпис и говорит: “В чем дело?” – “Пойдите в эту комнату в соседнее помещение”... Пляпис порекомендовал сесть на диван этой группе. Когда они сели, Пляпис вытаскивает револьвер и предлагает сдать оружие. Если, говорит, Вы сдадите оружие, то тогда только будем с вами разговаривать». В ответ один из матросов бросил бомбу, которая чудом не разорвалась, а И.С. Пляпис и дружинники М.А. Чернышева пристрелили всех матросов, кроме Пантюхова. Особенность ситуации состоит в том, что спровоцировавший стрельбу И.С. Пляпис сам был членом комитета ПЛСР. Кроме того, видные воронежские левые эсеры – С.И. Данилькевич, И.С. Пляпис, И. Токмаков, И.Е. Крючков, М.А. Чернышев – приняли активное участие в подавлении мятежа³⁴.

Таким образом, в комитете ПЛСР произошел явный раскол, и говорить о едином мнении невозможно. Тем не менее, по версии М.А. Чернышева, руководящая часть комитета ПЛСР была на стороне восставших. Очевидно также, что ПЛСР обеспечивала поддержку восставших в советских государственных органах. Левые эсеры активно участвовали в переговорах, в результате которых большевики пошли на уступки и согласились на создание компромиссного органа из руководителей восставших частей (т.н. «федерация анархистов»), 3 большевика и 2 левых эсера³⁵.

В дальнейшем комитет ПЛСР осудил участие однопартийцев в подавлении мятежа. М.А. Чернышев вспоминал: «После разгрома анархистов комитет левых эсеров постановил судить меня – Чернышева, Данилькевича, Токмакова, [М.И.] Иенне (помощник М.А. Чернышева. – М.Р.) и Пляписа, как левых эсеров, действовавших против партии левых эсеров. Токмаков и Данилькевич явились на этот суд и там отделались выговором, я же и Пляпис не явились»³⁶. Скорее всего, подобное своеволие привело к разрыву указанных деятелей с ПЛСР. И.С. Пляпис после этого редко появляется в политических хрониках, а М.А. Чернышев заявлял, что после мятежа твердо отошел от левых эсеров.

Мятежники и «левые» большевики. В тезисе о необходимости революционной войны с германским империализмом ПЛСР идеологически смыкалась с анархистскими организациями, украинскими левыми и в общем-то с левыми коммунистами. В Воронеже присутствовали все эти составляющие, как эвакуировавшиеся с Украины, так и местные, воронежские. Однако проводить прямую связь между наиболее радикально настроенными большевиками Воронежа и левыми эсерами, а также анархистами, как это делал И.Г. Воронков (версия заговора), представляется неправильным.

Лидеры большевистских радикалов в Воронеже – Н.Н. Рабичев, И.Я. Врачев и А.С. Моисеев – действовали в этой ситуации по разным траекториям, но в общем осудили мятеж. И.Я. Врачев, как уже было сказано, выступал за подписание Брестского мира; А.С. Моисеева не было в Воронеже, поскольку, вероятнее всего, он занимался военными вопросами (20 декабря 1917 г. он был назначен начальником штаба той самой 1-й Южной армии Г.К. Петрова), но есть сведения о конфликте А.С. Моисеева с Г.К. Петровым по поводу апрельского мятежа³⁷. Вполне возможно, примирительно к восставшим был настроен «воронежский Бухарин» Н.Н. Рабичев. Он не только пропускал мимо ушей предупреждения М.А. Чернышева о готовящемся мятеже, но и являлся участником совещания с анархистами, после которого Исполнительный комитет воронежского Совета распускался и создавалась «федерация анархистов». Кто из большевиков вошел в этот орган – неизвестно. Очень вероятно, что Н.Н. Рабичев был среди них, но сам факт присутствия большевиков в «федерации» показателен³⁸.

Также показательно, что инициаторами быстрого разрыва с «анархистами» стали прибывшие в Воронеж из Москвы лидеры большевиков Н.Н. Кардашев и И.А. Чуев, которые как раз отличались относительно умеренными взглядами. В свое время И.А. Чуев критически высказывался об октябрьском перевороте, однако предпочел, в отличие от другого воронежского лидера большевиков С.Д. Турчанинова, остаться в партии³⁹. Председатель губкома Н.Н. Кардашев, хотя и поддержал октябрьские события, но тогда был склонен действовать более осторожно. По словам М.А. Чернышева, по прибытии из Москвы Н.Н. Кардашев, И.А. Чуев и Н.П. Павлуновский обратились к нему со словами: «Что же ты допустил, чтобы анархисты в городе черт знает что натворили» и потребовали собирать силы для ликвидации мятежа. Таким образом, можно предположить, что вернувшиеся «умеренные» партийно-государственные деятели положили конец сомнениям «левых коммунистов» и в дальнейшем Н.Н. Рабичев упоминается как активный участник подавления мятежа.

Ход восстания. Восстановление хода событий восстания представляет известные сложности. Понятно, что произошло оно не в марте, а в апреле. На этой датировке сходятся почти все мемуаристы. Однако точные даты у историков и мемуаристов варьируются от 11 до 14 апреля 1918 г. Очевидно, что мятеж продолжался несколько дней.

Как уже было сказано, силы конфликта стали накапливаться в Воронеже с конца марта 1918 г., когда в город прибыл крупный отряд, состоявший из кавалерии (1200 чел.), 8 броневиков и другой техники. Скорее всего, часть этого отряда

и заняла гостиницу Д.Г. Самофалова, располагавшуюся в центре города, рядом со всеми важнейшими учреждениями. Конфликт этот каким-то образом был урегулирован: анархисты арестованы и, по версии «Хроники» А.А. Комарова, осуждены ревтрибуналом.

11 апреля конфликт вспыхнул снова. Восставшие части, имевшие единое командование («оперативный штаб войск»), заняли телефонную станцию и гостиницу Д.Г. Самофалова. Центрами их также были Курский вокзал, где стояли броневики и, возможно, первоначально находился штаб, Мариинская гимназия, где стояли пешие части, а также здание духовной семинарии, где находилась кавалерия. Восставшие являлись в дом народных собраний (бывший дом губернатора), где располагался губисполком Совета и находился штаб рабочей дружины, и в гостиницу «Бристоль», где был военный отдел Совета. Все эти здания, за исключением Курского вокзала, территориально расположены буквально в двух шагах друг от друга в центре города (проспект Революции).

Как и предполагали восставшие, большая часть гарнизона, комитет ПЛСР оказались на их стороне. Однако им не удалось договориться с дружинниками. Силы были явно не равны. Несмотря на то, что дружина была неплохо вооружена, имела не только винтовки, но и пулеметы, вряд ли она могла противостоять значительно превосходявшим ее численно военным отрядам. Не надо также забывать, что костяк дружины состоял из левых эсеров и вряд ли настроения в ней по поводу восстания были монолитны.

Судя по всему, 11 апреля руководители восставших явились в военный отдел и потребовали создать согласительный орган – «федерацию анархистов». Примерно тогда же был арестован председатель губпродкома В.Н. Люблин, который отказался выдать восставшим фураж и продовольствие. Представители официальной власти Н.Н. Рабичев, Н.И. Григорьев, И.С. Пляпис, Лебедев, несмотря на изначально громкие речи о возможности подрыва семинарии, решили не напрягать обстановку и пойти на договоренность с мятежниками.

Однако 11 или 12 апреля в городе появились Н.Н. Карадашев, И.А. Чувев и Н.П. Павлуновский. Скорее всего, им было очевидно, что войска действуют самовольно. Был освобожден В.Н. Люблин, собраны силы: дружинники, в т.ч. с Придачи и Чижовки, артиллеристы с двумя орудиями, часть милиции, дружина молодежи и учащихся («Банковская боевая дружина») с броневиком, во главе с крупным в будущем военным деятелем Б.М. Иппо, а также Дьяковым и дружина железнодорожников Дубинина (упоминавшийся отряд железнодорожников Шустова, вероятнее всего, подчинялся Дубинину). М.А. Чернышев упоминал о наличии конного отряда, автомобилей и «пулеметного вооружения большого». Один из руководителей бобровских красновардейцев В.В. Тарасов-Сокольский также вспоминал о том, что принимал участие в подавлении восстания 12 апреля (штурм духовной семинарии), т.е., возможно, был отряд и из Боброва⁴⁰. На данный момент не удалось обнаружить сведения об участии в подавлении мятежа Кексгольмского полка, хотя присутствие полка фиксируется в губернии в 1918 г.

Интересно, что И.А. Чуев и руководство воронежских большевиков имели сомнения по поводу возможности подавления восстания при существовавшем соотношении сил. Напомним также, что восставшие были предупреждены левым эсером Н.И. Григорьевым. Однако, в конечном итоге, было постановлено действовать решительно.

12 или 13 апреля силы, подчинявшиеся губисполкому и губкому РКП(б), окружили Мариинскую гимназию и семинарию. Видя передвижение в центре города, часть восставших, находившаяся на Курском вокзале, переместилась на вокзал Воронеж-1. М.А. Чернышев приводит подробность о том, что эшелон с мятежниками был блокирован с двух сторон другими эшелонами, а также то, что к вокзалу подкатили имеющиеся орудия⁴¹. Важно отметить, что сидевшие в эшелоне совсем не собирались сдаваться и отстреливались. В дальнейшем именно здесь произошли упомянутые выше неудачные переговоры с гибелью парламентаров. М.А. Чернышев, описывая разоружение эшелона, отмечал: «Таким образом, бронечасть мы взяли, но все главные люди бежали»⁴².

Утром 13 или 14 апреля в здание семинарии и Мариинскую гимназию были отправлены парламентары. В семинарию пошли дружинники (более 20 человек) во главе с М.А. Чернышевым и С.И. Данилькевичем. С.И. Данилькевич предложил сдать оружие, при этом часть мятежников последовала этому совету, и была создана согласительная комиссия с участием дружинника С.В. Носова. Однако засевшие в семинарии военные сильно избили последнего, и организованное разоружение не состоялось.

Также провалилась миссия И.А. Чуева и В. Котова, посланная в Мариинскую гимназию. Солдаты просто выкинули переговорщиков из здания.

В ответ был отдан приказ стрелять из орудий по семинарии, после чего в здании началась паника. Количество жертв неизвестно (упоминается только часовой, убитый снарядами). С.А. Спицын вспоминал: «Когда же анархистов выбивали из семинарии, то они бросали[сь] в окна и бежали к Чернавскому мосту, и в Ботанический сад, и на Придачу...» (он относит эти события к 14 апреля)⁴³. Другой участник подавления мятежа, В.И. Берсов, отмечал, что были взяты в плен 400-500 человек⁴⁴. Тот же В.И. Берсов, боевик в отряде политотдела (выполнявшего, по сути, функции ЧК), вспоминал, как в здании гостиницы Д.Г. Самофалова были арестованы 10-15 человек участников «эсеровского» совещания. Возможно, речь идет об аресте штаба восставших «анархистов», неоднократно занимавших эту гостиницу⁴⁵. Интересна судьба плененных мятежников. В.И. Берсов сообщал, что за ними приезжал сам Г.К. Петров, забрав на фронт.

Некоторые итоги. Весна 1918 г. стала временем столкновений большевистской власти со своими союзниками (анархистами, левыми эсерами) и выходившими из-под контроля войсками. 11-12 апреля 1918 г. ВЧК разгромила анархистов в Москве, через неделю – в Петрограде. Следует указать на события в Курске, начавшиеся 10 апреля и, как представляется, зарождавшиеся аналогично воронежским: прибывшие с Украины войска с 10 по 29 апреля удерживали город, причем волнения были локализованы первоначально, так же как и в Воронеже, местными силами. Обратим внимание на то, что, несмотря на многочисленные

утверждения мемуаристов, прямых доказательств того, что руководителями мятежа в Воронеже были именно анархисты, нет. В связи с этим можно поставить вопрос: был ли анархистским и мятеж в Курске, либо он представлял собой действия сложного конгломерата сил из анархистов, анархистствующих, левых эсеров и просто недовольных войск?

Среди последствий мятежа в Воронеже необходимо назвать наметившийся раскол воронежских левых эсеров. Однако он был неочевидным, о чем говорит тот факт, что многие деятели, выступившие против комитета (по версии М.А. Чернышева), в дальнейшем сохранили свое положение в нем (например, тот же С.И. Данилькевич). Исключение представляли, возможно, И.С. Пляпис и М.А. Чернышев с частью, а может быть, и всей рабочей дружиной. С другой стороны, Н.И. Григорьев, старавшийся в апреле искать компромисс, продолжал это и дальнейшем, выступив в октябре 1918 г. одним из инициаторов создания в Воронеже партии народников-коммунистов⁴⁶.

Какого-то серьезного расхождения воронежских левых эсеров с большевиками сразу после апрельского мятежа обнаружить не удалось. В мае 1918 г. левые эсеры руководили продовольственным, земельным отделами губкома Советов, занимали пост председателя революционного трибунала. По нашим наблюдениям, отношения стали стремительно охлаждаться только с середины июня 1918 г., когда Воронежский комитет РКП(б) предложил левым эсерам занять вместо ключевых продовольственного и финансового комиссариатов земельный, земский, призрения, юридический, хозяйственный и медико-санитарный.

¹ Воронков И.Г. Воронежские большевики в борьбе за победу Октябрьской социалистической революции. Воронеж, 1952. С. 180.

² Воронков И. Г. Указ. соч. С. 180-181.

³ Там же. С. 181.

⁴ Очерки по истории Воронежского края. Т. 2. Эпоха социализма. Воронеж, 1967. С. 43.

⁵ За власть Советов. Сборник воспоминаний участников революционных событий в Воронежской губернии в 1917-1918 годах / под ред. И.Г. Воронкова, Т.М. Севастьяновой. Воронеж, 1957. С. 72.

⁶ Два архивных документа / сост. Н.И. Третьяков. М., 2014. С. 91-102.

⁷ Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1996. С. 34.

⁸ Комаров А.А., Крошицкий П.П. Революционное движение. Хроника 1918 года. Т. 1. (Губернии Воронежская и Тамбовская). Воронеж, 1930. С. 45-47.

⁹ Заяц Н.А. Кризис государственного управления и организация новых властных структур Воронежской губернии в 1914-1918 гг.: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Воронеж, 2017. С. 325.

¹⁰ Квасов О.Н., Разиньков М.Е. Анархисты в Воронежской губернии в начале XX века: к постановке проблемы // Воронежский вестник архивиста. Воронеж, 2004. № 4. С. 77-86.

¹¹ Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области (ГАОПИВО). Ф. 5. Оп. 1. Д. 346. Л. 41.

- ¹² За власть Советов... С. 79.
- ¹³ Заяц Н.А. Указ. соч. С. 304, 305.
- ¹⁴ Воронежский красный листок. 28 августа 1918 г. С. 4.
- ¹⁵ Комаров А.А., Крошицкий П.П. Указ. соч. С. 49.
- ¹⁶ Там же. С. 59.
- ¹⁷ Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. Р-1018. Оп. 1. Д. 56. Л. 35.
- ¹⁸ Там же. Ф. Р-905. Оп. 1. Д. 3. Л. 15; Д. 4. Л. 130-130 об., 189-190; Д. 16. Л. 51; Д. 20. Л. 104-108 и др.
- ¹⁹ ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 590. Л. 15. См. также: Там же. Л. 1; Разиньков М.Е., Заяц Н.А., Сахаров Михаил М. // Вожаки и лидеры Смуты. 1918 – 1922 гг. Биографические материалы / сост. и науч. редактор А.В. Посадский. М., 2017. С. 198-201.
- ²⁰ ГАВО. Ф. Р-905. Оп. 1. Д. 4. Л. 189.
- ²¹ Два архивных документа... С. 93.
- ²² Там же. С. 92.
- ²³ Там же. С. 93.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Разиньков М.Е. Домнич Иван Нестерович // Вожаки и лидеры Смуты... С. 187-188; ГАВО. Ф. Р-1048. Оп.2. Д. 183. Л. 14-15.
- ²⁶ Комаров А.А., Крошицкий П.П. Указ. соч. С. 57.
- ²⁷ Два архивных документа... С. 95.
- ²⁸ Там же. С. 92.
- ²⁹ ГАВО. Ф. Р-905. Оп. 1. Д. 4. Л. 189-190.
- ³⁰ Два архивных документа... С. 96.
- ³¹ Комаров А.А., Крошицкий П.П. Указ. соч. С. 57.
- ³² Цыпкина Р.Г. Сельская красная гвардия в октябрьской революции. По материалам губерний Центрального промышленного района. М., 1970. С. 170-174.
- ³³ Два архивных документа... С. 93, 96, 101.
- ³⁴ Там же. С. 95.
- ³⁵ Там же. С. 94.
- ³⁶ Там же. С. 99-100.
- ³⁷ Разиньков М.Е. Петров Григорий Константинович // Вожаки и лидеры Смуты... С. 197-198; ГАВО. Ф. Р-1086. Оп.1. Д. 2. Л. 37.
- ³⁸ Два архивных документа... С. 92, 94.
- ³⁹ Путь жизни. Рабочая и крестьянская газета. Орган Воронежского комитета РСДРП. № 17. 1917 г. 8 декабря (25 ноября). С. 4.
- ⁴⁰ ГАВО. Ф. Р-1086. Оп.1. Д. 2. Л. 114.
- ⁴¹ Два архивных документа... С. 96.
- ⁴² Там же. С. 97.
- ⁴³ ГАВО. Ф. Р-905. Оп. 1. Д. 4. Л. 190.
- ⁴⁴ Там же. Д. 20. Л. 108-108 об.
- ⁴⁵ Там же. Л. 108 об.
- ⁴⁶ ГАОПИВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 12. Л. 2.

Воронежская епархия в период Великой русской революции

Н.С. Сапелкин,
историк, директор
Центрально-Черноземного
книжного издательства

В настоящее время Февральскую буржуазно-демократическую и Октябрьскую социалистическую революции объединяют одним термином – Великая русская революция, определяя ее хронологические рамки с февральского протестного движения в Петрограде и до начала Гражданской войны. Термин впервые был использован в 2013 г. при разработке концепции единого учебника истории России и оказался очень удачным.

Российская православная церковь накануне революции была могущественным общественным и идеологическим институтом, на протяжении веков служившим опорой царской власти. С 1721 г. высшим органом управления церковью был Святейший правительствующий синод, являвшийся государственным учреждением, контролировавший обер-прокурором, назначаемым императором. В 1797 г. Павел I установил, что Император Всероссийский является главой Российской церкви. Государство морально и материально поддерживало Церковь. По табели о рангах архиереи приравнивались к трем первым классам. Император и обер-прокурор обычно не вмешивались в сугубо церковные вопросы, которые решались архиереями, входившими в Синод.

Ежегодно воронежские архиереи подавали в Синод отчеты по епархии, которые являлись на сегодняшний день наиболее полными и достоверными источниками. 30 марта 1917 г. архиепископ Тихон (Никаноров) отправил в Синод отчет Воронежской епархии за 1916 год¹. По своему наполнению он ничем не отличается от отчетов предыдущих лет² и не несет никакой тревоги по случаю свершившейся революции.

Из отчета мы узнаем, что в управлении епархией архиепископу Тихону помогали vicarный епископ Острогжский Владимир (Шимкович) и члены духовной консистории: протоиереи Алексей Спасский, Петр Палицин, Иоанн Путилин, Александр Княжев, Георгий Алферов и Николай Никонов. Георгий Алферов являлся депутатом Государственной думы 4-го, созыва и во время отъездов в Петроград на думские сессии его замещал священник Митрофан Девицкий. За год в консисторию поступило 28 669 документов, исходящих – 25 023, составлено 545 протоколов³.

На 1 января 1917 г. в епархии действовали 1128 храмов, из которых 983 приходских (остальные домовые, монастырские, кладбищенские). Строились 52 храма, 16 были построены, но не освящены и 3 новых храма были освящены в 1916 г. В храмах и монастырях епархии служили 1221 священник, 295 диаконов и 1230 псаломщиков⁴.

«Богослужения отправлялись в положенное время и по чину. По воскресным и праздничным дням после Божественной Литургии совершались молебствия о даровании победы русскому воинству, а вечером служились торжественные вечерни с чтением акафистов Спасителю и Божией Матери. В некоторых благочиниях благочиннические собрания постановили организовать на приходах торжественные соборные Богослужения с образцовых истовым чтением, произнесением живых поучений и с руководством общенародного пения. Проповеди произносились во всех храмах или собственного сочинения, или публикуемые, но в соответствии с нуждами паствы»⁵.

В Митрофановском монастыре был оборудован лазарет для раненых воинов, на нужды которого было израсходовано с октября 1915 г. 65 тысяч рублей, и на 1 января 1917 г. имелся остаток в 17 761 рубль собранных по епархии средств. При воронежском Митрофановском и задонском Богородицком монастырях имелись больницы с аптеками, которые оказывали бесплатную помощь паломникам и «бедным местным жителям». В епархии действовали 46 богаделен и 36 церковноприходских попечительств⁶. Архиерей совершил три продолжительные поездки по епархии, преодолев 999 верст по грунтовой дороге и 340 – по железной и побывав в 11 уездах⁷.

Таким образом, грозный 1917 год Воронежская епархия встречала с хорошими показателями как по числу храмов и церковно-священнослужителей, так и по общему настрою, хотя некоторые нотки беспокойства звучали уже тогда. «Благочинные, – пишет владыка, – отмечают значительное ухудшение в материальном обеспечении духовенства. В связи с обстоятельствами войны требы, в особенности венчание браков, сократились, а жизнь все дорожает и дорожает. Земля остается неиспользованной, ее никто не желает арендовать, а самим обрабатывать нет возможности»⁸.

Священнослужители и раньше постоянно жаловались на финансовые и бытовые трудности, хотя их доходы были выше доходов основной массы учителей, многих служащих, и намного выше, чем у рабочих и, тем более, крестьян. Священнослужители получали доходы в виде жалованья настоятеля (в части приходов), преподавателей Закона Божия, пожертвований, «тарелочного» и «кружечного» сборов, процентов по вкладам благотворителей, доходов с земли. Средний размер земельного надела в Воронежской губернии составлял 33 десятины на приход. Плата за требоисполнения была самой конфликтной в отношениях священников с паствой. А тема жадности духовенства была одной из любимых в крестьянской среде.

Это было время возраставшей религиозной индифферентности, которая явно проявилась еще в Первую русскую революцию, когда в епархии были убиты четыре священника. Только в 1906 г. в Воронежской епархии крестьяне ограбили более сотни храмов, отобрали земельные наделы⁹.

Антицерковные настроения усиливались по мере роста недовольства императорской властью. Церковь и прежде всего приходское духовенство воспринимались как оплот самодержавия.

Сложилось представление, что РПЦ в 1917 г. занимала однозначно контрреволюционные позиции, но это не так. Синод не принимал никаких мер, чтобы оказать поддержку монархии. Обер-прокурор Синода Н.П. Раев и его заместитель Н.Д. Жевахов обращались в Синод с просьбами выпустить послание в поддержку царя. Но первенствующий член Синода митрополит Киевский Владимир (Богоявленский) отказался это сделать¹⁰.

В ночь со 2 на 3 марта Николай II отрекся от престола. Но еще днем 2 марта Синод принял решение войти в связь с Исполнительным комитетом Государственной думы. Члены Синода фактически признали революционную власть еще до отречения царя.

Синод начал формировать в обществе представление о законности смены власти. Несмотря на отсутствие в целом юридического отречения от престола Дома Романовых, Синод своими определениями от 6 марта распорядился исправить все богослужебные чины, в которых поминался «царствовавший» дом. Вместо молитв о де-юре царствующем доме следовало возносить прошения о «Благоверном Временном правительстве»¹¹.

9 марта Синод обратился с посланием «К верным чадам Православной Российской Церкви по поводу переживаемых ныне событий». Оно начиналось так: «Свершилась воля Божия. Россия вступила на путь новой государственной жизни. Да благословит Господь нашу великую Родину счастьем и славой на ея новом пути». Тем самым высший орган церковного управления фактически признал государственный переворот правомочным, а революционные события объявил как свершившуюся «волю Божию»¹². Синод распорядился приводить паству к присяге новой власти. То есть стремился закрепить завоевания революции и придать ей необратимый характер.

От имени Синода в епархии пришло указание немедленно объявить об отречении царя и зачитать Манифест. 5 марта архиепископ Тихон направил телеграмму в Синод: «Манифест по городу объявлен. Объявлять ли с церковного амвона и по епархии. Ожидаю распоряжения Святейшего синода»¹³.

Председатель Синода митрополит Киевский Владимир (Богоявленский) 6 марта разослал от своего имени по всем епархиям РПЦ телеграммы с распоряжением о том, что «моления следует возносить за Богохранимую Державу Российскую и Благоверное Временное правительство ея»¹⁴. Таким образом, уже 6 марта российский епископат перестал возносить молитвы о царе. По словам о. Сергия Булгакова, «Россия вступила на свой крестный путь в день, когда перестала молиться за Царя»¹⁵.

Массовая поддержка свержения самодержавия духовенством шла «сверху» – от Святейшего Синода к епархиальным архиереям и приходским пастырям. По отношению к «контрреволюционно» настроенному духовенству Синод выполнял «карательную функцию». По словам князя Н.Д. Жевахова, российская «революция явила всему миру портретную галерею революционеров, облеченных высоким саном пастырей и архипастырей Церкви»¹⁶.

14 марта 1917 г. от имени священнослужителей г. Воронежа была направлена телеграмма М.В. Родзянко с «горячим приветствием» в его лице «нового правительства, самоотверженно совершившего великое дело освобождения нашей дорогой родины», духовенство «приветствует зарю свободной жизни и свободно подчиняется новому правительству и молит Бога, да укрепит Он власть его, да поможет водворить порядок и мир, и да дарует нашему доблестному воинству силу и мужество довести войну до победоносного конца»¹⁷.

Весной 1917 г. по всей России прошли епархиальные съезды, которые приветствовали свержение Николая II и создание Временного правительства. Такое собрание духовенства и мирян состоялось в Воронеже 29 апреля 1917 г. В его резолюции отмечалось: «В исторический момент, когда волей истстрадавшегося русского народа уничтожен гнетущий режим старой власти... мы приветствуем светлую зарю новой русской жизни... и выражаем готовность содействовать всем начинаниям Временного правительства»¹⁸. Участники собрания дали «торжественное обещание» оказывать полную поддержку Временному правительству сознавая, что «новая народившаяся власть и долгожданная свобода имеют много врагов в лице приверженцев старого строя» и отдельно приветствовали «Совет рабочих и солдатских депутатов, Исполнительный Комитет Государственной Думы... и Председателя Государственной Думы – первого свободного гражданина обновленной страны»¹⁹.

Священники, бывшие на собрании, покаялись в том, что «в прошлом вынуждены были воздействовать на совесть верующих полицейскими мерами» и заявили, что «свободная православная церковь свободного народа будет неизменно устроить жизнь своих пасомых только на началах евангельских, обеспечивающих свободу, равенство и истинно-христианское братство». Участники обсудили и выборы в Учредительное собрание, определив свою платформу: «Демократическая республика» и лозунг «Земля и воля», как наиболее полно и ярко отражающий вековые чаяния трудящегося народа». Приняли решение поддержать требование крестьян об отмене частной собственности на землю и уравнительном землепользовании, оказывать поддержку рабочему классу в его борьбе с капиталом²⁰.

В адрес Временного правительства от имени епархиального собрания духовенства и мирян была направлена телеграмма следующего содержания: «Избранное на началах свободы и равенства Епархиальное собрание представителей от духовенства и мирян Православной воронежской Церкви, одушевленное желанием созидания Свободной Церкви в Свободном Государстве на началах подлинной любви, подлинного братства, подлинной соборности, искренно – от глубины души приветствует Временное правительство и дает твердое и ненарушимое обещание от лица всех членов Воронежской церкви уничтожить следы векового подчинения церкви самодержавному строю и отдать все свои силы на служение Церкви Христовой, свободной Родине и Вам, облеченным народным доверием»²¹.

Ранее телеграммы с подобными заверениями были отправлены от имени собраний духовенства благочиний, на которых избирались делегаты для епархиального собрания. Так, от духовенства Богучарского уезда в Петроград были отправлены телеграммы следующего содержания: 1-й благочиннический округ 15

апреля обратился к председателю Государственной Думы и Временному правительству с «горячим приветом» и выразил «полное доверие и готовность поддерживать в великих трудах, завещанных вам русским народом»²²; ему вторили священники 3-го благочиннического округа, которые 19 апреля «пребывая в спокойной и радостной работе», поспешили выразить Временному правительству «доверие», и сообщили, что «не за страх, а за совесть будут повиноваться и исполнять все его распоряжения»²³. Участники собраний молили Бога «да подаст Он вам силу и крепость в борьбе с тяжелым прошлым и за светлое будущее», «да поможет Господь Бог первому народному правительству» и завершили заседания призывом «Да здравствует народная свобода!»²⁴

Духовенство и миряне 3-го благочиннического округа Острогжского уезда на своем собрании 17 апреля с «великой радостью постановили выразить Временному правительству свое полное доверие и готовность беззаветно отдать все свои силы для укрепления нового государственного строя и, не щадя сил, работать на благо великой свободной Родины»²⁵.

По прошествии почти ста лет трудно определить мотивацию епархиального духовенства, возможно, это следствие раболопной привычки пассивно принимать все распоряжения вышестоящего руководства, которое безапелляционно отринуло монархию, которая как институт продолжала существовать до решения Учредительного собрания.

В настоящее время известен лишь один пример, когда священник открыто выступил за свергнутого царя. Священник А. Долгошевский из с. Синие Липяги Нижнедевицкого уезда призывал паству: «Молитесь Богу о царе. Бог поможет нам опять царя восстановить на царство. Без царя немисливо нам жить»²⁶.

Царя и его семью Временное правительство арестовало еще 8 марта 1917 года. Фактически сразу же духовенство их предало забвению: в первую очередь – в своих публичных молитвах. В Государственном архиве Российской Федерации, в фонде Николая II, хранится около сотни писем, направленных царственным узникам от представителей разных слоев общества. Удивительно, что от духовенства нет ни одного. Хотя в том же архиве хранится огромное множество приветственных писем и телеграмм, которые духовенство в марте-июне 1917 г. направляло Временному правительству, Думе и Петроградскому совету²⁷.

Епископату и приходскому духовенству РПЦ, исполнявшим в порядке внутрицерковной дисциплины распоряжения Синода, принадлежит одна из определяющих ролей в установлении на местах новой власти. Через проповеди, печатные воззвания, тиражирование резолюций своих собраний и съездов, служения молебнов и проведение крестных ходов они воздействовали на общественно-политическое сознание своей паствы.

По мнению доктора исторических наук М.А. Бабкина, действия, предпринятые в послефевральский период 1917 г. духовенством в центре и на местах (и Синодом, и епископатам, и приходским духовенством), способствовали смещению влево спектра общественно-политических настроений православной паствы²⁸. Члены Синода, приведя православную паству к присяге на верность Временному правительству и не освободив народ от действовавшей присяги на вернопод-

данство императору, сподвигли, по сути, российских граждан на клятвопреступление.

Во внутрицерковной жизни весной и летом стал проявляться кризис власти. Иерархи теряли контроль над приходскими священниками. Сами священники ощущали на себе возрастающую требовательность и непокорность как прихожан, так и подчиненных себе пономарей и псаломщиков. Весна и лето 1917 г. в истории РПЦ – это эпоха «съездов», на которых духовенство пыталось определить наиболее оптимальную формулу существования в новых условиях²⁹. Их решения часто противоречили церковным канонам и были направлены против епископата. Только в первой половине года было смещено с кафедр 17 архиереев.

О событиях в Воронеже в те дни мы знаем из воспоминаний священника Александра Палицина, записанных в 1962 г. Он утверждал, что в Воронеже не было «никакого избрания архиерея», так как «архиепископа Тихона народ и духовенство любили за его смирение и кротость»³⁰. Но все-таки в Воронеже не обошлось без инцидентов. Как рассказал о. Александр Палицин: «Один из сельских священников Василий Шакин своими действиями заставил архиепископа Тихона наложить на него запрещение и отрешить от места. Священник Шакин обратился с жалобой на архиепископа Тихона в Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, изобразив в действиях архиепископа контрреволюцию. Совет подверг владыку аресту и отправил его в Петроград в распоряжение Центрального Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов»³¹.

Арест архиерея, тем более произведенный, по сути, общественной организацией, наделал много шума в городе. Исполнительный комитет Совета единогласно постановил: «Принимая во внимание, что вся деятельность архиерея явно контрреволюционна, сделать немедленно у архиерея обыск, с изъятием компрометирующих документов, и арестовать архиерея».

Как писала газета «Воронежский телеграф», во время обыска в приемной архиепископа нашли и изъяли портреты Николая II, его жены Александры Федоровны, членов царской семьи, императоров Александра II и Александра III. Кроме того, у владыки Тихона отобрали 95 рублей серебром, взамен которых выдали бумажные деньги».

Арест состоялся 8 июня 1917 г. Под солдатским конвоем архиерей был отправлен в Петроград. 14 июня Синод заявил, что в действиях архиепископа Тихона нет ничего противозаконного, «предшествующая деятельность преосвященного свидетельствует о его безукоризненной закономерности в делах епархиального управления». Он вернулся в Воронеж и 6 июля вступил в управление епархией³².

За время отсутствия архиерея в Воронеже прошел второй съезд духовенства и мирян Воронежской епархии – он состоялся с 22 июня по 1 июля. Главной целью его проведения было декларировано «привлечение клира и мирян к совместному активному участию для организации церковного управления в связи с произошедшими переменами в строе государственной жизни»³³. Съезд был открыт 22 июня в 12 часов дня в актовом зале Воронежской духовной семинарии председателем Воронежского епархиального исполнительного комитета (ВЕИК) протоиереем Т.Д. Поповым, который был избран и председателем собрания (127 голо-

сов из 186). В состав съезда с правом решающего голоса были приняты все члены епархиального исполнительного комитета, избранные на первом съезде в апреле 1917 г. и епархиальный миссионер о. Петр Сергеев. С правом совещательного голоса участвовали два представителя крестьянской секции Воронежского Совета солдатских, рабочих и крестьянских депутатов. Подробный репортаж с работы съезда публиковался в газете «Вестник церковного единения», издаваемой с июня 1917 г. вместо «Воронежских епархиальных ведомостей». Новое издание позиционировалось как «орган духовенства и мирян Воронежской епархии». Ее редактировали епархиальный миссионер о. Петр Сергеев и служащий железной дороги В.Я. Бахметьев, участник Поместного Собора³⁴.

Первое заседание съезда посетил викарный епископ Владимир (Шимкович), «преподавший архиастырское благословение и пожелавший полного успеха в предстоящей работе на пользу православной воронежской церкви»³⁵. Депутаты организовали две подкомиссии: по проверке депутатских полномочий и по рассмотрению актов предсъездовских благочиннических собраний. Решили вопрос о суточном довольствии делегатов. Приняли решение послать приветственные телеграммы военному министру А.Ф. Керенскому. Текст телеграммы был утвержден в последний день работы съезда – 1 июля, и сама телеграмма была отправлена в тот же день. «Воронежский епархиальный съезд духовенства и мирян восторженно приветствует славные полки победоносной Российской революционной армии, перешедшей в наступление и героически сражающейся ныне за правду и народную свободу. Все мы душою с нашими храбрыми воинами, молитвенно напутствуем их на подвиги во славу горячо любимой Родины и нашего многострадального народа. Горячо приветствуем мы Вас, господин Министр, беззаветного друга народа, великого руководителя и вдохновителя нашей свободной революционной армии. Дай Бог Вам сил до конца послужить великому народному делу»³⁶. В телеграмме председателю Совета министров Г.Е. Львову тот назван «стражем и охранителем святы принципов свободы, равенства и братства свободного государства»³⁷.

На съезде были заслушаны доклады Б.А. Рукина о работе ВЕИК, после чего ВЕИК сложил полномочия перед новым съездом; Т.Д. Попова о его участии в работе Всероссийского съезда духовенства и мирян в Москве; очевидцев ареста архиепископа Тихона.

Второй день работы начался с печального известия – делегат съезда о. П. Милоградский сообщил, что в ночь с 22 на 23 июня в с. Терновом Землянского уезда убит священник Стефан Петров. Отец Стефан стал первой жертвой революции в Воронежской епархии.

Делегаты получили известие, что в Острогоске арестована игуменья Пятницкого монастыря и препровождена в Воронежский совет депутатов, который поместил ее под арест в Покровский женский монастырь.

Основным вопросом съезда стал вопрос о власти. Делегаты большинством голосов («за» – 150 голосов) приняли решение, что во главе епархиального управления должен стоять Воронежский церковно-епархиальный совет с епископом (ВЦЕС), который заменяет собой и консисторию и ВЕИК. Состав ВЦЕС был определен в 13 человек: два священника, два диакона, два псаломщика, семь ми-

рян, сверх того – епископ по должности. Все они выбираются по куриям (священники, диаконы, псаломщики, миряне) и работают на постоянной основе, жалование получают в ВЦЕС «из сумм епархиального свечного завода и монастырей в размере 3000 в год».

Епископ Тихон (Никаноров) не принял решения съезда в части признания полномочий ВЦЕС и продолжал управлять епархией через Консисторию. В управлении епархией сложилось двоевластие. Владыка Тихон неоднократно жаловался в Синод, что ВЦЕС вмешивается «в дела епархиального управления и в грубой форме предписывает» ему увольнять с прихода одних священников и назначать других³⁸. Обращался воронежский архиерей по этому вопросу позднее и к Патриарху. «Члены Совета не утверждены ни мною, ни бывшим Св. Синодом. Никем не утвержденный – этот Совет вступил, однако, в исполнение обязанностей. И не был устранен во избежание возможных конфликтов в виду частого в то время вмешательства в дела епархии бывшего совета рабочих и солдатских депутатов... Совет как раньше оставался, так и теперь остается почти без дела, пересматривая уже решенные в Консистории дела и тем на какое-то время замедляя их движение. По отношению же к Епископской власти допускал совет серьезные уклонения от дисциплины, обязательной и для церковных учреждений, к явному ущербу для авторитета епископа. Члены совета без ведома и разрешения моего уезжали в отпуск, назначали себе командировки, и за выбытием некоторых членов, пополняли кандидатами свой и без того многочисленный состав. Такое игнорирование епископа, постепенно возрастая, выразилось потом в формальном, напечатанном в епархиальном органе, требовании, чтобы церковноприходские советы о кандидатах на свящ.-церковнослужительские места подавали прошения в Совет, тогда как подобные просьбы поступали на имя Епископа. Наконец, Совет письменно – формальной бумагой предъявил мне и моему Викарию ничем не мотивированное, но категорическое требование, чтобы мы не давали резолюций помимо Совета, а от Консистории потребовал, чтобы она не исполняла наших резолюций, не прошедших через Совет»³⁹. Патриарх Тихон (Белагин) в сентябре 1918 г. распорядился «распустить никем не утвержденный Воронежский Церковный Совет, оставив для заведования епархиальными делами Духовную Консисторию впредь до избрания Епархиальным Собранием Епархиального Совета, при чем Епархиальное Собрание для производства означенных выборов должно быть созвано при первой к этому возможности»⁴⁰.

Но ВЦЕС при архиепископе Тихоне так и остался не распущенным. Епархиальное собрание было назначено на 24 мая 1919 г., но из-за вторжения немцев в пределы Воронежской губернии было перенесено. В дальнейшем проведению епархиального собрания помешали военные действия на территории губернии между Добровольческой и Красной армиями. В декабре 1919 – феврале 1920 гг. вновь велась переписка с Патриархом по этому вопросу. Последний документ, исходящий от Патриарха, датирован 9 февраля 1920 г. Но исполнить его архиепископ Тихон уже не смог, т.к., заболев тифом, умер 27 февраля 1920 г.⁴¹

Летом 1917 г. съезды и собрания в Воронежской епархии проводятся постоянно: приходские, благочиннические, уездные, объединенного духовенства, мис-

сионерские, законоучительские, ревнителей благочестия и т.п. Духовенство явно упивается демократией и свободой. В свою очередь крестьяне стали проводить сельские сходы и самостоятельно выбирать себе священников, выдворяя негодных с приходов. Началось изъятие земель в монастырях и у священников. «Вестник церковного единения» пестрит сообщениями: «в слободе Калач во всех причтах отобраана земля»⁴², «в Белогорском и Дивногорском монастырях крестьяне отбирают землю, не оставляя даже для обработки своими силами для нужд монастыря»⁴³ и т.д. Участились случаи ограбления храмов и избиения духовенства. Все требования к пастырям сводились к нескольким позициям: «чтобы священник отказался в притязаниях на землю, чтобы подешевше брал за требы, сказал бы речь-слово в тон настроения толпы»⁴⁴. «Уже есть факты, что погромное движение тяжело отзывается на духовенстве и некоторые священники оказались буквально и раздетыми, и на дворе, и беззащитными перед озверелой толпой. Пастыри, паства убегает от вас, а многие из пасомых восстают на вас», – с такими словами, емко передающими настроение времени, обратился к духовенству Нижегородского уезда их коллега священник Ершов⁴⁵.

Весной и летом 1917 г., на фоне получившего широкое распространение процесса отхода общества от церкви, среди части пастырей возникли воинствующие антиклерикальные настроения. Все эти факторы обусловили резкое снижение церковных доходов, затронув тем самым материальные интересы духовенства. В результате в духовной среде начало расти недовольство сложившейся в стране политической и социальной обстановкой.

В связи с ростом цен и расходами на содержание съезда и ВЦЕС епархиальный свечной завод повысил с 7 августа цены на свечи и церковное вино: вино – 3 рубля за бутылку, свечи – 130 рублей за пуд⁴⁶.

В условиях нарастающей дороговизны священникам приходилось уделять своему хозяйству времени больше, чем богослужениям. Так, например, священник с. Старо-Животинского Николай Скрыбин содержал до 100 ульев и «сделал пчеловодство своим основным занятием, а для службы в церкви, в особенности в летнее время, приглашал служить других священников»; священник с. Каменно-Верховка Василий Цветов держал у себя конский завод и больше занимался им, чем службой в церкви⁴⁷.

В этих условиях в епархии разгорелся скандал между священниками и псаломщиками, который стал достоянием гласности и привел к созданию «Боевой организации псаломщиков». Псаломщики требовали увеличения доходов. Протоиерей М. Томилин в статье «Без вины виноватые», опубликованной в сентябрьском номере газеты «Вестник церковного единения», написал, что «псаломщики не должны требовать со священников больших доходов, так как последние сами являются нищими, правда, если псаломщик нищий первого разряда, то священник – второго». И предложил прихожанам заботиться о содержании своих псаломщиков и священников⁴⁸.

10 августа в зале семинарии состоялось собрание духовенства по вопросам взаимоотношений священников и псаломщиков. Священники возмущались по поводу «насильственных действий со стороны псаломщиков» при дележе «брат-

ских доходов». Псаломщики должны легальным путем требовать раздела, а не угрозами «убить священников». Псаломщики утверждали, что у них неравномерная нагрузка со священниками: «Вместе мы оправляем молебны, панихиды, погребения, крестины и другие требы. И когда священник делает краткие возгласы, псаломщикам приходится беспрерывно петь и читать». Письмоводительство так же входит в обязанности псаломщика. При этом «псаломщик получает 1/6 часть дохода, а священник, работая меньше, все остальное»⁴⁹. Священники обвинили псаломщиков-мирян, что они идут на службу, чтобы спастись от воинской повинности. Собрание пришло к соглашению, что псаломщики должны получать 1/4 часть доходов, но архиепископ Тихон наложил на это решение резолюцию, что изменения возможны только после утверждения Синодом⁵⁰.

8 августа в Воронеже состоялось новое епархиальное собрание, на этот раз по выборам делегатов на Церковный Собор. Делегатами были избраны: Бахметьев Василий Яковлевич – служащий в Управлении Юго-Западных железных дорог, Боголюбов Дмитрий Иванович – инспектор Воронежской духовной семинарии, Гаврилов Феофан Григорьевич – преподаватель Воронежской духовной семинарии, Сабинин Стефан Александрович – священник Троицкой церкви слободы Подвальной Острогожского уезда, Тихон (Никаноров) – архиепископ Воронежский и Задонский, Федоренко Георгий Макарьевич – учитель церковноприходской школы с. Елань-Колено Новохоперского уезда, Федоров Дмитрий Иванович – псаломщик Николаевской церкви г. Валуйки (сложил полномочия члена Собора).

Подготовка Поместного собора с перерывами шла с 1906 года (Предсоборное присутствие, – 1906 г., Предсоборное совещание – 1912-1913 гг.). В конце апреля 1917 г. Синод распорядился начать подготовку к Собору. Собор открылся в Москве 15 августа 1917 г. и проработал более года. Один из главных вопросов Собора был вопрос о высшем церковном управлении. Идея патриаршества была популярна лишь среди епископата. Приходские священники, страдая от самовластия архиереев, желали соборного управления, в котором хотели принимать участие. Однако за месяц обсуждений не удалось добиться согласия даже в том, что такое соборность.

25 октября Временное правительство было свергнуто, было сформировано новое – Совет народных комиссаров. 28 октября на улицах Москвы началась стрельба, возникшая в результате захвата Кремля юнкерами. В условиях отсутствия «сильной власти» в государстве среди членов Собора стало преобладать мнение о необходимости установления таковой в церкви. 28 октября, во многом под влиянием этих внешних факторов, Поместный собор вынес постановление восстановить патриаршество. 5 ноября в храме Христа Спасителя на патриаршество был избран Тихон (Беллавин), а 21 ноября в Успенском соборе была совершена его интронизация.

При составлении первоначального списка кандидатов в Патриархи из 25 человек воронежский архиерей Тихон (Никаноров) занял 20-е место⁵¹.

На страницах воронежского «Вестника церковного единения» регулярно публиковались «письма участников Собора». Но они передавали только праздничный настрой: 27 августа – «побывали в паломничестве в обители пр. Сергия Радонежского», 4 сентября – познакомились с церковно-историческими достопримеча-

тельностью Москвы, 10 сентября – для членов Собора был дан концерт «известных духовно-певческих хоров»⁵².

Действительность была далека от такой идиллии. «Брожения» в Воронежской епархии только усиливались. Корреспонденты «Вестника церковного единения» сообщали: «В летнюю пору в сельских приходах на службу приходят 5-6 старух»; «мужчины считают для себя за конфуз показаться в храме, зато спешат на политические собрания, заполняя собой школы и площади»; «мало верующих участвовало в крестном ходе 29 августа с Сицилийской иконой Божией матери из Коротояка в Острогжск»⁵³. В народном жаргоне все звонче звучат антицерковные мотивы: «Бог – буржуй», «Царю Небесный удушителью истины, попирателю правды», «помяни Господи Николашку, жену его Сашку, мать его Машку», «из риз будем онучи драть, явленными иконами печки топить, кадиллом люльку зажигать, кропилом избы подметать» и т.п.⁵⁴.

Прогрессивное духовенство тревожили эти факты, и регулярно на страницах газеты появлялись призывы к священникам пробудиться ото сна и обратить свои взоры к пастве. «В нашей епархии совершенно нет попыток подойти ближе к народным вопросам, к религиозным переживаниям мира. Забывается и то, что «сеющий скудно, скудно и пожнет»⁵⁵. «Слишком атрофировано духовенство вековым прессом разных опекунов, – говорил священник Тихон Черницкий, – убита энергия, духовная подвижность, горение мысли, духа. Борцов и светочей народа подменили кем-то робким, застенчивым забытым. А Родина ждет нашей работы: народ просит духовной пищи, ищет света и Бога – неужели камень дадим ему? Неужели нас подменили на всю жизнь?»⁵⁶.

Но на вызовы времени духовенство епархии отвечало лишь новыми собраниями. Так, 22 октября в зале семинарии прошло собрание духовенства и мирян об ограждении и укреплении святой православной веры в связи с новым укладом церковно-общественной жизни. На собрании решили создать Союз ревнителей православия. 27 октября провели собрание «о наилучшей постановке церковно-просветительского дела в епархии»⁵⁷ и т.д.

В период октябрьского переворота Церковь никак не стала защищать Временное правительство, которое в марте 1917 г. она объявила «Благоверным» и властью «от Бога». На появление ленинского правительства Собор фактически не отреагировал. Не было никакой видимой реакции и в Воронежской епархии. Можно предположить, что само понятие власти к тому времени было десакрализовано и всякая власть воспринималась «данной Богом». Тезис, что «всякая власть от Бога», стал тиражироваться с начала XX века, хотя раньше он звучал по-иному: «Несть бо власть, аще не от Бога», то есть: «Не есть власть, если не от Бога». Многие церковные иерархи и рядовые священники в то время прямо говорили, что народ вправе решать, какая форма правления будет в стране, и добавляли: «Мы благословим любой выбор народа»⁵⁸. При богослужениях власть поминалась без учета персонального состава правительства и его политики.

23 ноября на архиерейском служении в первый раз в Воронеже вместо Святейшего Синода поминался избранный Всероссийский патриарх, по форме: «Великого Господина нашего, Святейшего Патриарха Московского и всея России»⁵⁹.

Архиепископ Тихон прибыл из Москвы с Поместного собора вечером 23 ноября, хотя предполагал прибыть днем 22-го, чтобы в праздник Св. Митрофану служить всенощную и литургию. «Но вследствие опоздания поезда – в служении принять участия не мог»⁶⁰.

14 и 15 ноября воронежцы встречали митрополита Тифлисского Платона, который посетил Воронеж проездом в Киев. Белый клобук митрополита привлек много публики, принявшей его за патриарха⁶¹.

В условиях ухудшения экономического состояния епархия 5 декабря передала церковноприходские школы светским властям. 5 декабря из-за отсутствия средств окончательно был закрыт ранее свернутый епархиальный госпиталь⁶².

Все более тревожные новости поступали из уездов. Так, 5 декабря в Варваринский женский монастырь Нижнедевицкого уезда явились «выборные от крестьян и заявили, что по «народному праву» теперь все отошло крестьянам, и по сему они должны переписать все хозяйство и инвентарь монастыря». Делегация отказалась от постного угощения и потребовала для себя мясной стол. Были переписаны все строения, инвентарь, живность, хлебные запасы, иконы и ризницы. Уезжая, переписчики оставили в монастыре «эконома-солдата», которому передали ключи от всех амбаров, монашествующие остались без хлеба и дров⁶³.

Вскоре для Русской православной церкви начался новый исторический этап – во исполнение декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» и других соответствующих ему постановлений РПЦ своим статусом была приравнена к частным обществам и союзам. Ей было отказано в финансировании от государства. Ее собственность была объявлена народным достоянием.

24 января 1918 г. комиссар Воронежского Совета Зайцев в сопровождении бойцов боевой рабочей дружины пришел в Митрофановский монастырь для описи имущества. Но был изгнан монахами и подоспевшими прихожанками⁶⁴.

Духовенство ответило на декрет протестами: крестными ходами и публичными молебнами о прекращении «гонений». Однако эти меры не принесли желаемого результата. Крестный ход 26 января (8 февраля) 1918 г. состоялся и в Воронеже. За несколько дней до его проведения архиепископ Тихон обратился с письменной просьбой в Воронежский исполнительный комитет о разрешении Крестного хода «дабы развеять и те неприятности, которые получились за последнее время», и такое разрешение получил. В день проведения Крестного хода от имени исполкома была выпущена листовка: «По городу распространяются слухи о том, что якобы большевики хотят запечатывать церкви, монастыри, мощи сдать в музей и запретить богослужение. Все это наглая ложь! Сегодня состоится Крестный ход. Никто не будет мешать молящимся, и не верьте тому, что мы запрещаем Крестный ход. Мы только предлагаем сохранить полный порядок и не слушать тех, кто под маской религии хочет устроить кровавый погром. Спокойствие, граждане! Мы стоим на страже общественного порядка и безопасности».

Однако Крестный ход превратился в протестную демонстрацию. Его участники вступили в столкновение с боевой рабочей дружиной, которые в ответ открыли пулеметный огонь. В результате столкновения были ранены и избиты 12 человек. Один человек погиб⁶⁵.

Пытаясь наладить отношения с новой властью, воронежское духовенство провело 5 ноября 1918 г. собрание, на котором была принята резолюция: «Мы поддерживаем советскую власть в ее деяниях согласных с учением Иисуса Христа и мерами, не противоречащими христианскому учению». Новый исторический этап начался и в Воронеже.

Пройдя через «крестные муки», испытания гонениями и расколами, Церковь к концу XX века вернула себе и потерянную паству, и имущество, восстановило положение в обществе. А Поместный Собор остался в истории Собором новомучеников и исповедников Российских, избравшим на Патриарший престол святителя Тихона, хотя имел все основания стать инструментом церковного «реформирования» на протестантский лад.

¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2751. Отчет Воронежской епархии за 1916 год.

² См., например, РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2751. Отчет Воронежской епархии за 1915 год.

³ Там же. Л. 2 об.

⁴ Там же. Л. 8.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Л. 7.

⁷ Там же. Л. 5.

⁸ Там же. Л. 18.

⁹ Иконников С.А. Приходское духовенство Воронежской епархии второй половины XIX – начала XX века. Социокультурная характеристика: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2015.

¹⁰ Жевахов Н.Д. Воспоминания товарища обер-прокурора Св. синода князя Н.Д. Жевахова. – М., 1993. Т. 1. С. 288.

¹¹ Бабкин М.А. Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году. (Материалы и архивные документы по истории Русской православной церкви). – М., 2008. С. 29.

¹² Бабкин М.А. Указ. соч. С. 32.

¹³ РГИА. Ф. 796. Оп. 204. 1917. I отдел. V стол. Л. 8.

¹⁴ Бабкин М.А. Указ. соч. С. 29.

¹⁵ Булгаков Сергей, священник. Из «Дневника» // Вестник Русского Христианского Движения. – Париж–Нью-Йорк–Москва, 1979. № 130. С. 256.

¹⁶ Жевахов Н.Д. Указ. соч. С. 289.

¹⁷ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. 1917. Д. 1292. Л. 71.

¹⁸ Воронежские епархиальные ведомости. – Воронеж, 1917. № 20. Часть офиц. С. 191.

¹⁹ Там же. С. 292.

²⁰ Там же. С. 293.

²¹ ГАРФ. Ф. 1779. 1917. Оп. 2. Д. 124. Л. 7.

²² РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. 1917. Д. 1292. Л. 151.

²³ ГАРФ. Ф. 1778. 1917. Оп. 1. Д. 97. Л. 167.

²⁴ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. 1917. Д. 1292. Л. 151.

²⁵ ГАРФ. Ф. 1778. 1917. Оп. 1. Д. 112. Л. 52.

²⁶ А. Корнеев. Священнослужители за царскую Россию // Русский вестник. 14 декабря 2005.

²⁷ Об этом подробнее см.: Бабкин М.А. «Священство и Царство (Россия, начало XX в. – 1918 г.). Исследования и материалы». – М., 2011. – 920 с.

²⁸ Бабкин М.А. «Священство и Царство». С 26.

²⁹ Леонтьев П.Я. Революция в Церкви: съезды духовенства и мирян в 1917 г. // Церковь в истории России. – М., 1998. Вып. 2. С. 214-248.

³⁰ Палицин Александр, священник. Воспоминания. /Неопубликованная рукопись / Архив ВОУНБ. им. И.С. Никитина

³¹ Там же

³² Акиншин А.Н. Священномученик архиепископ Тихон IV (Никаноров) // Воронежские архипастыри от святителя Митрофана до наших дней: Историко-биографические очерки. – Воронеж, 2003. С. 303.

³³ Вестник церковного единения (далее ВЦЕ). – Воронеж, 1917. № 13

³⁴ Акиншин А.Н. Вестник церковного единения. // Воронежская энциклопедия. – Воронеж, 2008. – Т. 1. С. 134.

³⁵ ВЦЕ. – Воронеж, 3 августа 1917. № 13

³⁶ Там же. № 7.

³⁷ Там же. № 5.

³⁸ Акиншин А.Н. Указ. соч. С. 303.

³⁹ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 43. Л. 3. Об упразднении Воронежского Церковного Совета.

⁴⁰ Там же. Л. 2.

⁴¹ Сергей (Петров), архиеп. История Воронежской епархии от ее учреждения до 1960-х гг. – Воронеж, 2011. С 554.

⁴² ВЦЕ. – Воронеж, 1917. № 24.

⁴³ Там же. № 26.

⁴⁴ Там же. № 44.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же. № 24.

⁴⁷ Палицин Александр, священник. Указ. соч.

⁴⁸ ВЦЕ. – Воронеж, 1917. № 24.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же. № 31.

⁵¹ Там же. № 33.

⁵² Там же. № 24.

⁵³ Там же. № 23.

⁵⁴ Там же. № 33.

⁵⁵ Там же. № 24.

⁵⁶ Там же. № 31.

⁵⁷ Там же. № 28.

⁵⁸ Бабкин М.А. «Священство и Царство». С. 89.

⁵⁹ ВЦЕ. – Воронеж, 1917. № 37.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же. № 44.

⁶² Там же. № 43.

⁶³ Там же. № 44.

⁶⁴ Дунаев В.Н. Борьба духовенства против проведения в жизнь декрета об отделении церкви от государства (На материалах Воронежской и соседних губерний) // Из истории Воронежского края. Сб. ст. / отв. ред. А.Н. Акиншин. – Воронеж, 1966. С. 115-127.

⁶⁵ Сапелкин Н.С. Свете тихий. Краеведческие этюды. – Воронеж, 2006. С. 62.

Иркутская история семьи Граженских

М.Г. Старикова,
генеалог

*Автор выражает благодарность
Т.П. Граженской за предоставленные
фото и информацию.*

Рассматривая семейный альбом, мечтаешь о машине времени – оказаться в XIX в. или в начале XX в., или еще раньше. Увидеть, как жили наши предки, с кем общались, где работали, как отдыхали. Об этом мы можем только догадываться, рассматривая старые фотографии.

В нашей семье хранится фотография начала 20-х гг. XX в., на которой изображены моя бабушка, Клавдия Павловна (Бухонова), и ее муж Николай Николаевич Граженский. По словам моей мамы, Николай после 1923 г. был вынужден выехать из Воронежа и по настоящее время его судьба неизвестна.

В Государственном архиве Воронежской области хранятся дела о правах на дворянское достоинство Граженского Кириака Васильевича (определение 1827 г.)¹ и Граженского Нифонта Ивановича (определение 1874 г.)². Из документов ясно, что семьи из польской шляхты, по состоянию на 1800 г., уже проживали в Воронежской губернии. Владели землей и недвижимостью в Острогожском, Коротоякском и Бирюченском уездах, были внесены в 3-ю часть Родословной книги дворянства Воронежской губернии. Граженские были в родстве со многими дворянскими семьями Воронежской губернии – Тороповыми, Савостьяновыми и Каратевыми, Кареевыми, Резниковыми, Какуриными и Василевскими.

Нифонт Иванович (1816 г.р.), по состоянию на 1873 г. коллежский советник, 18 лет служил уездным исправником Бирюченского уезда, а на различных должностях МВД и финансов – в общем 52 года. За усердную и беспорочную службу был награжден орденом Святого Владимира 4-й степени, Святой Анны 2 степени, в 1879 г. – знаком Красного Креста за попечение о раненых и больных воинах. Был женат на Александре Алексеевне Савостьяновой. Дочь Елена была замужем, сын Николай после окончания Харьковской гимназии и юридического факультета Санкт-Петербургского университета служил в должности судебного следователя в Казанском окружном суде. Николай Нифонтович был женат на Ольге Ивановне Резниковой, дочери поручика.

У Нифонта Ивановича был брат Федор, на 1855 г. – титулярный советник, казначей Коротоякского уезда Воронежской губернии.

После смерти Федора Ивановича в 1858 г., а через 2 года – и его жены Екатерины Иосифовны 4 детей (Владимир, Зинаида, Мария и Федор) остались на попечении семьи Нифонта Ивановича.

О.Д. Граженская с детьми Василием и Марией, г. Иркутск, окр. 1886 г.
(семейный архив Т.П. Граженской).
Публикуется впервые)

Младший сын Федор поступил в Санкт-Петербургское отделение Сиротского института императора Николая I³. Гатчинский Сиротский институт имел целью дать воспитание и общее образование сиротам, сыновьям офицеров и чиновников гражданской службы.

О дочери Марии известно из Памятной книжки Воронежской губернии на 1875 г. Она служила классной дамой Николаевской женской прогимназии г. Воронежа⁴.

О семье Федора Ивановича удалось найти много интересного не только в Воронежском, но и в Иркутском архиве.

Пока точно неизвестно, по какой причине старший сын Владимир был лишен дворянства и сослан в Сибирь.

Его невеста, Ольга Дмитриевна Какурина – семьи жили рядом в Коротоякском уезде, – собрав в узелок одежду и взяв у матери драгоценности, поехала к Владимиру, который на тот момент жил в с. Усолье. Потратив за время путеше-

ствия через пол-России все сбережения, она приехала к любимому в самом лучшем, непроданном платье. В 1883 г. у них родился сын Василий, спустя два года – дочь Мария. В одном из фондов Иркутского архива хранится разрешение на выезд за пределы Иркутской губернии Ольги Дмитриевны Граженской, к тому времени уже вдовы, действительное в течение 1895-1896 гг., в котором описывается ее внешность – волосы русые, глаза серые, особых примет не имеет⁵.

Благодаря поискам и случаю я познакомилась с внучкой Василия Владимировича – Татьяной Павловной. Ее мама, Ольга Васильевна, сохранила фотографии и немного информации о своем отце, который прожил короткую, но очень яркую жизнь.

В семейном альбоме хранятся фотографии Ольги Дмитриевны, ориентировочно 1920 – 1930-х гг. – на них мы видим женщину небольшого роста, с короткими седыми волосами, держащую на руках ребенка. Она прожила непростую, но, думаю, счастливую жизнь. Вырастила детей, радовалась внукам, помогала семье дочери Марии, с которой по состоянию на 1930 г. она жила в Иркутске.

Василий Владимирович родился 1 января 1883 г. в с. Усолье. Начальное образование получил в сельском приходском училище. С 1895 по 1900 г., после переезда семьи в Иркутск, обучался в Иркутском промышленном училище, показав отличные знания по географии, рисованию и Закону Божьему⁶. Около 3 лет

обучался рисованию в студии известного в Сибири художника М.И. Зязина. Из училища Василий ушел по семейным обстоятельствам, поступил в почтово-телеграфную школу и после ее окончания был зачислен в Иркутскую контору чиновником 5-го разряда. После событий в Порт-Артуре как военнопленный был в Японии. Затем на компенсацию после плена совершил кругосветное путешествие, побывав в Шанхае, Америке, Франции и через Россию вернулся в Хабаровск. К тому времени Василий Владимирович уже был вовлечен в революционную деятельность. По приезду в Петербург он должен был отметиться в почтово-телеграфном ведомстве и явился «на ковер» не в мундире, а в штатской одежде. За что получил большой разнос и отправлен к месту службы под стражей. Василий был доволен, так как был без денег. А тут дорога за казенный счет, запрещенная литература в багаже и под охраной.

Вернувшись в Хабаровск, принял самое активное участие в почтово-телеграфной забастовке. Современники вспоминали, что только благодаря В. Граженскому многие участники были просто уволены из ведомства, а не отправлены в ссылку. В январе 1906 г. поступил на службу в Амурское Общество пароходства, будучи под неусыпным жандармским контролем. В 1917-м – помощник А.Н. Русанова, комиссара Временного правительства на Дальнем Востоке.

В 1917 г. Василий Владимирович женился на Марии Ильиничне Кузнецовой, дочери купца из Минусинска. В 1918 г. у них родилась дочь Ольга. Сложное материальное положение вынуждало искать дополнительный заработок. Статьи и фельетоны появлялись во всех прогрессивных газетах Дальнего Востока под псевдонимами В. Кокурин, Дубль-Ве, Фокс, Фармазон, а карикатуры Василий Владимирович подписывал В. Гирей. По рассказам его дочери, в семье было Родословное Древо, составленное, возможно, Василием.

Предок Граженских был как-то связан с Андреем Курбским, а род Какуриных (от Аскера Кокуры, опричника Ивана Грозного) был в родстве с Юсуповыми и Турчаниновыми.

В качестве редактора и соредатора Василий Владимирович работал в хабаровских и владивостокских газетах «Наше Слово», «Единение», «Дальневосточный Мир». Его статьи всегда были объективны, бесстрастны и литературно грамотны, а фельетоны и шаржи – точны и остроумны. Друзья и даже политические противники, узнавая себя в его карикатурах, никогда не обижались. Исполнил

*В.В. Граженский, г. Иркутск,
ор. 1888 г. (семейный архив
Т.П. Граженской.
Публикуется впервые)*

*В.В. Граженский, г. Порт-Артур,
ор. 1905 г. (семейный архив
Т.П. Граженской.
Публикуется впервые)*

карикатуры к альбому: «Каталог экспонатов, не попавших на выставку «История Приамурья»» (М., 1913). В феврале 2014 г. в Хабаровском краевом музее им. Н.И. Гродекова проходила выставка первого авангардного объединения на Дальнем Востоке «Зеленая кошка», одним из участников которого был В.В. Граженский. В эту группу входили пять художников: Павел Любарский, Петр Львов, Никтополеон Наумов, Жан Пласе и Василий Граженский. Работы, которые были представлены на выставке, написаны с 1918-го по 1928 г. в Хабаровске. В этот город их привели разные дороги. Лишь Павел Любарский был коренным хабаровчанином.

«У художников было желание осмыслить происходящее и создать новое искусство», – сказала в своем интервью корреспонденту DVHаб.ru «Новости Хабаровска» организатор Н.С. Позина, заведующая научно-исследовательским сектором истории культуры и искусства КГБНУК «Хабаровский краевой музей имени Н.И. Гродекова»⁷.

В общении Василий был всегда прямолинеен, за что его уважали и любили. В семейном архиве хранится фотография Граженских и Дублицких – семьи были очень дружны. Дублицкий Константин Александрович – русский арктический капитан. Был помощником управляющего Дальневосточной конторой Доброфлота.

Василий Владимирович был не только художником – изделия из глины и резба по дереву говорили о его исключительном таланте. В семье долгое время хранилась деревянная резная шкатулка.

19 июня в 5 часов вечера на станции Иман Василий Владимирович и его спутники погибли в купе вагона от рук белогвардейского офицера. До 1929 г. вдова Василия Владимировича Мария Ильинична вместе с дочерью жили во Владивостоке, получая пенсию. Потом переехали в Москву, затем в Ярославль, где Ольга окончила театральное училище им. Ф. Волкова.

Великая Отечественная война застала их на Алтае, в Рубцовском театре.

Найдена информация и о сестре Василия Владимировича – Марии и ее потомках. По состоянию на 1930 г. Мария Владимировна с семьей проживала в Иркутске. Ее муж, Матвей Яковлевич Райхбаум, в 1920-х гг. окончил Томский технологический институт, был строителем. Являлся руководителем Временного управления строительства Ангарского моста и главным инженером Горкомхоза. Погиб

в Иркутской тюрьме в 1938 г. Дочь Марии, Ирина Матвеевна Райхбаум (1916-1990 гг.), в 1939 г. окончила физический факультет Иркутского университета и поступила на работу в Иркутскую географическую обсерваторию. С конца 1950-х гг. трудилась Ученым секретарем в Сибирском институте земного магнетизма, ионосферы и распространения радиоволн (Сибизмир).

Интересна судьба дочери Зинаиды Федоровны Граженской – Веры Васильевны. Ее муж, дворянин Александр Николаевич Тищевский, был штейгером (горный мастер). Ориентировочно, с 1910 г. семья живет в пос. Св. Ольга, первые упоминания нашлись в отчете Общества попечения о начальном образовании – взносы, сделанные в пользу строительства школы А.Н. и В.В. Тищевскими в размере 6 и 3 рублей соответственно. В 1911 г. общество избирает Веру Васильевну городским библиотекарем.

«Свидетельство на право открыть в п. Св. Ольги публичную библиотеку-читальню 18 июля 1911 г.

Дано настоящее свидетельство, на основании 175 ст. Уст. о ценз. и печ. т. XIV изд. 1890 г., Обществу попечения о начальном народном образовании в п. Св. Ольги в том, что ему разрешается открыть в пос. Св. Ольги бесплатную публичную библиотеку-читальню, ответственным лицом по которой будет состоять жена дворянина Вера Васильевна Тищевская, что свидетельствуется подписью и приложением печати.

Военный губернатор, генерал-майор Манакин Управляющий отделением Синеоков-Андреевский»⁸.

Известно также, что на 1914 г. Александр Николаевич на личных копиях Сучанского рудника добыл 180 тысяч пудов угля⁹.

Мне пока не удалось установить судьбу этой семьи после 1917 г.

Из документов было известно, что в марте 1918 г. было расстреляно практически все руководство поселка Св. Ольга. Считалось, что погиб и А.Н.Тищевский. Но в конце 2017 г. один из краеведов Приморья сообщил мне, что есть предположение – Тищевского в эти дни в поселке не было, а женщин не арестовывали и, возможно, семья после 1918 г. выехала из Приморья.

Поиски информации о семье Граженских продолжаются. Надеюсь, нас ждет много новых находок и встреч.

Граженские и Дублицкие,
г. Владивосток, окр. 1918 г.
(семейный архив Т.П. Граженской,
Публикуется впервые)

¹ Государственный архив Воронежской области. Ф. И-29. Оп. 126. Д. 85

² Там же. Д. 84

³ Государственный архив Иркутской области (далее ГАИО) Ф. 32. Оп. 1. Д. 363. Л. 12.

⁴ Памятная книжка Воронежской губернии на 1875 г., Воронеж, 1875. Л.49.

⁵ ГАИО. Ф. 21. 1. Оп. 2. Д. 704. Л. 1 об.

⁶ Там же. Л. 22 об.

⁷ Новости Хабаровска DVhab.ru 17 февраля 2014 г.

⁸ РГИАДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2113. Л. 88.

⁹ Алексеев А.И., Морозов Б.Н. Освоение русского Дальнего Востока (конец XIX – октябрь 1917). М., 1989. С. 96.

ПУБЛИКАЦИИ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ

**«Прошу Вас поддержать мое ходатайство и не дать человеку
окончательно загубить здоровье»:
переписка А.Ф. Карельской с правозащитной организацией
«Е.П. Пешкова. Помощь политическим заключенным» (Помполит)**

В.А. Алленова,
*к. и. н., доцент Воронежского
государственного университета*

Настоящая публикация является продолжением начатого в предыдущем номере «Воронежского вестника архивиста» издания писем репрессированных воронежцев и их родственников, находящихся в составе фонда № 8409 «Е.П. Пешкова. Помощь политическим заключенным» (Помполит) в Государственном архиве Российской Федерации¹. Фонд насчитывает около двух тысяч дел, содержащих письма политических заключенных, а также их близких, и ответы на них правозащитной организации, действовавшей в СССР в период 1922-1938 гг.

В числе документов фонда находится переписка жены заключенного – доцента сельскохозяйственного института Владимира Федоровича Карельского Александры Федоровны Карельской с Помполитом, а также его письмо, написанное после освобождения в надежде на реабилитацию (д. 266 «Переписка и заявления политических заключенных, ссыльных и их родственников о перемене места ссылки, о пересмотре дел, и другим вопросам»; д. 392 «Переписка и заявления политических ссыльных и их родственников о перемене места ссылки, о пересмотре дел и другим вопросам», д. 866 «Переписка и заявления политических ссыльных,

заклученных и их родственников о пересмотре дел, их досрочном освобождении, об оказании материальной помощи и о других вопросах»; д. 1489 «Переписка, заявления политических ссыльных, заключенных и их родственников о пересмотре дел, о досрочном освобождении, о выдаче литературы и другим вопросам»).

Владимир Федорович Карельский родился в 3 июля 1888 г. в с. Хмелинка Кирсановского уезда Тамбовской губернии в семье священника, окончил физико-математический факультет Московского университета по специальности «физик», служил в армии в чине подпоручика, работал ассистентом и старшим ассистентом в Московском университете. В 1920 г. он переехал в г. Воронеж, заняв должность ассистента в сельскохозяйственном институте. Очевидно, это произошло в конце 1920 г., так как в списке служащих института, составленного по запросу Главного комитета профессионально-технического образования Наркомата просвещения от 18 октября 1920 г., должность ассистента по физике еще оставалась вакантной².

С созданием в 1925 г. при ВГУ Научно-исследовательского института естественнаучного профиля (директор проф. физики ВГУ и СХИ А.П. Поспелов, Ученый секретарь профессор-зоолог К.К. Сент-Илер) В.Ф. Карельский начал работать в нем по совместительству. Относительно должности, которую он занимал на момент ареста, в документах имеются разноречивые сведения: в оперативном деле он значится доцентом, в письмах его жены – старшим ассистентом.

Будучи глубоко религиозным человеком, В.Ф. Карельский принимал участие в церковной жизни Воронежа и поддерживал связь с архиепископом Воронежским и Задонским, с 1925 г. митрополитом Владимиром (В. Шимкевичем, 1841–1926), неформально возглавившим сопротивление обновленческому движению. Центром сопротивления стал Алексеево-Акатов монастырь, в котором власти, стремясь ограничить противодействие обновленчеству, содержали митрополита под домашним арестом. После смерти В. Шимкевича В.Ф. Карельский был вызван в ОГПУ и допрошен о его роли в жизни воронежской церковной общины и взаимоотношениях с митрополитом, однако в то время арестован не был³.

С ужесточением политического режима в конце 1920-х гг. и решением XVI партийной конференции (апрель 1929 г.) усилить наступление на «капиталистические элементы в городе и деревне» в связи с принятием первого пятилетнего плана началась так называемая чистка советских учреждений и органов государственной власти. В обращении к рабочим и служащим предприятий и учреждений, выделенных для участия в проверке и чистке, говорилось: «Партия и правительство объявили и проводят в настоящее время чистку советского аппарата в полной уверенности, что основная масса рабочих, крестьян и служащих примет активное участие в улучшении личного состава и качества работы этого аппарата, и тем самым поможет привести его в соответствие с возрастающими требованиями социалистического строительства», «мы должны освободить наш аппарат от всего классово чуждого, вредительского, разложившегося и сросшегося с кулацким элементом»⁴.

В русле этой кампании активизировались гонения на старую «буржуазную» интеллигенцию. В числе прочих началась чистка и учебных заведений с целью освобождения преподавательского состава от «социально чуждых элементов». В

одной из статей издававшейся в ВГУ газеты «Красный университет» от 10 февраля 1930 г. говорилось: «Чистка должна ликвидировать вопиющий отрыв университета от пролетарской общности», дать отпор реакционным веяниям среди научных работников⁵. Предполагалось «вычистить» классово засоренный состав» и на место выбывших поставить работников из рабоче-крестьянской среды. В этой связи было проанализировано социальное происхождение всех научных сотрудников. В списки нежелательных по социальному происхождению попали В.Ф. Карельский (сын священника) и его жена А.Ф. Карельская (дочь мещанина)⁶. 25 марта 1930 г. началась чистка работников НИИ при ВГУ, одновременно подобные же процессы происходили и в СХИ.

После увольнения В.Ф. Карельский собирался вместе с семьей переехать в Самарканд, но неожиданный арест нарушил эти планы. 12 февраля (по другим данным – 11 февраля) 1930 г. В.Ф. Карельский был арестован Воронежским отделом ПП ОГПУ по Центральному Черноземному округу как «участник «Бувевской» контрреволюционной организации церковников». Епископ Алексей Буй, назначенный временно управляющим Воронежской епархией вместо арестованного в 1926 г. архиепископа Петра (Зверева), осудил известное «Послание к пастырям и пастве» патриаршего местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского) от 29 июля 1927 г., призывавшее признать советскую власть как власть от Бога, и отказаться от борьбы с ней. За это он был отстранен митрополитом Сергием от управления епархией и уволен «на покой». Однако очень быстро Воронежская епархия стала одним из сильнейших очагов иосифлянского движения, сопротивлявшегося сергианству. А. Буй призвал своих сторонников признать патриаршим местоблюстителем митрополита Иосифа (И.С. Петровых), подписавшего акт об отходе от митрополита Сергия и возглавившего особое церковное течение, получившее название по его имени. В результате по сфабрикованному так называемому «бுவевскому делу» в начале 1930 г. были арестованы 134 человека, всего же были привлечены 492 человека, из которых 11 человек приговорены к высшей мере наказания. Во время второй волны «бுவевского дела» в 1932-1933 гг. были арестованы 202 человека⁷.

В докладе ПП ОГПУ по ЦЧО от 15 октября 1930 г. о контрреволюционных церковных и сектантских организациях и группах, ликвидированных в 1930 г., говорилось: «В соответствии с поставленными задачами и стремлением наибольшего охвата крестьянской верующей массы для срыва мероприятий советской власти, в особенности по коллективизации, организация «бுவевцев» строилась применительно к церковно-монархической структуре, создавая свои периферийные группы, в основном около приходских советов... Разъездными пропагандистами и связистами по информации о настроениях крестьянства и руководству опорными пунктами были арх. Тихон Кречков, игумен Иосиф Яцук и иеромонах Мелхиседек Хухрянский, миряне Карцев, Карельский, Поляков и др... Контрреволюционная церковно-монархическая организация «бுவевцев» составила в основном из духовенства, бывших офицеров и дворян, торговцев, кулаков, монашествующего элемента и интеллигенции. Данными следствия установлено, что в составе руководящего центра «бுவевцев» были: 15 попов, 3 бывших офицера, 2 бывших

дворянина и помещика, 1 представитель «Союза русского народа», 1 служащий (доцент)»⁸.

В.Ф. Карельский упомянут в докладе ПП ОГПУ по ЦЧО дважды – как «разъездной пропагандист» и как входящий в состав «руководящего центра буюевцев» служащий (доцент). Ему было предъявлено обвинение в том, что «бывая в Алексеевском монастыре, среди верующих вел антисоветскую агитацию и призывал крепко держаться старой веры и не подчиняться антихристовой власти»⁹. 28 июня 1930 г. он был приговорен к 10 годам исправительно-трудовых лагерей по ст. 58-10 ч. 2, 58-11 УК РСФСР.

23 июля 1930 г. обвинительное заключение по делу так называемой контрреволюционной церковно-монархической организации «буюевцев» было утверждено полномочным представителем ОГПУ по Центрально-Черноземной области Н. Алексеевым. В нем говорилось, что подпольная религиозная организация ставила своей целью поднятие массового выступления крестьянства против советской власти и восстановление монархического строя¹⁰.

В.Ф. Карельский был отправлен в Ухтинско-Печорский исправительно-трудовой лагерь (Ухпечлаг), созданный 6 июня 1931 г. на базе Ухтинской экспедиции ОГПУ в Коми-Зырянской области. Заключение этого лагеря занимались разведкой и добычей нефти и угля в Ухтинско-Печорском районе, обслуживанием деятельности Ухто-Печорского треста ОГПУ-НКВД, занимавшегося добычей угля, нефти, радия, газа в Воркуте и Инте, строительством газового завода, автомобильных и железных дорог, баржестроением, лесозаготовками и т.д.¹¹

На место ссылки В.Ф. Карельский прибыл 2 сентября 1930 г. и уже 15 сентября приступил к работе в Центральной химической лаборатории 2-го промысла Ухпечлага в должности геофизика, которую он занимал большую часть своего срока – до 29 апреля 1936 г. Одновременно, по совместительству, он преподавал физику на курсах химиков-лаборантов и два последних года заключения работал учителем физики в 5-м и 6-м классах средней школы.

Все время заключения В.Ф. Карельский продолжал заниматься исследовательской работой по изучению радиоактивных веществ края, за что получал благодарности и премии от лагерного начальства. К окончанию срока ему удалось создать оборудованное необходимой аппаратурой физическое отделение химической лаборатории и наладить его работу. В ноябре 1935 г. это отделение получило стахановскую грамоту.

В Музее истории пос. Водный (филиал Ухтинского историко-краеведческого музея) сохранился машинописный протокол производственного совещания Промысла № 2 им. ОГПУ 1932 г. с программой работ по добыче радиоактивных вод на 1933 г., переданный из архива преемника Радиевого промысла Ухтинского электрокерамического завода «Прогресс». Из протокола следует, что в совещании участвовали основные специалисты промысла, в числе которых значится и В.Ф. Карельский. Документ содержит итоговые положения совещания о необходимых мерах по разведке и добыче радиоактивных вод и решение усилить разведочные работы, подготовив эксплуатационные поля, а также выявив новые поля для работ 1934 г.¹²

Почти сразу после вынесения приговора жена В.Ф. Карельского Александра Федоровна Карельская, также научный работник (некоторые ее письма посланы в конвертах со штампом Общества любителей Естествознания и сельского хозяйства при Воронежском сельскохозяйственном институте), начала борьбу за пересмотр дела мужа. Свое первое обращение в Московское отделение ГПУ она подала в октябре 1931 г. Далее последовали многочисленные письма, в которых она доказывала, что хотя ее муж действительно был религиозно настроенным человеком, чего он никогда не скрывал, но он никогда не вел ни религиозной, ни антисоветской агитации. А.Ф. Карельская назвала подобные обвинения следствием «недостаточно проверенных фактов и детски наивных по содержанию» выводов пристрастных следователей.

Не добившись пересмотра дела, она начала хлопоты о замене концлагеря ссылкой в более мягкую по климатическим условиям местность, так как состояние здоровья ее мужа начало резко ухудшаться. В начале 1933 г. А.Ф. Карельская писала заместителю Е.П. Пешковой М.Л. Винаверу, что два года пребывания в северном климате серьезно подорвали физическое состояние ее мужа. К тому же напряженная работа с микроскопом отрицательно сказалась на его зрении – развилась глаукома, приведшая к воспалению сетчатки глаза.

Вскоре А.Ф. Карельская начала ходатайство о переводе мужа в качестве вольнонаемного в Свердловский научно-исследовательский институт – Уралфизхим, руководители которого выразили охотное желание принять специалиста на работу после соответствующего разрешения из Москвы. Ни руководство Ухтпечлага, ни Свердловское ОГПУ не настаивали на дальнейшем пребывании В.Ф. Карельского в лагере из-за повреждения его зрения.

В конце 1933 г. ходатайство А.Ф. Карельской о досрочном освобождении мужа по состоянию здоровья (инвалид 3-й категории) было направлено Помполитом в Главное Управление Лагерями, однако никакого действия оно не возымело. И только спустя два года постановлением Особого Совещания при НКВД СССР от 1 ноября 1935 г. за хорошую производственно-исследовательскую работу срок отбытия наказания В.Ф. Карельскому был сокращен на один год. 22 марта 1936 г. вышел приказ о его освобождении, и в апреле он вышел на свободу. В том же году В.Ф. Карельский начал борьбу за свою реабилитацию, обратившись за помощью к Е.П. Пешковой. Однако понадобилось более трех десятков лет, чтобы справедливость наконец-то восторжествовала – постановлением президиума Воронежского облсуда от 28 июля 1968 г. В.Ф. Карельский, переехавший после освобождения в г. Иваново, был полностью реабилитирован. А.Ф. Карельская после переезда была принята на кафедру микробиологии Ивановского государственного медицинского института в качестве ассистента и в 1950-е гг. защитила кандидатскую диссертацию на тему «К вопросу об изменчивости стафилококков».

В публикуемых ниже документах расставлены знаки препинания, исправлены стилистические погрешности и раскрыты сокращения.

№1

Письмо А.Ф. Карельской в Московское ОГПУ

16 мая 1932 г.

В МОСКОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ГПУ

Члена профсоюза Работников
просвещения и Секции Научных
Работников Карельской А.Ф.,
проживающей в городе Воронеже
по улице Ленина в доме № 67,
по делу осужденного Коллегией
ОГПУ от 28 июня 1930 года за
№ 102384 в концлагерь на 10 лет
Владимира Федоровича Карельского.
Дело находится в прокуратуре
Верховного Суда

З А Я В Л Е Н И Е

Снова обращаюсь с ходатайством по делу моего мужа Карельского Владимира Федоровича, осужденного по статье 58-10,11 и в настоящее время находящегося в Коми-Зырянской области, Ухтлаг, Промысел № 2 на работе по специальности геофизика. Ему предъявлялось обвинение к принадлежности к «Бувеской» организации, в агитации, будучи под следствием в контрреволюционном разговоре с неизвестным ему лицом, и прочие мелкие обвинения, как результат недостаточно проверенных фактов и детски наивных по содержанию. Не вдаюсь в подробности дела, сущность которого сводится к тому, что мой муж является религиозно настроенным человеком, чего он никогда не скрывал, но и нигде не распространял своих взглядов.

Будучи его женой и другом в течение 6 лет, я категорически отрицаю всякую возможность его принадлежности к какой-либо контрреволюционной организации, а тем более к «Бувеской», о существовании которой, как он мне передавал при свидании, узнал впервые в тюрьме и не был также знаком с лицами, привлеченными по этому делу. Все возбуждаемое против него дело является результатом не вполне проверенных сведений, основанных, безусловно, на оговорках, например, 70-летней старухи, оно лишено всяких фактических данных, более того, оно есть вывод пристрастного провинциального следствия и не имеет за собой состава преступления.

С городом Воронежем мой муж, переведенный туда с 1920 года, не имеет вообще прочных связей, на что указывает то, что после отчисления его от Сельско-Хозяйственного Института мы собирались на работу в г. Самарканд, но неожиданный арест прервал отъезд.

Конечно, странно, что, будучи физиком, он является религиозным человеком, однако должна упомянуть, что было время, когда он был атеистом. Его религиозное настроение за последние годы ни в коем случае не может служить поводом к обвинению, тем более что в нашей республике есть закон свободы вероисповедания.

С точки зрения научного работника я должна сказать, что он был специалистом в области физики и имел в этой области научные исследования, достаточный стаж и обладал организационной способностью. Последние 7-8 лет он был занят исключительно научной работой, проводя все время с утра до вечера в лаборатории, что может быть подтверждено его сослуживцами.

Принимая во внимание то, что в настоящее время широкой стройки нашего Союза, когда работники науки так же необходимы и ценны, как и работники техники, и учитывая 6 условий т. Сталина, я прошу вас обратить внимание на дело моего мужа, подвергнуть его пересмотру, отменить наказание, которое он незаслуженно несет уже третий год на севере, предоставить ему возможность приложить свои знания для развития научно-исследовательской работы в нашей стране и разрешить ему проживать совместно с семьей.

Справка, биография Карельского В.Ф. приложена мной при заявлении, поданном в МО ГПУ в октябре 1931 года.

16/V-32 г.

ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 392. Л. 69. Машинопись.

№2

Письмо А.Ф. Карельской М.Л. Винаверу

7 января 1933 г.

Многоуважаемый Михаил Львович!

Я уже неоднократно запрашивала Вашу организацию относительно того, имеются ли какие-либо ответы на мои заявления, поданные через Политпомощь по делу моего мужа Карельского Владимира Федоровича, но до сих пор ничего не имею. Первое заявление мое было в мае (16/V) в Канцелярию МГПУ о пересмотре и второе, по совету Екатерины Павловны, 12-го июля, я проездом через Москву, возвращаясь со свидания, направила в Президиум МГПУ о замене концлагеря ссылкой в более южную местность, чем Ухта, по причине подорванного здоровья мужа после более 2-х летнего пребывания в северном климате. Очень Вас прошу сообщить мне, имеются ли какие-либо результаты в отношении поданных через Вашу организацию ходатайств. Меня это удивляет, так как Екатерина Павловна обнадеживала на вероятную возможность удовлетворения вопроса моего ходатайства. Будьте добры, не откажите в ответе в ближайшее время. А. Карельская.

ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 866. Л. 15. Автограф.

№3

Письмо А.Ф. Карельской М.Л. Винаверу

20 января 1933 г.

Многоуважаемый Михаил Львович!

Я тщательно жду ответа на мои неоднократные письма с запросом относительно результатов моих заявлений по делу моего мужа Карельского Владимира Фе-

доровича, осужденного Воронежской коллегией ОГПУ в концлагерь на 10 лет. В половине мая 1932 г. я подавала заявление в Московскую коллегию ГПУ о пересмотре его дела и в июле, мимоходом со свидания, я подала через Политпомощь по совету Екатерины Павловны ходатайство в Президиум Коллегии ОГПУ о переводе мужа из концлагеря в сыльное положение в местность, несколько южнее, чем Усть-Ухта, на работу по специальности его как научного работника (ассистент СХИ и ВГУ) по прикладной физике и метеорологии, по причине ухудшившегося состояния здоровья. Посылала несколько писем, но ответа до сих пор не имею, в то время как другие, подобные мне, жены в настоящие дни получают от Вас письменные извещения. Очень беспокоюсь, не затеряно ли было у Вас мое второе ходатайство, хотя я лично, не по почте, его передала. Будьте добры, сообщите, что известно и как можно помочь человеку, уже пробывшему 3 года на севере, уже пора бы получить некоторое облегчение. Жду с нетерпением Вашего ответа. Уважающая Вас, А. Карельская.

20/I-33.

ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 866. Л. 13. Автограф.

№4

Письмо М.Л. Винавера А.Ф. Карельской

21 февраля 1933 г.

В ответ на Ваше обращение сообщаю, что так как до сего времени ответа на Ваше заявление о переводе Вашего мужа Владимира Федоровича Карельского в более южную местность, где мог бы работать по специальности, не получено, Вы можете прислать нам новое заявление на имя ОГПУ. Попробуем возбудить ходатайство снова.

21/II-33.

ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 866. Л. 12. Автограф.

№5

Письмо А.Ф. Карельской М.Л. Винаверу

23 марта 1933 г.

Многоуважаемый Михаил Львович!

В ответ на Ваше извещение, что до сих пор не последовало ответа на мое заявление от июля 1932 г. согласно Вашему указанию, я снова посылаю через Ваше посредство ходатайство по делу моего мужа Карельского Владимира Федоровича с просьбой о досрочном освобождении или, в крайнем случае, сокращении срока пребывания в лагере. Это ходатайство я хотела лично привезти к Вам в Москву в связи с предполагавшейся служебной командировкой, которая, к сожалению, не состоялась.

Я очень прошу Вас, насколько возможно, постарайтесь получить ответ на это ходатайство в ближайшее время, так как я предполагаю с открытием нави-

гации проехать к мужу на свидание (к тому времени буду иметь отпуск), и мне очень хотелось бы хотя чем-либо утешить страдающего человека, да и для себя лично получить облегчение. В местности, где проживает мой муж (Ухта), проводится колонизация в конце срока, и я хотела опять с Вами посоветоваться о том, следует ли ему записываться к колонистам, так как в прошлом году Вы не советовали. Судя по письмам мужа, он проделал там научные открытия и подготовил к напечатанию работы по исследованию радиоактивных веществ этого края, за что был отмечен премией.

При колонизации приезд семьи как будто не обязателен, да я и не могу поехать – у меня на руках очень престарелая больная мать, которую невозможно перевезти. Сама я не прочь была бы поехать, так как настолько устала жить в материальной нужде, но это невыполнимо. Почему на основании изложенного я очень прошу Вас посодействовать удовлетворению моего ходатайства и получить результат, а не так, как это было с предыдущими безответными обращениями через Ваше посредство. Надеюсь, что все зависящее от Вас предпримите. Жду Вашего ответа. А. Карельская.

ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 866. Л.11. Автограф.

№6

Письмо А.Ф. Карельской М.Л. Винаверу

19 апреля 1933 г.

Многоуважаемый Михаил Львович!

Есть ли какой в настоящее время результат на мое ходатайство, пересланное через Вашу организацию по делу моего мужа Карельского Владимира Федоровича (Воронеж, 1930). Заявление я переслала к Вам более месяца тому назад (о досрочном освобождении). В виду того, что мой муж на работе в лагере с микроскопом испортил зрение и освобожден в настоящее время от работы такой, то могу ли я ходатайствовать о переводе его в качестве вольновысылаемого на работу в Свердловский научно-исследовательский институт – Уралфизхим. По переговорам с дирекцией последнего выяснилось, что они охотно его примут, было бы только разрешение Центра. Свердловский ГПУ не возражает. Ухтпечлаг, где он сейчас находится, даже ввиду повреждения зрения не будет особенно задерживать. Если можно мне об этом ходатайствовать, то очень прошу Вас срочно напишите мне, куда адресовать такого рода заявление. Полагаю, что это не вполне в компетенции Цулага, а скорее обратиться в комиссию или президиум. Очень прошу сообщить об этом Ваше мнение, как об этом, так и о ранее изложенных вопросах о колонизации.

Убедительно прошу не отказать в ответе в ближайшие дни. Уважающая Вас А. Карельская.

19/IV-33 г.

ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 866. Л. 8-10. Автограф.

№7

Письмо А.Ф. Карельской М.Л. Винаверу

29 мая 1933 г.

Многоуважаемый Михаил Львович!

Не позже, как в начале марта, я послала через Вашу организацию ходатайство по делу моего мужа Карельского Владимира Федоровича, находящегося в концлагере в Усть-Ухте, высланного еще в 1930 году. Ввиду потери им при работе в концлагере с микроскопом зрения и ухудшения общего состояния здоровья за время проживания в суровых условиях севера, а также принимая во внимание сделанные им достижения по своей специальности (физик), за что он был неоднократно премирован, я просила о досрочном освобождении или по крайней мере сокращении срока. До сих пор я не имею от Вас никакого уведомления о результате ходатайства, точно также как не имею ответа и на прежде (в прошлом году) посылаемые ходатайства: а) о пересмотре дела, б) о переводе его южнее ввиду состояния здоровья. Неужели все посылаемые через Вас ходатайства являются пустым делом? И что ваша организация не в состоянии оказать какой-либо помощи в поддержании этих ходатайств?

Если имеется у Вас полученный ответ на последнее мое заявление, то прошу Вас сообщить по адресу: г. Воронеж, ул. Ленина, 67. Анне Федоровне Карельской.

Если же нет до сих пор ответа, то прошу Вас запросить и возможно скорее дать ответ.

Извините за тон своего письма, но он невольно создается, так как такой запрос я делаю Вам не в первый раз и не имею ответа.

29/V-33 г.

Марки для ответа прилагала неоднократно раньше.

ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 866. Л. 20.

№8

Письмо М.Л. Винавера А.Ф. Карельской

31 мая 1933 г.

В ответ на Ваше обращение сообщаю, что для ходатайства об освобождении Вашего мужа Владимира Федоровича Карельского из лагеря по болезни пришлите нам заявление на имя ОГПУ, не длинное, но мотивированное, с просьбой освидетельствовать Вашего мужа, после чего можно будет хлопотать о прикреплении его к Свердловску.

ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 866. Л. 7. Автограф.

№9

Письмо А.Ф. Карельской М.Л. Винаверу**1 июня 1933 г.**

Многоуважаемый Михаил Львович!

Проездом через Москву, возвращаясь со свидания со своим мужем Карельским Владимиром Федоровичем (ассистент физики) из Ухты (промысел 2), по предложению Вашей организации я снова подала заявление в Гулаг на основании того, что здоровье моего мужа я нашла по сравнению с предыдущим годом значительно ухудшившимся, а затем еще и потому, что, несмотря на запрос Гулага о его переосвидетельствовании, такого произведено не было, но пришлось только случайно узнать, что запрос был, на который последовал ответ, что Карельский там необходим, как специалист. Пусть будет так, что он необходим, но это не значит, что нужно держать его при таком состоянии здоровья после 3-х лет в суровых северных условиях лагеря и не заменить его другим аналогичным специалистом. Он уже достаточно много существенного сделал для того края, что пора и дать ему облегчение. Такое задержание ведет только к нервозности, потере трудоспособности, полной апатии, в то время, как он мог бы быть полезен в иных условиях.

Я очень беспокоюсь за оставленное у Вас заявление, т.к. в прошлом году оставленное таким образом затерялось, почему я обратилась к Вам с просьбой продвинуть поскорее это заявление надлежащим образом. Мой муж чувствует себя очень плохо, 2-й год имеет 3-ю категорию здоровья, живет только надеждой на помощь из Центра, через Ваше содействие. Не откажите, пожалуйста, сообщить мне, в каком положении находится в настоящее время мое ходатайство и на что можно надеяться. Простите, что беспокою, но я очень удручена тем состоянием, в каком нашла мужа. Я неоднократно слышала, что Ваша организация добивалась и доставляла облегчение, и я позволю себе надеяться, что и по отношению к моим хлопотам о муже Ваше содействие принесет благоприятный результат. Жду Вашего скорого ответа. Уважающая Вас А. Карельская.

1/VI-33 г. адрес: г. Воронеж, ул. Ленина, 67. Анне Федоровне Карельской.

ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 866. Л. 3-4. Автограф.

№10

Письмо А.Ф. Карельской в Московское ОГПУ**8 июня 1933 г.**

Москва, ОГПУ

От члена секции научных
Работников и Союза Рабпроса
Карельской Анны Федоровны,
проживающей в городе Воронеже
по улице Ленина в доме № 67,

по делу Карельского
Владимира Федоровича,
осужденного Коллегией ОГПУ
в г. Воронеже 28/VII 1930 года
за № 102384

З А Я В Л Е Н И Е

Прошу освидетельствовать состояние здоровья моего мужа, бывшего старшего ассистента по кафедре физики Воронежского сельскохозяйственного института и Воронежского государственного университета Карельского Владимира Федоровича, находящегося в концентрационном Ухто-Печорском лагере на промысле №2, работающего по своей специальности физика. Настоящая просьба вызвана ухудшившимся состоянием здоровья вообще, и в частности ухудшением зрения моего мужа. Последнее обстоятельство возбуждает беспокойство ввиду тяжелой наследственности – глаукомы в роду моего мужа.

Общее ухудшение здоровья я наблюдаю сама, что же касается зрения, то ухудшение его влиянием работы с микроскопом повело к освобождению моего мужа от этих занятий ввиду воспаления сетчатки правого глаза.

г. Воронеж, ул. Ленина, д. 67. 8 июня 1933 г. А. Карельская.

ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 866. Л. 22. Машинопись.

№ 11

Письмо А.Ф. Карельской Е.П. Пешковой

22 июня 1933 г.

г. Москва, Кузнецкий Мост, 24. Политпомощь,
Екатерине Павловне Пешковой

Многоуважаемая Екатерина Павловна!

Очень прошу Вас продвинуть мое ходатайство, прилагаемое к этому письму, о переводе моего мужа в г. Свердловск. Одновременно начинает ходатайство и директор Уралфизхима, так как это учреждение крайне нуждается в такого рода специалисте (физике), как мой муж.

Хочу надеяться хоть на этот раз, эти хлопоты не останутся безрезультатны. Убедительно прошу Вас настоящее мое заявление провести возможно скорее, а на предыдущие мои ходатайства, как о переводе его южнее (еще летом предыдущего года – июль) и о разрешении совместного жительства с семьей, затем о сокращении срока (февраль 1933) – так и нет никакого ответа.

Сообщите, что Вам известно, особенно о сокращении срока.

Адрес: г. Воронеж, ул. Ленина, д. 67. А. Карельская.

22/VI-33.

ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 866. Л. 18.

№12

Письмо М.Л. Винавера А.Ф. Карельской**23 июля 1933 г.**

В ответ на Ваше обращение сообщая, что согласно справке, Ваше заявление переслано в Гулаг на предмет медицинского освидетельствования Вашего мужа, Владимира Федоровича Карельского. По получении результата Вас уведомим.

ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 866. Л. 6. Автограф.

№13

Письмо А.Ф. Карельской М.Л. Винаверу**14 ноября 1933 г.**

Многоуважаемый Михаил Львович!

Мне неоднократно муж – Карельский Владимир Федорович, находящийся в Ухтпечлаге, писал о том, что в «Известиях» было напечатано об утверждении нового Кодекса. То же самое было напечатано и в их лагерной газете. Он этим заинтересован, как 10-тилетний (заключенный. – В.А.). Теперь он просит меня справиться, что этот новый Кодекс, есть ли закон Сольца¹ о замене 10-ти лет 5-ю годами и действительно ли такой закон утвержден и проводится в жизнь. Я полагаю, что Вам это более чем кому другому известно, и Вы можете мне это положение или подтвердить, или опровергнуть.

Очень прошу Вас не отказать в скором ответе.

На свое же ходатайство о досрочном освобождении мужа (специалиста) по состоянию здоровья, согласно Вашему обещанию, получила ответ через Вас приблизительно 2 декабря настоящего года (по Вашей справке оно направлено в Главное Управление лагерями). Я терпеливо и с надеждой на лучшее жду.

Пора бы уже мужу получить облегчение, а также и мне хоть немного отдохнуть от нужды.

Уважающая Вас А. Карельская.

г. Воронеж, ул. Ленина, 67. Анне Федоровне Карельской.

14/XI-33 г.

ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 266. Л. 332-333. Автограф.

№14

Письмо А.Ф. Карельской Е.П. Пешковой**4 декабря 1933 г.**

Многоуважаемая Екатерина Павловна!

Получила Ваше извещение о том, чтобы подать заявление с просьбой о пересвидетельствовании моего мужа – Карельского Владимира Федоровича, что и выполняю, прилагая при сем письменное такого рода заявление. Совместно с этим

¹ А.А. Сольц – с 1921 г. член Верховного Суда РСФСР и заведующий юридическим отделом Рабкрин, с 1923 г. – член Верховного Суда СССР. С 1935 г. – заместитель верховного прокурора, затем председатель юридической коллегии Верховного Суда.

прошу продвинуть его в спешном порядке, т.к. чтобы в случае его проведения южнее (желательно в г. Свердловск), где его не прочь принять в чине научного работника Уралфизхима, это свершилось бы в течение теплого времени этого года. Считаю нужным, вслед за этим вскорости послать Вам на имя ОГПУ дальнейшее ходатайство о переводе его южнее г. Свердловска. Очень прошу не подвергать эти заявления продолжительной волоките и в результате оставить без ответа, как это было до сих пор со всеми подаваемыми через Вашу организацию моими ходатайствами по делу мужа, почему я даже потеряла уверенность в действенности Вашей помощи.

Когда слышишь то и дело об освобождении или сокращении срока других заключенных, пробывших в лагере гораздо меньше времени, то удивляешься, почему же так, когда муж, находясь на хорошем счету, как работник лагеря, получил несколько премий за свои научные работы, так и проведенный уже 3 зимы в суровом климате, не получает все же никакого смягчения. У меня лично начинает падать уверенность, что я когда-либо дождусь его, к тому же силы личные чрезвычайно подорвались в настоящей тяжелой жизни. Еще раз прошу не оставить без внимания мою просьбу.

А. Карельская.

4/ХІІ-33 г.

ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 866. Л. 24. Автограф.

№15

Письмо А.Ф. Карельской М.Л. Винаверу

5 декабря 1933 г.

Многоуважаемый Михаил Львович!

Два месяца назад было от Вас извещение о том, что ходатайство мое о досрочном освобождении моего мужа, Карельского Владимира Федоровича (научный работник, специалист-физик), находящегося в концлагере на Ухто-Печоре (Промысел 2), по состоянию здоровья (3-я категория) было Вами препровождено в Главное Управление Лагерями, и что Вы меня известите через два месяца о результате. Теперь я с нетерпением жду этого ответа и прошу Вас навести справку и известить меня. Одновременно прошу Вас сообщить о том, принят ли закон Сольца о замене 10 лет 5-ю годами, о чем я недавно Вас запрашивала, но ответа не получила.

Уже 4-ю зиму при низком состоянии здоровья проводит муж в тяжелых северных условиях, несмотря на свои заслуги во время отбывания лагеря, а именно – сделанные им открытия в той местности, имеющие существенное значение (по радиоактивности), несколько научных исследовательских работ и прочее.

Прошу Вас поддержать мое ходатайство и не дать человеку окончательно загубить здоровье.

Жду ответа по адресу: г. Воронеж, ул. Ленина, 67. Анне Федоровне Карельской.

А. Карельская. 5/ХІІ-33 г.

ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 266. Л. 334. Автограф.

№16

Письмо В.Ф. Карельского Е.П. Пешковой

4 июня 1936

Е.П. Пешковой
Помощь политзаключенным
от гр. Карельского
Владимира Федоровича,
гор. Иваново, ул. Боевиков, 60

Обращаюсь к Вам еще с одной просьбой.

Ранее, до ареста (1930 г.), я работал в должности старшего ассистента по физике в государственном университете и Сельско-Хозяйственном Институте. Был осужден по ст. 58-10-11 сроком на 10 лет. За время пребывания в концлагере я большую часть времени (с 15.IX.31 г. по 29.IV.36 г.), т.е. почти пять лет, работал в Центральной Химической лаборатории 2-го промысла Ухтпечлага, непрерывно в одной и той же должности.

Все это время я фактически вел всю исследовательскую работу и поставил методику производственной работы отдела. Помимо выполнения заданий, разработал ряд исследовательских проблем по собственной инициативе.

Одновременно, по совместительству, я вел преподавание физики на курсах химиков-лаборантов и, кроме того, в продолжение двух последних лет состоял преподавателем физики в советской средней школе Промысла 2 (в V и VI классах).

Работа моя ежегодно отмечалась благодарностями и премиями в приказах по Промыслу 2 (5 раз по производственной и 2 раза по учебной линии).

К моменту освобождения мною было развернуто, при содействии администрации химической лаборатории, вполне оборудованное физическое отделение лаборатории. В ноябре 1935 г. это отделение получило стахановскую грамоту.

Наконец, кроме расчетов 590 дней, Гулагом за хорошую производственно-исследовательскую работу была дана мне льгота 1 год (ноябрь 1935 г.).

На основании вышеизложенного прошу Вас ходатайствовать пред Гулагом о выдаче мне:

1) Справки о работе в физическом отделе химической лаборатории в качестве консультанта и научного руководителя (почти 5 лет),

2) Отзыв о моей производственной и научно-исследовательской работе.

Оба эти документа будут играть решающую роль в моей дальнейшей работе и, прежде всего, облегчить мне возможность избежать трений при поступлении на работу в высшие учебные заведения на прежнюю должность старшего ассистента.

В. Карельский.

4-VI-1936 г.

гор. Иваново, ул. Боевиков, 60.

ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1489. Л.114-115. Автограф.

¹ См.: Алленова В.А. «Невыносимо больно и обидно»: письма Н.П. Шестова в правозащитную организацию «Е.П. Пешкова. Помощь политическим заключенным» (Помполит) // Воронежский вестник архивиста. – Воронеж, 2018. – Вып. 15.

² ГАВО. Ф. 408. Оп. 1. Д. 36. Л. 72.

³ Акиншин А.Н. Священномученик Алексей Воронежский // Православная жизнь: (Orthodox life): (Прил. к «Православной Руси»). 1995. № 8 (548). С.11-12.

⁴ ГАВО. Ф. 1013. Оп. 7. Д. 5. Л. 35, 164.

⁵ Там же. Оп. 3. Д. 108. Л. 148.

⁶ Там же. Л. 176.

⁷ См. о «бுவевском деле»: Акиншин А.Н. Указ. соч.; Сапелкин Н. Бுவевский раскол в Воронежской епархии в 1927-1937 гг. // Сапелкин Н. Жребий истины. Церковные расколы XX века. – Воронеж, 2012. – С. 89-134; Шкаровский М.В. «Бுவевское» течение. По материалам следственных дел. [Электронный ресурс] – URL: <http://anti-raskol.ru/pages/817>; Овчинников П.А. Приходская жизнь Воронежской епархии в период существования Центрально-Черноземной области (1928-1934 гг.). Диссертация на соискание степени магистра богословия. – СПб., 2015. – [Электронный ресурс] – URL: <http://priest.cerkov.ru/2016/11/07/prihodskaya-zhizn-voronezhskoj-eparхии-v-period-sushhestvovaniya-centralno-chernozemnoj-oblasti-1928-1934-gg/>

⁸ Доклад ПП ОГПУ по ЦЧО о контрреволюционных церковных и сектантских организациях и группах, ликвидированных ПП ОГПУ по ЦЧО в 1930 г. 15 октября 1930 г. // «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922-1934 гг.). [Электронный ресурс] – URL: <http://istmat.info/node/27131>

⁹ Новомученики и Исповедники Русской Православной Церкви XX века [Электронный ресурс] – URL: http://www.pstbi.ccas.ru/bin/db.exe/koi/nm/?TYZCF2JMTdG6Xbu8cC0ZeynVeeWd668fc8Gcf8XU67GZd8vUfe8ctk*

¹⁰ Обвинительное заключение по делу контрреволюционной церковно-монархической организации «БУЕВЦЕВ» Центрально-Черноземной Области, Северо-Кавказского Края и Украины, подготовившей свержение Советской власти, восстановление монархии. [Электронный ресурс] – URL: <http://rpczmoskva.org.ru/oficialnye-dokumenty/obvinitelnoe-zaklyuchenie-po-delu-kontrrevolyucionnoj-cerkovno-monarxicheskoy-organizacii-buevcev.html>

¹¹ Кривенко С. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. Ухтинско-Печорский ИТЛ (УПИТЛар, Ухтпечлар). [Электронный ресурс] – URL: <http://old.memo.ru/history/NKVD/GULAG/r3/r3-442.htm>

¹² Виртуальный музей Гулага. [Электронный ресурс] – URL: <http://www.gulagmuseum.org/showObject.do?object=626297&language=1>

**«Сверх должности занимался приведением в порядок дел архива»:
формулярный список статского советника
Григория Борисовича Бланка**

В.В. Бахтин,
к. и. н., учитель истории
МБОУ «Гимназия имени Н.Г. Басова
при Воронежском государственном
университете»

15 сентября 1861 г. в Родословную книгу Дворянского Депутатского собрания Воронежской губернии был внесен Григорий Борисович Бланк¹.

Бланк накануне приобрел в московском опекуном совете с аукциона сельца Казанское и Малую Скорняковку Казинской волости Задонского уезда со сто со-рока восемью душами. Купчая была выдана 2-м департаментом Московской палаты гражданского суда².

1861 г. – это год Великой крестьянской реформы. Крепостное право было отменено. Дворянское землевладение, основанное на использовании принудительного крестьянского труда, нуждалось в кардинальных изменениях. Во многих владениях произошли крестьянские волнения³. Писатель Владимир Кораблинов⁴ в своем романе «Жизнь Никитина»: «Приехавший из Задонского уезда помещик Бланк рассказывал, что мужики, вырвав у старосты бороду, заперли его в «холодную» и, подступая к барскому дому, требовали, чтоб им показали подлинный царский указ. «Ту бумажку, что поп в церкви читал, – кричали они господину Бланку, – ты себе возьми, подотришь! А нам указ подавай!»⁵. Возможно, подобный экстремизм крестьян был следствием того, что Бланк был их «новым» помещиком и крестьяне не получили от него никаких благоденствий.

Григорий Борисович Бланк принадлежал к дворянскому роду, который обосновался в России при Петре I.

Родоначальником рода считался Яков Бланк, иноземец Саксонской земли⁶. Происходит из рода французских гугенотов, некогда бежавших в Германию. Его сын Иван Яковлевич (Иоганн Фридрих) Бланк (1708-1745) получил звание архитектора. По его проектам строились церкви в Санкт-Петербурге, Красном Селе, Царском Селе. Большой вклад внес Бланк в устройство фонтанов в Петергофе: по его проекту были сооружены каскады «Шахматная гора» и Римских фонтанов. По стопам отца пошел его сын Карл Бланк (1728-1793) – московский архитектор и инженер-строитель, один из последних мастеров барокко и первый по времени архитектор раннего классицизма.

Карл Иванович Бланк имел большую семью, и его дети связали себя брачными узами со многими знаменитыми родами России и обосновались в Центральном Черноземье.

Основателями тамбовской ветви дворянства стали – Петр Карлович и Борис Карлович. В 1795 г. коллежский советник Петр Карлович приобрел земли в Липецком уезде Тамбовского наместничества⁷. Борис Карлович Бланк (1769-1826) – поэт, переводчик, драматург, предводитель дворянства Можайского уезда. До Отечественной войны 1812 г. Бланки жили в Можайском имении, а когда французы подошли к Москве, выехали в сельцо Петровка Липецкого уезда, где проживала семья покойного брата. Весной 1815 г. Борис Карлович приобрел соседнее сельцо Елизаветино⁸.

Род Бланков утвержден Герольдией 28 августа 1846 г. за № 3776 в дворянстве и внесен в 3-ю часть родословной книги по Тамбовской губернии, после чего причислено и потомство Григория Бланка в 1852 г. Бланки были причислены к тамбовскому дворянству. Судьба была благосклонна к роду. У братьев было многочисленное потомство. У Петра Карловича – четыре дочери, вышедшие замуж за представителей дворянских родов Милютиных⁹, Вакселей, Павловых¹⁰, Буниных¹¹, Семеновых¹². У Бориса Карловича было семеро детей: пять сыновей и две дочери.

Дочери Варвара (1815-1892) вышла замуж за Николая Карловича Минха (1800-1863), а Мария (1819-?) – за Дмитрия Ладыгина (?-?).

Сыновья Григорий (1811-1889), Иван (1815-1885), Петр (1821-1886), Василий (1821-1897) в той или иной степени внесли вклад в общественно-политическую и культурную жизнь России.

Наиболее заметными деятелями были Григорий Борисович и Петр Борисович Бланки – публицисты, активные земские деятели Тамбовской губернии.

Григорий Борисович публиковался в «Трудах Вольного экономического общества», столичных периодических изданиях «Весть», «Русский мир», «Земледелие, садоводство и огородничество», «Экономические записки», «Новое время», «Финансовое обозрение», «Записках Лебедянского общества сельского хозяйства». Являлся сотрудником газеты «Весть».

С 1865 г. Г.Б. Бланк состоял гласным Усманского уездного земства, являлся постоянным секретарем земских собраний. Принимал участие в деятельности комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России под руководством министра П.В. Валуева¹³.

Петр Борисович Бланк состоял действительным членом Тамбовского статистического комитета. В 1866-1869 гг. был предводителем дворянства Липецкого уезда, в 1866-1871 гг. – председатель Тамбовской губернской земской управы¹⁴.

Оба брата являлись представителями консервативной мысли и были противниками отмены крепостного права в России¹⁵.

В 1853 г. Григорий Борисович Бланк вышел в отставку и проживал в с. Никольском Тамбовской губернии¹⁶. В 1868 г. стал действительным статским советником¹⁷. Являлся почетным мировой судьей по Усманскому округу Тамбовской губернии¹⁸. В 1886 г. вышел в отставку с земской службы. Умер в конце 1889 г.

В Государственном архиве Воронежской области отложился формулярный список почетного члена Совета Тамбовского Александрийского института благородных девиц статского советника Григория Борисовича Бланка.

Список был составлен в 1860 г. и представлен для внесения в родословную книгу дворян Воронежской губернии.

В описании служебной деятельности есть интересные факты, отражающие состояние архивного дела Российской империи в тот период. В начале XIX в. в связи с масштабными преобразованиями государственных органов Российской империи изменилось положение архивов. Возникали новые министерства, ликвидировались прежние учреждения и ведомства. Возникла эпоха «нестроения архивов», которая показана и раскрыта во многих публикациях¹⁹.

Сведения о служебной деятельности гражданского чиновника с необходимыми комментариями приводятся в данной публикации в соответствии с требованиями современной орфографии и пунктуации.

ФОРМУЛЯРНЫЙ СПИСОК²⁰

I. Чин, имя, отчество, фамилия, должность, лета от роду, вероисповедание, знаки отличия и получаемое содержание.

Статский советник Григорий Борисович Бланк, почетный член Совета Тамбовского Александрийского института благородных девиц²¹, статский советник²², 50 лет, православного вероисповедания, знак отличия безупречной службы XV лет, жалования не получает²³.

II. Из какого звания происходит.

Из дворян.

III-IV. Есть ли имение: У него самого и у родителей.

Благоприобретенное. Имение родителей: Тамбовской губернии Усманского уезда 142 души и 1438 десятин²⁴.

V-VI. Есть ли имение: У жены, если женат

Благоприобретенное – Тамбовской губернии Усманского уезда 105 душ и 1075 десятин земли²⁵.

VII-IX. Где получил воспитание и окончил ли полный курс наук в учебном заведении; когда вступил в службу; какими чинами, в каких должностях и где проходил оную; не было ли каких особых по службе действий или отличий; не был ли особенно чем-либо награждаем, кроме чинов. Годы, месяцы и числа.

По окончании полного курса благородного пансионата при Петербургском университете²⁶ выпущен из оного с аттестатом и с правом начала с 10 класса²⁷. 1828, июля 25.

Определен в Департамент народного просвещения²⁸ по особым поручениям, с назначением в помощь секретаря. 1829, августа 10.

По указу Правительствующего Сената утвержден в чине коллежского секретаря со старшинством со дня вступления в службу, т.е. с 1829, августа 10.

Помещен на вакансию младшего помощника столоначальника 1830, 2 июля.

По преобразованию Департамента народного просвещения и упразднения места младших помощников столоначальников утвержден помощником секретаря. 1831, сентября 19.

Произведен в титулярные советники со старшинством. 1832, августа 10.

Сверх должности занимался приведением в порядок дел по архиву департамента с 21 июня 1831 по 21 декабря 1832.

Перемещен на вакансию старшего помощника столоначальника. 1832, 1 декабря.

По ВЫСОЧАЙШЕМУ повелению пожалован подарком по чину. 1833, февраля 28.

Сверх обязанностей исправлял без жалования должность переводчика с разных языков как по Департаменту, так и по канцелярии Министерства народного просвещения и по комитету устройства учебных заведений со времени вступления в службу, т.е. с 10 августа 1829 по 24 августа 1833 года.

Определен столоначальником. 1833, 24 августа.

Помещен на вакансию секретаря. 1833, 6 сентября.

При образовании при секретарском столе временного стола поручено ему заведовать обоими столами. 1834, сентября 14.

По преобразовании департамента утвержден правителем канцелярии в VI классе²⁹. 1835, июня 6.

По сей должности состоял членом общего присутствия департамента, по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелению произведен в коллежские асессоры³⁰ со старшинством. 1836, февраля 14. [...].

Согласно прошению, по домашним обстоятельствам, уволен от службы. 1837, мая 24.

Удостоен МОНАРШЕГО благословения. 1837, 15 июня.

Определен в департамент государственных имуществ³¹ начальником судного отделения³² в VI классе 1837, 3 августа.

По закрытию Департамента помещен в первый департамент государственных имуществ³³ начальником того же отделения. 1838, января 1.

Вследствие всеподданнейшего доклада бывшего временного совета для управления Департамента государственных имуществ за отличную службу объявлено МОНАРШЕЕ благословение. 1838, 29 января.

Произведен в надворные советники³⁴ со старшинством. 1839, 6 марта.

В награду отменной усердной службы ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕ пожалован годовой оклад жалованья. 1839, 5 июня.

За поднесение ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ³⁵ и ГОСУДАРЫНЕ ИМПЕРАТРИЦЕ³⁶ изданного им сочинения, посвященного Августейшему имени Ее Величества под заглавием «Мысли о начальном воспитании»³⁷. Их Императорские Величества, удостоив книгу сию благосклонного принятия, ВЫСОЧАЙШИМ повелением соизволивших объявить ему МОНАРШЕЕ благословение, а Ее Величество кроме этого ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕ пожаловать ему изволила бриллиантовый перстень. 1839, 5 июня.

Имеет бронзовую медаль в память 1812 года.

По ВЫСОЧАЙШЕМУ повелению перемещен в IV отделение Собственно-го Его Императорского Величества канцелярии³⁸ старшим чиновником (V класса)³⁹. 1840, 23 марта.

От членов бывшего Временного Совета делоправления Департамента государственных имуществ выдано ему похвальное свидетельство, что в заведование его сосредоточивалось все казенное судопроизводство по части тяжб, исков Генерального и специального межевания, следственных уголовных и частных дел по всем 40 оброчным губерниям России и что слишком 1000 старых дел, найденных ВЫСОЧАЙШЕ, утверждены ревизионною комиссией без движения и крайне запущенных в течение 3-х лет и до 3500 вновь поступивших за 1837 г. дел и бумаг, к концу года не токмо привел дела в надлежащий порядок и дал законное течение, и окончил отличною своей деятельностью продлением, следствием чего было присуждение в казну награждение от неправильного присвоения до 200 тыс. десятин земли, 2 тыс. душ крестьян мужского пола, на значительной площади лесов и рыбных ловель, мельниц и других оброчных статей, капиталов на 120 тыс. руб., и, наконец, размежевание значительного числа дач. 1840, 21 мая.

Управляющий министерством государственных имуществ от 6 июля 1846 г. свидетельствовал⁴⁰, что Бланк заведовал судным отделением, состоящим из 5 ставок и полного численности и трудности дел, разделенным впоследствии на два отделения, отличными способностями и усердием обращал всегда на себя внимание начальства, по поводу чего во воздание ревностной службы, его особенные же отличных трудов по званию начальника судного отделения Департамент государственных имуществ оказанных, ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕЕ пожалован орденом Св. Владимира 4-й степени по статуту⁴¹. 1840, сентября⁴²

С ВЫСОЧАЙШЕГО соизволения сделал пожертвования для воспитанников и учебных заведений книгами своего сочинения на сумму 4 тыс. руб. ассигнаций. 1840, марта 2.

В награду отличного усердия к службе и полезных трудов пожалован кавалером ордена Св. Станислава 2-й степени⁴³. 1843, апреля 25⁴⁴.

Произведен в коллежские советники со старшинством. 1843, 25 июня.

С утверждением Главного Совета женских учебных заведений занимался производством дел оного по части хозяйственного управления всеми заведениями с 1 января 1845 г.

В награду отличной усердной службы и полезных трудов ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕ пожалован Кавалером ордена Св. Станислава 2 степени Императорскою Короною украшенного. 1845, августа 28.

ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕ пожалован знаком отличия беспорочной службы за XV лет. 1846, августа 22⁴⁵.

В воздание отличного усердия упомянутых трудов ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕ награжден годовым окладом жалования. 1847, апреля 19.

Высочайшим приказом, отданным по гражданскому ведомству, произведен в старшие советники со старшинством. 1847, июня 25.

Сверх своих должностей по Высочайшему повелению назначен членом в особый комитет при IV отделении Собственного Его Величества канцелярии, учрежденного для рассмотрения проекта правил отчетности и счетоводства по ведомству ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ⁴⁶ с 29 декабря 1848 по 29 мая 1850 г.

В воздании отличной усердной службы и особых трудов пожалован кавалером ордена Св. Анны 2-й степени. 1849, апреля 29.

ВЫСОЧАЙШИМ приказом 29 мая 1850 за № 103 вследствие прошения по болезни ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕ уволен в отставку с мундиром и пенсионом по 100 р. серебром в год из сумм Опекунского совета с выдачей сверх того единовременно 1140 руб. сереб[ром]. 1850, мая 29.

Вместе с сим по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелению, объявленному ему г. статс-секретарем Логвиновым⁴⁷ от 25 мая 1850 г. за № 472 Государыня ИМПЕРИАТРИЦА, снисходя на всеподданнейшую его просьбу, ВЫСОЧАЙШЕ утвердила его почетным членом Совета Тамбовского Александровского института благородных девиц и с правом присутствовать по возможности на его собраниях. 1830, июня 3.

Сверх того 29 марта 1855 года занимал должность попечителя семействам офицеров Усманской дружины Тамбовского государственного подвижного ополчения⁴⁸ по возложении на него положений дворянства обязанности.

Х. Был ли в походах против неприятеля и в самых сражениях, и когда именно? Не был.

ХI. Был ли в штрафках, под судом, под следствием и судом; когда и за что именно предан суду; когда и чем дело кончено?

Не был. [...]

XIV. Был ли в отставке с награждением чина, или без оно, когда и по какое именно время

Был с 24 мая 1834 по 3 августа того же года.

XV. Холост или женат, на ком, имеет ли детей, кого именно; год, месяц и число рождения детей; где они находятся и какого вероисповедания.

Женат на дочери коллежского советника Наталье Васильевне Карцовой.

Имеют детей: Василий,⁴⁹ родившийся 18 августа 1845, дочь Анна⁵⁰, родившаяся 12 апреля 1847 г., Борис⁵¹, родившийся 20 мая 1848 г., и Надежда⁵², родившаяся 31 марта 1850 г., вероисповедания православного⁵³.

Верно: председатель совета. Подпись.

С подлинника списал. Подпись.

ГАВО. Ф. И-26. Оп. 2. Д. 600. Л. 4-19. Копия.

Рукопись в формулярном списке типографском.

¹ ГАВО. Ф. И-26. Оп. 124. Д. 81. Л. 21.

² Там же. Л. 22.

³ Крестьянское движение в Воронежской губернии. (1861-1863 гг.) [Текст]: Документы и материалы / Гос. архив Воронежской обл. Воронежский гос. ун-т; [Предисл. доц. канд. ист. наук М.М. Шевченко, с. 5-25]. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1961. С. 36.

⁴ Кораблинов Владимир Александрович (1906-1989) – русский советский писатель, поэт и драматург, художник-график.

⁵ Цит. по.: Кораблинов В.А. Жизнь Никитина. Воронеж, 1976 [Электронный ресурс].

⁶ Губастов К.А. Бланки: Тамбовская ветвь // Известия Тамбовской ученой архивной комиссии, 1917, вып. 7. С. 287.

⁷ Сокольников С. На берегах Матыры // Грязинские известия. 09 февраля 2017 года.

⁸ В настоящее время с. Аннино Грязинского района Липецкой области.

⁹ Лукерья Петровна (1780-1811) – первая жена Алексея Михайловича Милютина (1780-1846), отца видных государственных деятелей России, рожденных от второго брака.

¹⁰ Анна Петровна (1789-?). Дважды выходила замуж. Первый раз за майора, дворянина шведского происхождения Павла Васильевича Вакселя (1773-1818). Вторым браком – за коллежским советником Николаем Ивановичем Павловым.

¹¹ Елизавета Петровна (1795-1864) выйдет замуж за Дмитрия Максимовича Бунина.

¹² Александра в 1821 г. выйдет замуж за члена Союза благоденствия Петра Николаевича Семенова (1791-1832). Их дети: Николай Петрович (1823-1904), государственный деятель, сенатор; Наталья Петровна (1824-1899), писательница, супруга академика Якова Грота; Петр Петрович Семенов-Тянь-Шанский (1827-1914), географ, ботаник, государственный и общественный деятель.

¹³ Валуев Петр Александрович (1815-1890) – русский государственный деятель, министр внутренних дел (1861-1868), разработчик земской реформы 1864 года, председатель Комитета министров (с 1879). Комиссия для исследования положения сельского хозяйства в Российской империи под председательством министра государственных имуществ статс-секретаря П.А. Валуева была созвана 26 мая 1873 года

¹⁴ Двухжилова И.В. Председатель Тамбовской губернской земской управы (1866-1892 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики, 2009. № 2. С. 28-29.

¹⁵ Веселовский, Б.Б. История земства за сорок лет. В 4-х томах: Т. 4. Санкт-Петербург: Изд-во О.Н. Поповой, 1911. С. 369.

¹⁶ В настоящее время часть поселка Добринка Липецкой области.

¹⁷ Действительный статский советник – гражданский чин IV класса в Табели о рангах.

¹⁸ Список гражданским чинам IV класса. Исправлен по 18 января 1879 года. Санкт-Петербург: Тип. Правительствующего сената, 1879. С. 228.

¹⁹ Самоквасов Д.Я. Архивное дело в России: Современное русское архивное нестроение. М., 1902; Чернов А.В. История и организация архивного дела в СССР (краткий очерк). М., 1940; Архивисты и историки во второй половине XIX – начале XX века. М., 1999, и др.

²⁰ Дело Воронежского дворянского депутатского собрания о правах на дворянское достоинство Задонского уезда статского советника Григория Борисовича начато 9 ноября 1860 – окончено 1861 г. ГАВО. Ф. И. 29. Оп. 124. Д. 81.

²¹ Александринский институт благородных девиц в г. Тамбове – закрытое женское учебное заведение для девочек благородного происхождения. Существовал с 1834 по 1918 г.

²² Статский советник – гражданский (статский) чин 5-го класса в российской Табели о рангах по 1917 год. Относился к 1-й группе чиновников (с 1-го по 5-й класс), объединявших представителей высшей номенклатуры, определявших курс политики государства. Носители данного чина имели особые привилегии и высокие должностные оклады.

²³ Знак отличия за беспорочную службу учрежден Николаем I 22 августа 1827 г. Минимальный срок выслуги для получения этой награды составлял 15 лет, и далее выслуга

отмечалась через каждые 5 лет. С 1858 г. Знак отличия беспорочной службы стал даваться гражданским лицам за выслугу 40 лет и более, военным – 30 и более.

²⁴ Сельце Елизаветино (Вербки) Липецкого уезда Тамбовской губернии (ныне с. Аннино Грязинского района Липецкой области).

²⁵ Сельцо Дмитриевка Усманского уезда Тамбовской губернии. В настоящее время Салтычки – село Хворостянского сельского поселения Добринского района Липецкой области.

²⁶ Благородный пансион при Императорском Петербургском университете – закрытое учебно-воспитательное заведение с целью обучения детей дворян для поступления на государственную службу или завершения образования на последних курсах института. Открыт 1 сентября 1817 г. Находился в ведомстве Министерства народного просвещения. В 1819 г., после преобразования Главного педагогического института в Императорский С.-Петербургский университет, получил наименование «Благородный пансион при Императорском С.-Петербургском Университете». В 1830 году преобразован в С.-Петербургскую (первую) гимназию.

²⁷ Коллежский секретарь – гражданский чин X класса в Табели о рангах.

²⁸ Департамент народного просвещения (1803-1917) – высший совещательный орган в Министерстве народного просвещения, был наделен главным образом административно-распорядительными функциями. С сентября 1831 года в департаменте была сосредоточена статистическая работа, а с июня 1835 года – хозяйственные дела, руководство архивом и книжным магазином, «Журналом Министерства народного просвещения».

²⁹ Коллежский советник – гражданский чин VI класса в Табели о рангах.

³⁰ Коллежский ассессор – гражданский чин VIII класса в Табели о рангах.

³¹ Департамент государственных имуществ – орган центрального управления казенными землями, лесами, оброчными статьями, государственными крестьянами, арендными и другими имениями. Существовал с 25.06.1811 по 26.12.1837.

³² Отделение судных и тяжбных дел (с 1830 г. – 5-е отделение) вело дела об имуществе казны, а также о землях и лесах, отведенных казенным крестьянам, их утрате или понесенных казной убытках, предъявляло иски казны по делам казенных крестьян; рассматривало жалобы казенных крестьян на казенное местное управление, а также дела, относящиеся к служащим департамента.

³³ Первый департамент Министерства государственных имуществ (МГИ). Образован 26 декабря 1837 г. в составе МГИ для управления государственными крестьянами 33-х великороссийских, малороссийских, новороссийских, закавказских (до 1841 г.) и сибирских губерний, а также Бессарабской губ., состоявшими на оброчном положении. Первоначально состоял из 9 отделений и канцелярий.

³⁴ Надворный советник – гражданский чин VII класса в Табели о рангах

³⁵ Николай I Павлович (1796-1855) – император Всероссийский 1825-1855.

³⁶ Александра Федоровна (1798-1860) – супруга российского императора Николая I.

³⁷ Бланк Г. Б. Мысли о начальном воспитании, или Семейная школа. Санкт-Петербург: тип. И. Глазунова и К°, 1839. 236 с.

³⁸ Собственная Его Императорского Величества канцелярия – учреждение, состоящее в непосредственном ведении Государя. В 1828 году было образовано четвертое отделение канцелярии для заведования управлениями – благотворительными и учебными, состоящими под покровительством Их Величеств. Управляющий IV отделения, статс-секретарь Григорий Иванович Вилламов (1771-1842) – член Государственного Совета; действительный тайный советник (1834).

³⁹ Статский советник – гражданский чин V класса в Табели о рангах.

⁴⁰ Возможно, Гамалея Николай Михайлович (1795-1859) – действительный тайный советник, товарищ (заместитель) министра государственных имуществ.

⁴¹ Императорский орден Святого Равноапостольного князя Владимира (сокр. – орден Святого Владимира) – орден Российской империи в 4 степенях за военные отличия и гражданские заслуги.

⁴² Возможна неточность – Г.Б. Бланк был награжден в октябре // См. Список кавалеров российских имп. и царских орденов за 1849 год: Ч. 2. Санкт-Петербург: тип. К. Вингебера, 1850. С. 572.

⁴³ Императорский и царский орден Святого Станислава – орден Российской империи с 1831 до 1917 года. Самый младший по старшинству в иерархии государственных наград, главным образом для отличия чиновников. Орден II степени – золотой крест меньшего размера на шейной ленте.

⁴⁴ Список кавалерам российских имп. и царских орденов за 1843: Ч. 5. Санкт-Петербург: тип. К. Вингебера, 1844. С. 174

⁴⁵ Список кавалерам российских имп. и царских орденов в течение 1846 года, служащий приложением к общему кавалерскому списку. – Санкт-Петербург: тип. К. Вингебера, 1847. С. 203.

⁴⁶ Ведомство учреждений императрицы Марии (IV отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии (1828-1854), Мариинское ведомство (1854-1880), Собственной Его Императорского Величества канцелярией по учреждениям императрицы Марии (1880-1917)) – ведомство по управлению благотворительностью в Российской империи.

⁴⁷ Николай Михайлович Лонгинов (1780-1853) – д. т. с., сенатор, член Государственного Совета, статс-секретарь, председатель комитета призрения заслуженных чиновников. С 1826 г. был назначен статс-секретарем для принятия прошений и членом комиссии прошений комитета призрения заслуженных гражданских чиновников, а также ему было поручено заведование всеми благотворительными и учебными заведениями, состоявшими под покровительством императрицы Александры Феодоровны.

⁴⁸ Народное ополчение было создано во время Крымской войны (1853-1856). Положение о государственном ополчении было принято 29 января 1855 года, и уже в апреле 1856 года оно было распущено. Усманской дружиной № 176 командовал майор Никанор Михайлович Полетаев, Липецкой дружиной – майор Иван Борисович Бланк, родной брат Г.Б. Бланка. Тамбовское ополчение охраняло прибрежные города Азовского моря.

⁴⁹ Василий Григорьевич Бланк (1844 – после 1917) – гласный Усманского земства, предводитель дворянства Усманского уезда (1875-1878). Действительный статский советник (1915). Член Совета Полтавского женского института (1916).

⁵⁰ Анна Григорьевна Бланк (1845-1906) – психически больная.

⁵¹ Борис Григорьевич Бланк (1847-1908) – губернский земский гласный, попечитель медицинского участка, уполномоченный Усманского земства в комитет по призрению семейств нижних чинов, призванных из запаса в армию, попечитель Усманской городской больницы.

⁵² Надежда Григорьевна (1850-1896), в замужестве Сиверс. Муж – генерал-лейтенант, начальник артиллерии 18-го армейского корпуса Михаил Александрович Сиверс.

⁵³ В Формулярном списке не указан сын – Николай Григорьевич Бланк (1851-1916) – штабс-ротмистр, попечитель Дмитриевско-Дуровского училища Усманского уезда. Женат не был.

Из истории Данковской волости Воронежского уезда начала 1920-х гг.

Г.Н. Мокшин,
д. и. н., профессор Воронежского
государственного университета

Данковская волость возникла в начале осени 1917 г. в связи с реформой земского самоуправления (создания т.н. волостного земства), затеянной Временным правительством для укрепления своей власти на местах. Центр новой волости находился в селе Данково Воронежского уезда, к которому примыкали четыре поселка: Рябчевский, Елифанский, Козьмодемьянский и Карамышевский. Общее число жителей – около 7 тыс. чел., в основном государственных крестьян.

Инициатива образования новой административно-территориальной единицы принадлежала самим местным жителям при поддержке Воронежского уездного земства. Известно, что еще весной 1917 г. в Данково возник Объединенный комитет, при котором 20 мая была образована читальня-библиотека. Тогда же началась запись в организуемый здесь Крестьянский союз¹.

Советская власть была установлена в Данковской волости весной 1918 г. После этого здесь был создан Волостной исполнительный комитет Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов и пять сельских советов. Действовал Данковский волостной ревком, который со 2 июня 1917 г. возглавлял один из первых местных большевиков – З.Г. Мокшин, вступивший в РСДРП(б) еще в августе 1917 г.

В ГАВО сохранились протоколы заседаний Данковского волисполкома за 1921-1922 гг., позволяющие воссоздать его состав и круг решаемых вопросов. Но наибольший интерес для историков представляет годовой отчет о деятельности волисполкома, представленный его председателем Ф.С. Мокшиным на Данковском волостном съезде 28 ноября 1922 г.

Публикуемый документ охватывает один из самых драматических периодов в истории советской России, когда на нее обрушился «царь-голод». В селе Данково в 1922 г., даже с учетом прекращения голодовки в августе, смертность от истощения и болезней превысила рождаемость в 3,5 раза. Значительное место в отчете Данковского волисполкома занимают всевозможные налоги и самообложения, которыми новая власть опутала местное население. Хорошо прослеживается руководящая роль вышестоящих (губернских и уездных) органов власти.

В то же время именно 1922 г. стал для местного населения годом долгожданного перелома. Заканчивалась Гражданская война, на которой только из Данковского волости на стороне красных воевали представители более 450 семейств². В отчете волисполкома за сентябрь отмечается возрождение местного хозяйства. Население начинает производить ремонт построек, «вечерами по хатам засветились огоньки, чего в течение 3-х предыдущих лет не наблюдалось»³. А некоторые жители настолько «воспрянули духом», что стали опять гнать саомогон, что было категорически запрещено и каралось штрафом в 10 тыс. руб. и 15-дневными принудительными работами.

Данковская волость просуществовала до конца 1923 г. Затем, в ходе кампании по ликвидации малонаселенных волостей, она была присоединена к соседней Можайской волости, от которой отделилась семь лет назад.

Документ публикуется в соответствии с требованиями современной пунктуации и орфографии.

ОТЧЕТ

**О работе Данковского волостного исполнительного комитета
Воронежского уезда. За время с 25 ноября 1921 г. по 28 ноября 1922 г.**

28 ноября 1922 г.

Данковскому Волостному Съезду

Состав Волисполкома

Волостной съезд Советов, прошедший 25 ноября 1921 года, избрал Волостной исполнительный комитет в следующем составе:

От Р.К.П.(б) – тов. Ф. Мокшин⁴, Т. Чернецов⁵ и П. Колосов⁶, беспартийный Ф. Некрасов.

31 декабря 1921 г., согласно поданному заявлению, уволен член Волисполкома Некрасов, а на его место введен член Р.К.П.(б) З. Мокшин⁷.

19 марта с.г. по сокращению штата волисполкомов выбыл член Волисполкома Чернецов.

По объявлении новых штатов 19 сентября с.г. штатными членами Волисполкома остались Ф. Мокшин и З. Мокшин, а т. Колосов освобожден от должности и являлся на заседания Волисполкома ввиду того, что секретарь Волисполкома не выборный.

Причем председателем Волисполкома состоял Ф. Мокшин.

Общие условия для работы исполнительного комитета были очень неблагоприятны, полная голодовка, недостаток мертвого и живого инвентаря, отсутствие денежных средств и вообще расшатанное сельское хозяйство – все это тормозило работоспособность и не могло не отразиться на результатах деятельности Волисполкома.

Для более успешного и продуктивного выполнения работы Волостной исполнительный комитет намечал на каждые 3 месяца план работы, который вносился на утверждение широкого пленума Волисполкома и уездного отдела Управления.

По советскому строительству

1. Новое положение о сельсоветах проведено в жизнь, сельских советов сокращено 2⁸.
2. Заседаний пленума Волисполкома за отчетный период проведено 4, заседаний волисполкома 34, объединенных заседаний 3 и беспартийных конференций 1.

Сельсоветы проводят общие собрания избирателей два раза в месяц.

3. Для связи с сельсоветами распределены члены Волисполкома, принимая участие в работах таковых.

В Уездный центр ежемесячно посылаются доклады о работе Волисполкома.

Копии протоколов заседаний Волисполкома посылаются в уездный отдел Управления на второй день.

Распоряжения и постановления губернского и уездного центра и их выполнение.

В отчетный период были получены следующие наиболее существенные постановления и распоряжения:

1. Постановление Губисполкома о самообложении населения на школы и др. просветительные учреждения.

Проведено в жизнь 15 января с.г.

2. Выписка из протокола Президиума уисполкома от 9 февраля с.г. о реорганизации селькомов.

Проведена в жизнь 9 марта с.г.

3. Распоряжение уездного отдела Управления за № 963 о сокращении штата Волисполкома.

Проведено в жизнь 19 марта 1922 г.

4. Телефонограмма за № 1 Укомиссии по проведению недели помощи Красной Армии.

Проведено в жизнь 28 марта с.г.

5. Телефонограмма Уисполкома за № 51 по обследованию прососостояния населения.

Проведено в жизнь 28 марта с.г.

6. Президиума Уисполкома за № 888 о налоге на содержание Волисполкома и сельсоветов.

Проведено в жизнь 28 марта с.г.

7. Уисполкома за № 1223 о том, что все распоряжения Уисполкома и Губисполкома обязательны.

Приняты к сведению, копии разосланы сельсоветам.

8. Уездного отдела Управления за № 2628 о перегруппировке селений волости по сельсоветам.

Проведено в жизнь 10 мая с.г.

9. Губисполкома о финансовых ресурсах и расходовании денежных средств. Принято к сведению, копии разосланы сельсоветам.

10. Уземотдела за № 1746 об учете состояния озимых и яровых посевов.

Составлена комиссия 31 мая с.г.

11. Обязательное постановление Губисполкома о заседаниях военной работы Волисполкома.

Выделено военное делопроизводство 31 мая с.г.

12. Уездного отдела Управления за № 1549 о проведении в жизнь положения о сельских караульных.

Проведено в жизнь 31 мая с.г.

13. Приказ № 1 Чрезвычайного уполномоченного по борьбе с пожарами по Воронежскому уезду.

Назначен Волуполномоченный 31 мая с.г.

14. Циркуляр Упродкома за № 3856 об уменьшении твердой контрольной цифры земли, подлежащей обложению продналогом.

Проведено в жизнь 16 июня с.г.

15. Уземотдела за № 2828 об организации Волостной земельной комиссии.

Исполнено 30 июля с.г.

16. Губпродкома за № 174 о порядке применения льгот в налоговую кампанию 1922/23 гг.

Принято к руководству, копии разосланы сельсоветам 18 августа с.г.

17. Копия циркуляра Губисполкома за № 2907 об административных взысканиях.

Принято к руководству, копия разослана сельсоветам 16 августа с.г.

18. Циркуляр Уисполкома за № 3093 об укреплении Соваппарата.

Принято к исполнению, копия [разослана] сельсоветам.

19. Положение о штатах Волисполкома и сельсоветов.

Проведено в жизнь 29 сентября с.г.

20. Уездного отдела Управления за № 882 о назначении ударных заседателей в особую сессию Нарсуда.

Исполнено 12 октября с.г.

Организационная деятельность

1. Для успешного проведения в жизнь самообложения на содержание школ и др. просветительных учреждений создана Волостная комиссия.
2. По обследованию продовольственного состояния населения создана Волостная комиссия.
3. Создана Волостная комиссия по даче сведений о ходе посевов и Устатбюро.
4. Создан Волостной сельскохозяйственный комитет.
5. По распоряжению Уземотдела организована Волостная комиссия по учету состояния озимых и яровых посевов.
6. Согласно распоряжению Уполитпросвета, организована Волостная Политико-Просветительная комиссия.
7. Организована Волостная земельная комиссия.
8. Организована комиссия для производства ревизии по распределению семсуды, выданной весной 1922 г.
9. Организована комиссия по проведению месячника по улучшению быта детей в детских домах.

Собрано добровольных пожертвований: подсолнуха 5 п., ржи 3 п. 20 ф. и про-са 1 п. и сдано в отдел Народного образования.

10. По борьбе с пожарами назначен Волостной чрезвычайно-уполномоченный из членов Волисполкома и организованы Волостной и сельские пожарные комитеты.
11. Создана комиссия по проведению дня белой ромашки⁹.
Собрано добровольных пожертвований:
деньгами 37 190 000 руб. и продуктами 21 п. 21 ф., каковое направлено в уездную комиссию.
12. Создана комиссия по проведению кампании 5-й годовщины Октябрьской революции.

Денежные налоги

Детского налога и на содержание школ поступило от сельсоветов в кассу Волисполкома 173 382 419 руб., каковые сданы в Уфинотдел и Уоно.

Самообложение на содержание Волисполкома и сельсоветов поступило в кассу Волисполкома 1 658 309 000 руб., из коих израсходовано на приобретение канцелярских принадлежностей 191 250 000 руб. Выплачено жалование членам Волисполкома, сельсоветов и техническим сотрудникам по 1 июля с.г. 1 467 059 000 руб. Итого 1 658 309 000 руб.

Общегражданского налога причитается 2 037 800 000 руб., поступило в кассу Волисполкома 1 700 000 000 руб., сдано в Губфинотдел 1 700 000 000 руб. Передано в Нарсуд для взыскания судебным порядком неплательщиков на сумму 337 800 000 р[уб].

Коммунального налога причитается 353 363 500 руб. Поступило в кассу Волисполкома 283 343 500 руб. Сдано в кассу Губфинотдела 120 000 000 руб. под квитанцию за № 258194.

Продработа

Новый состав Волисполкома вступил в работу в самый разгар продналога, каковой выполнялся, в связи с голодовкой, сравнительно слабо, и членам Волисполкома пришлось напрячь все силы на эту важную Государственную работу, были созданы ударные группы во главе с членами Волисполкома, брошены по сельсоветам и, несмотря на трудности, довести продналог до 100%, за что Данковская волость была отмечена и занесена на Красную доску, после чего члены Волисполкома за исключением одного были переброшены на продрабату в Боевскую волость.

Масло-яичный налог в настоящем году выполнен полностью 100%, в счет какового сдано: коровьего масла 55 п. и 23 $\frac{1}{4}$ ф., из коих за яйца 28 и 31 $\frac{1}{4}$ ф.

Единый натурналог по Данковской волости начался с 13 сентября с.г. Всего причитается 16 650 п. 19 ф. в ржан[ых] единицах¹⁰.

По 20 ноября с.г. сдано на сыпной пункт: Подсолнуха 10 212 п. 16 $\frac{3}{4}$ ф., Ржи 157 п. 25 ф., Овса 73 п. 34 $\frac{1}{2}$ ф., Картофеля 134 п. 20 ф., Конопли 108 п. 6 ф., Мяса 205 п. 9 ф., Проса 35 п. 9 ф., Льна 68 п. 35 ф., Вики 3 п. 20 ф., Фасоли 1 п. 35 ф., Горчицы 16 п. 31 ф., Рапса 3 п. ... ф., Сена 256 п. ... ф. Всего в переводе на ржаные единицы 11 437 пуд. 39 $\frac{3}{4}$ ф.

На отсутствующих 1639 п. 16 ф., 10% скидки 1156 п. 29 $\frac{1}{2}$ ф. Льгот по удостоверениям Упродкома 598 пуд. 27 $\frac{1}{3}$ ф. Всего выполнено 89%.

Передано особой сессии Нарсуда неплательщиков 27 человек и представлены списки на представление льгот всего на 1817 п. 27 ф.

С контрольной цифры земли, подлежащей обложению продналогом, по распоряжению Упродкома с Данковской волости сложено 581 дес.

Семенной ссуды: Проса 51 п. 27 ф., Конопля 153 п. 26 ф., Гречихи 3 п. 6 ф., Льна 9 п. 17 ф., Подсолнуха 378 п. 31 ф., Ржи 5 п. 36 ф.

Продналога заключено договоров на 796 п.

Выполнено 444 п. 20 ф., т.е. 55%.

По сельскому хозяйству

Произведен частичный ремонт здания Волисполкома.

Сделано распоряжение по осмотру домовых труб населения.

Получено из Уземотдела семенной ссуды: Проса 85 п. ... ф., Конопля 220 п. ... ф., Гречихи 70 п. ... ф., Ржи 600 п. ... ф., каковая распределена населению.

Волземкомиссией рассмотрено заявлений по разделу имущества 29 заявлений, о спорной земле – 13. Обжаловано в Уземотдел[е] 5.

Проведено обследование посевов озимого и ярового клинов, причем на недосев и гибель составлены акты и представлены в Уисполком с ходатайством об освобождении от продналога.

Велась работа по доставлению в месяц два раза статистических сведений о ходе посевов в Устатбюро, Упродком, Уземотдел и Давыдовскую з[агот]/контору.

Проводится в жизнь новая земельная политика.

По военному делопроизводству

Выделенное военное делопроизводство ведет учет военнообязанных, лошадей и упряжи. В течение октября месяца произведена военная подготовка допризывников 1902 г. р. Закончило 27 чел., подготовлен к обучению допризывной год 1903 г. В течение ноября месяца ведется регистрация лошадей. Взяты на учет повозки и упряжи.

По трудналогу

Закончена отчетность 1-го операционного периода, составлены списки на 2-й операционный период. Выполнено трудгужналога на местные нужды и подработников 10%, проведена мобилизация гужсилы на подвозку продналога в количестве 122 подвод.

По отделу актов гражданск[ого] состояния

С 1 января и по 25 ноября с. г. произведено регистраций:

Браков 120, Рождений 107, Смертей 378, Разводов 11.

По народному образованию

Дело народного образования по волости обстоит особенно в тяжелом положении, функционирует одна школа государственная, остальные две, которые оставлены на самоснабжение населения, несмотря на все старания Волисполкома на заключение договора с населением, таковое осталось безрезультатным, и школы до сих пор не работают¹¹.

Предволисполкома

Член президиума

Секретарь [подпись]

ГАВО. Ф. Р-114. Оп. 1. Д. 208. Л. 26–29. Подлинник.

¹ С. Данков[о], Воронежского у[езда] // Воронежский телеграф. 1917. 1 июня.

² По сведениям на 1 февраля 1922 г. женское население Данковской волости превышало мужское в 1,5 раза (3746 чел. против 2580 чел.). – ГАВО. Ф. Р-114. Оп. 1. Д. 176. Л. 10.

³ ГАВО. Ф. Р-114. Оп. 1. Д. 208. Л. 20-20 об.

⁴ Мокшин Федор Семенович (1877 г.р.) – председатель Данковского волисполкома с 4.09.1921 г., член РКП(б) с декабря 1919 г.

⁵ Чернецов Тихон Семенович (1898 г.р.) – секретарь Данковского волисполкома, член РКП(б) с марта 1920 г.

⁶ Колосов Поликарп Иосифович (1895 г.р.) – заведующий культпросветом Данковского волисполкома с марта 1922 г., член РКП(б) с декабря 1920 г.

⁷ Мокшин Зотик Георгиевич (1888 г.р.) – заведующий земотделом Данковского волисполкома с конца 1921 г.

⁸ В мае 1922 г. были упразднены Данковский и Карамышевский сельсоветы.

⁹ День белой ромашки – день помощи больным туберкулезом.

¹⁰ В 1922 г. единый натуральный налог на продукты сельского хозяйства, вносимый зерном, картофелем, мясом, сеном и т.д., исчислялся в единой весовой мере – пуде ржи.

¹¹ Общественные школы заработали в декабре 1922 г.

«Паршивой овце не место в Советском стаде». Антиповстанческая пропаганда на Тамбовщине в 1921 г.

В.Ю. Рылов,

*к. и. н., доцент Воронежского
государственного университета*

Представленный к публикации документ является листовкой, распространенной в Тамбовской губернии во время крестьянского восстания (1918-1922 г.), т.н. «антоновщины». Данный документ выявлен мной в ГАВО в фонде «Штаб Командующего всеми Вооруженными силами Тамбовской губернии» (Р-2382) в деле, содержащем оперативные и иные документы, свидетельствующие о подавлении восстания. Документ представляет собой неатрибутированную листовку, отпечатанную типографским способом. Документы, отложившиеся в деле, относятся к весне – лету 1921 г. и отражают карательную политику большевиков. Точно атрибутировать документ не удалось – неизвестно, кто его выпустил и когда. Однако упоминание Васьки Караса свидетельствует о том, что речь шла о местности на южной границе Тамбовского и Козловского уездов (ныне это Липецкая обл.). Там оперировала 4-я Отдельная Козловская

бригада повстанцев, состоявшая из 2-го Борисоглебского, 9-го Семеновского партизанских полков¹ под командованием Василия Васильевича Королева-Никитина, уроженца Тамбовской губ. Он был убит 18 июля 1921 г. в Усманском уезде (ныне Липецкая обл.).

Союз Трудового крестьянства, который будет упомянут в тексте, был политической организацией восстания, как называли его большевики, – «бандитское правительство». Руководителями военной организации восстания в 1921 г. были командующий армиями Митрофанович, командующий 1-й Повстанческой армией И.С. Колесников, 2-й армией – П.М. Токмаков и начальник главного оперативного штаба А.С. Антонов.

Политической организацией подавления восстания была Полномочная комиссия ВЦИК во главе с А.В. Антоновым-Овсеенко, созданная в феврале 1921 г. Непосредственно подавлением восстания в самой активной его фазе 1920-1921 гг. занимался Командующий вооруженными силами Тамбовской губернии. Эта должность была введена постановлением президиума Тамбовского губисполкома и Командующего войсками внутренней службы РСФСР 27 сентября 1920 г. для объединения всех вооруженных сил и других органов, направленных на подавление восстания, и была упразднена с его окончанием. Командующий войсками одновременно являлся главой Военного совета губернии. Таким образом, во главе вооруженных сил губернии находились: А.П. Шлихтер, Ю.Ю. Аплук, В.И. Благонадежин, К.В. Редзько, О.А. Скудре, М.Н. Тухачевский, а начштаба были Ф.К. Траскович и Н.Е. Какурин².

Обращает на себя внимание текст, состоящий из переделки 10 Заповедей. Судя по всему, этот текст заставляли зачитывать сдавшихся повстанцев. Интересно также то, что в тексте «революция» упоминается лишь единожды, ни слова об освобождении трудящихся «от ига помещиков и капиталистов», «землю – крестьянам», мировом пролетариате, коммунизме и т.п. Очевидно, что классовая демагогия большевиков о «завоеваниях октября» мало действовала на крестьян. Документ публикуется в соответствии с правилами современной пунктуации и орфографии.

Клятва раскаявшегося бандита

Признаю всю тяжесть преступления, совершенного мною против Советской власти за время участия моего в банде.

Ясно представляю себе грабительскую, разбойничью личину лжесоюза Трудового крестьянства, бродяги Антонова и его приспешников.

Каюсь в крови, пролитой по темноте моей и неразумению, каюсь в пожарах, совершенных моею рукою.

Каюсь в великом преступлении, допущенном мною перед великой властью крестьян и рабочих.

Клянусь никогда ни словом, ни делом не грешить против Советской Власти, не приносить ей никакого ущерба и несчастья, но всемерно способствовать ее укреплению и распространению.

Обязуюсь грудью защищать Советскую Власть от нападения бандитов и разбойников.

Клянусь никогда не дать обмануть себя ни Антонову, ни Ваське Карасю и ни прочим бандитским вожакам.

В случае появления какого-либо бандита в селе, обязуюсь выдать его Советской власти, помня, что паршивой овце не место в Советском стаде.

Даю честное слово заблуждающегося и раскаявшегося труженика все силы свои употребить на вразумление заблуждающихся товарищей.

Я был бандитом, был хищником и разбойником, бродягой скитался по болотам и лесам, как дикий зверь терзал Рабоче-Крестьянскую отчизну, не чаял себе прощения – Советская Власть вернула мне жизнь, семью, прощает мне мои преступления, делает меня вновь честным советским гражданином и сыном великой Революции – Да здравствует Советская Власть.

ГАВО. Ф. 2382. Оп.1. Д. 146. Л. 11.

¹ ГАВО. Ф. 2382. Оп. 1. Д. 60. Л. 66.

² Рылов В.Ю. Антоновское восстание в документах Государственного архива Воронежской области // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Тамбов: Грамота, 2017. С. 63.

«Спасибо вам, Анна Андреевна, за все...» К 110-летию со дня рождения А.А. Русановой

Н.В. Четкина,
главный архивист
Государственного архива
Воронежской области

Анна Андреевна принадлежит к династии врачей Русановых, в которой слились воедино огромный профессиональный талант и редкая человечность.

Родилась А.А. Русанова 21 марта¹ (8 марта по старому стилю) 1907 г. в Воронеже в семье дворянина, выдающегося врача-хирурга, профессора Андрея Гавриловича Русанова. Два поколения семьи Русановых, дед, Гавриил Андреевич, и отец Анны Андреевны, общались с великим русским писателем Львом Николаевичем Толстым². Эта дружба оказала большое влияние на взгляды членов семьи и ее жизненный уклад.

После окончания в 1924 г. средней школы № 9 г. Воронежа А.А. Русанова продолжила обучение на медицинском факультете Воронежского государственного университета (1924-1930)³.

Профессиональное мастерство Анна Андреевна постоянно совершенствовала, работая в различных точках нашей страны: хирургом на железнодорожных станциях Глубокая и Ховрино (1930-1932), ординатором хирургического отделения 2-й клинической больницы Воронежа (1932-1935), ассистентом в Дагестанском государственном медицинском институте в Махачкале (1935-1936), ассистентом санитарного факультета Воронежского государственного медицинского института (1940), ординатором в Воронежской областной клинической больнице (1941)⁴.

С 1942 г. по 1972 г. трудовая деятельность Анны Андреевны связана с Воронежским медицинским государственным институтом⁵: на кафедре госпитальной хирургии (1942-1961) и на кафедре детской хирургии (1961-1972). А.А. Русанова, пройдя путь от ассистента (1942) до доцента (1957), в 1961 г. возглавила кафедру детской хирургии, которой руководила вплоть до ухода на пенсию в 1972 г. Одновременно с 1961-го по 1964 г. профессор А.А. Русанова была деканом педиатрического факультета. В течение 14 лет А.А. Русанова была главным нейрохирургом Воронежской области.

Во время Великой Отечественной войны А.А. Русанова работала в военных госпиталях⁶ Воронежа (1941), Тамбова (1942) и Ульяновска (1942-1944). Указами Президиума Верховного Совета СССР она была награждена медалями: «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» (от 9 мая 1945 г.), «За доблестный и самоотверженный труд в период Великой Отечественной войны» (от 6 июня 1945 г.), медалью «За трудовую доблесть» (от 17 ноября 1949 г.).

В 1939 г. А.А. Русанова окончила трехлетнюю интернатуру (1936-1939) в клинике профессора Н.Н. Бурденко 1-го Московского медицинского института⁸. В 1945 г. Анна Андреевна защитила кандидатскую диссертацию на тему «Поздние осложнения огнестрельных ранений черепа и мозга и их лечение»⁹, а в 1961 г. успешно защитила докторскую диссертацию на тему «Закрытая черепно-мозговая травма у взрослых и детей»¹⁰. В 1962 г. ей было присвоено звание профессора¹¹.

Профессор А.А. Русанова закончила свой жизненный путь 5 мая 1991 г. в возрасте 84 лет¹². Похоронена на Коминтерновском кладбище г. Воронежа.

Данная публикация подготовлена в связи со 110-летием со дня рождения известного воронежского хирурга, доктора медицинских наук, профессора А.А. Русановой. В ней представлены материалы Государственного архива Воронежской области из семейного фонда Русановых, в котором имеются биографические документы Анны Андреевны Русановой. Данные документы точно, образно и лаконично характеризуют личность врача и человека А.А. Русановой, а также обстоятельно рассказывают о среде, в которой происходило формирование незаурядной личности. Документы публикуются в соответствии с правилами современной пунктуации и орфографии.

№ 1

Письмо О.А. Алексеевской¹³ врачу А.А. Русановой.

Зима 1942 г.

Анна Андреевна, дорогая!

Уже 2-й день я дома¹⁴. Мой «дом» – просторная, необжитая комната с забившейся в угол кроватью и запыленной гитарой на стене. Потолок протек, и в комнате холодно. Холодно у меня и на душе.

Когда я оглядываюсь назад, на эти 8 месяцев скитаний по дорогам войны, мне становится страшно. Сколько в эти месяцы втиснуто переживаний, начиная от расставания с Оксанкой¹⁵, мамой, отцом и кончая больничной койкой.

И всегда мне не было так трудно, ибо я была не одна, со мной был муж, товарищи, и даже в немецком окружении я находила в себе силы смешить и поддерживать их.

Сейчас иное, и, как ни парадоксально, я скучаю о больнице¹⁶, несмотря на ту дозу физических и нравственных страданий, которые мне пришлось там пережить.

Я смотрю в окно на чужой город. И так велика тоска о каштановом красавце Киеве с его горбатыми улицами и садами, со всем бесконечно родным и любимым. И я с ужасом чувствую, как ускользает от меня мое природное чувство юмора, которое в трагических ситуациях действовало, как укол камфары на умирающего.

Очевидно, все вместе взятое сильно надломило меня, и в душе моей рана, которая кровоточит при каждом неловком движении. Сложна человеческая психика, и много в ней извилин. Не знаю, почему пишу Вам, почему так много думаю о Вас, почему так скучаю. Вы простите мне это письмо, простите время, которое оно у Вас отнимет. Я не в силах заставить умереть те мысли и чувства, которые Вы возбудили во мне и которые я пытаюсь подколоть на бумагу.

Анна Андреевна, я не сентиментальна и нет во мне истерической экзальтации, но я прекрасно отдаю себе отчет про то, что Вы сделали для меня, настолько огромно, что всякие слова благодарности могут показаться пошлыми. И эти слова застряли у меня в горле, когда я прощалась с Вами, их просто сделало волнение. Я хотела сказать что-то еще нужное, главное, хотела побыть еще с Вами, а в результате я вела себя непростительно глупо, по-детски.

Не могу я забыть, как Вы приласкали меня в день моего рождения, когда у меня было так много боли, спутанной и горячей, так много скорби обо всем родном и далеком. Я почувствовала, что это не было проявлением обидной жалости с Вашей стороны, ни просто формальностью.

Я с первых дней, несмотря на Вашу строгость, ощутила в Вас Человека¹⁷ и мучительно искала Вашего тепла.

Когда Вы дежурили, мне казалось, что больница одушевлена, и я не спала. Когда Вас не было в воскресенье, день казался мертвым. Когда Вы приходили с обходом, я неизменно волновалась все дни и боялась, что Вы это заметите. Когда Вы должны были уехать, я пережила просто драму.

Меня волновало все, что связано с Вами. Я восхищалась Вашей смелостью и виртуозностью, с какой Вы делаете операции. Ваше сотрудничество с отцом уносило меня в те дни, когда я также работала со своим.

Ваше ясное спокойствие на работе и обстоятельное озорство после, так ярко напоминало характер моей матери.

И минутами мне хотелось пойти к Вам в ординаторскую, поделиться, посмеяться с Вами, так как я делала это с Корой, но все мои порывы разбивались о Вашу внешнюю оригинальность, и я больше всего боялась показаться Вам смешной, лишней.

Ведь, в конце концов, мы все для Вас «больные» отвратительные в своем физическом убожестве. И мне ужасно обидно, как будто я могу претендовать на что-то другое, что пройдет неделя, две и Вы забудете меня так же, как забываете сотни больных, которым Вы спасаете жизнь. А на моем месте будет лежать какая-нибудь старуха с хроническим колитом и соляными клизмами и не вызовет сожаления, что она вместо меня.

А ведь Вас я никогда не забуду. И когда я встречусь с Борисом¹⁸, и когда я прижму к груди кудрявую головенку Оксанки, и когда я расскажу родным обо всех этих тягостных днях, я, прежде всего, вспомню Вас, изумительного врача, человека, сохранившего мне жизнь.

Анна Андреевна, родная, чувствуете ли Вы мое волнение?!

Уже сумерки, мне темно и неудобно писать. За окном лес труб, тонкая багряная полоска заходящего солнца. И я одна, и мне хочется к Вам... Мне хочется плакать на Ваших коленях.

О.А.

Р.С. Очень прошу поблагодарить за меня Вашего отца за его заботу и внимание и попросить простить мне мое хамство. В суетоке я не сделала этого сама, что ж – моя мера, каюсь.

ГАВО. Ф. Р-2980. Оп. 2. Д. 84. Л. 1, 1 об., 2, 2 об., 3, 3 об., 4, 4 об.

№ 2

Воспоминания А.А. Русановой «Что представляет семья Русановых».

19 марта 1971 г.

Мой дед Г.А. Русанов¹⁹, 1846 года рождения, относился к числу наиболее культурных и мыслящих людей своего времени. Прекрасно образованный, владевший тремя иностранными языками, он очень рано оказался перед сознанием собственной инвалидности. Его болезнь была связана с тяжелым повреждением позвоночника, которое он получил, остановив на улице коляску с понесшими лошадьми. С этого времени здоровье его прогрессивно ухудшалось. Он лишился возможности самостоятельно передвигаться, и все силы переключил на умственную деятельность и воспитание детей.

Одним из главных его занятий и увлечений было чтение. Он собрал огромную библиотеку, содержавшую не только беллетристику, но и книги по истории,

философии, географии, астрономии на русском, французском, немецком и английском языках.

Всесторонние знания, глубокий ум и душевные качества помогли ему, несмотря на физическую немощность, воспитать пять сыновей образованными, бескорыстными и честными людьми.

Любовь к Толстому²⁰ и общение с ним отразились на методах воспитания его детей. Во время летних каникул в деревне они выполняли всю крестьянскую работу. Умели пахать, косить, запрягать лошадей, умели тачать сапоги, сложить печку, сделать стол и лавки. Привычка к ручной работе создала у братьев Русановых ловкость и любовное отношение к труду до конца их жизни. Трое из них стали инженерами, двое – врачами-хирургами. На выбор профессии и отношение к работе, несомненно, повлияло навязанное Толстым, утвердившееся в семье убеждение, что всем, чем они располагают, они обязаны народу, находятся в неоплаченном долгу перед ним и долг этот может быть выплачен только трудом, облегчающим положение народа.

Чтение в семье Г.[авриила] А.[ндреевича] играло огромную роль в воспитании детей. Они любили книгу так же, как их отец, читали под постоянным его контролем. Воспитывались на лучших образцах классической литературы. Г.[авриил] А.[ндреевич] обладал большим талантом чтеца. Он умел воплощаться в героев книги, меняя голос и интонации, придавать их образам жизнь, оттенять характерные или комичные их черты. Почти ежедневно он читал вслух произведения Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, Н.В. Гоголя и Островского²¹. Самым строгим наказанием для детей было запрещение присутствовать при чтении. Дети Г.[авриила] А.[ндреевича] росли в постоянном общении с крестьянами с.[ела] Ерофеевки²², воспитывались в сознании уважения и любви к простому народу, в сознании равенства людей. Эти принципы отличали детей Г.[авриила] А.[ндреевича] всю их жизнь.

Авторитет и обаяние личности Г.[авриила] А.[ндреевича] были настолько велики, что не только дети, но и внуки, родившиеся после его смерти и знавшие его только по рассказам старших, относились к нему с любовью и уважением и потому, что он был другом великого писателя, и потому, что сама его личность была прекрасна. Изуродованный болезнью, он не превратился в озлобленного пессимиста и тирана семьи, а продолжал жить полной жизнью, любить людей и верить им. В этом, несомненно, большое значение имело общение с Л. Н. Толстым. В дружбе Л.Н. Толстого с семьей Русановых удивительно не то, что Г.[авриил] А.[ндреевич] так горячо любил великого писателя. В этом не было ничего необычного. Толстой владел тогда умами всех русских людей, даже относившихся к нему отрицательно. То, что Л.[ев] Н.[иколаевич] действительно и искренне привязался к скромному, не принадлежавшему к кругу Толстых человеку, зависело, конечно, не только от того, что Г.[авриил] А.[ндреевич] был восторженным и тонким ценителем творчества Толстого. Л. Толстой понял, что Г.[авриил] А.[ндреевич] тянется к нему как к свету из теней той «паутины», которой он считал свою болезнь. Этому глубоко несчастному, страдавшему человеку нужен был сильный стимул для жизни. Ему надо было на что-то опереться. И, наверное, Л.[ев] Н.[иколаевич] понял это своим прозорливым и человеческим умом. На этой основе близости ду-

ховных интересов и стремлений Толстого поддерживать Г.[авриила] А.[ндреевича] родилась их истинная и долгая дружба. Она сделала более отрадной и жизнь моей несчастной бабушки Антонины Алексеевны.

Антонина Алексеевна²³ была троюродной сестрой своего мужа. Болезнь Г.[авриила] А.[ндреевича] резко изменила всю ее жизнь и сделала ее несчастной. Умная, молодая и красивая женщина должна была изо дня в день видеть, как ее любимый муж и отец ее детей становился все более беспомощным и к 45 годам стал полным инвалидом, без надежды на выздоровление. Вся воля Антонины Алексеевны была направлена на поддержку душевных сил страдающего мужа, на заботу о нем и подрастающих детях. Общение с Толстым и образ его, царивший в семье Русановых, несомненно, помогали ей переживать свою нелегкую долю. Антонина Алексеевна деятельно помогала крестьянам. Лечила их и их детей, входила во все их нужды и заботы. Пожилые крестьяне называли ее «питательница наша». Крестьяне советовались с ней и относились к ней с большим доверием. Она разделяла все интересы, все увлечения мужа и все его страдания. Антонина Алексеевна умерла раньше Г.[авриила] А.[ндреевича] в 1905 году и была похоронена в ограде церкви в Ерофеевке. Рядом с ней был похоронен и Г.[авриил] А.[ндреевич], умерший через 2 года после нее.

Мой отец А.Г. Русанов²⁴ был старшим сыном в семье Г.[авриила] А.[ндреевича], родился в 1874 году. Несмотря на то, что он родился недоношенным, он всю жизнь отличался великолепным здоровьем. Окончив 1-ю мужскую гимназию в г. Воронеже с медалью, он выбрал себе профессию врача, дававшую возможность наиболее действенно помогать народу, которому он считал себя обязанным за все. Как и все в семье Русановых, он с восхищением и любовью относился к Толстому [Льву Николаевичу] в течение всей жизни.

Никогда не используя свою специальность в целях личного обогащения, он был отличным хирургом, обладал не только широкими медицинскими знаниями, но и высоким уровнем общей культуры. Он владел даром привлекать к себе людей добротой, веселым характером, увлекательной оригинальной речью, исполненной добродушного юмора. В любом обществе он становился центром всеобщего внимания. В Воронеже он работал с 1907 года и, занимая видную должность старшего врача губернской земской больницы, никогда не использовал свое положение в корыстных целях. Люди, бывавшие у нас в доме, говорили, что у А.[ндрея] Г.[аврииловича] нет недостатка только в детях и книгах. И действительно, детей было 11, а книги занимали в доме значительное место.

Большая Октябрьская революция выдвинула его в ряды ведущих ученых-хирургов страны. С большим увлечением занимался он со студентами и проводил научную работу, разрабатывая только те вопросы, которые могли принести несомненную пользу больным.

Душевно щедрый человек, блестящий оратор, он широко и охотно делился со студентами и учениками. Жители Воронежа хорошо знали его, уважали и верили его слову. Будучи блестящим хирургом, уважаемым профессором, он не забывал навыков крестьянской работы. В 1942 году в г. Ульяновске, где он был консультан-

том эвакогоспиталей, он удивил всех врачей, когда во дворе госпиталя быстро и ловко запряг лошадь, которую два молодых солдата безуспешно пытались запрячь. Это вызвало не меньшее восхищение, чем те операции, которые он делал раненым.

Широкое образование давало ему возможность с одинаковой легкостью читать лекции по хирургии и по литературе. Его ученики и бывшие больные до сих пор помнят его высокую, крепкую фигуру, быструю и твердую походку охотника, доброе лицо и пронизательный взгляд, светившийся умом и интересом к окружающему.

Любовь к Л. Толстому не иссякла и в нашей семье. Толстой умер в 1910 году. Отец мой умер в 1949 году, т.[о] е.[сть] почти через 40 лет после Толстого. На всю жизнь личность Л.Н. Толстого была для него примером. Закономерным результатом этого явились его «Воспоминания»²⁵.

Моя мать Лидия Александровна²⁶, рожденная в 1877 году, была дочерью одного из друзей Л. Толстого – А.Н. Дунаева. Она была хорошо образованная, красивая и веселая женщина, очень музыкальная. Она хорошо пела, играла на рояле и на гитаре. Хорошо владея иностранными языками, переводила книги для детей, издававшиеся Сытиным²⁷. Она писала стихи. Основной ее чертой была скромность и доброта. Л. Толстой сравнивал ее с маргариткой. По словам моего отца, художник Пастернак²⁸, иллюстрируя «Воскресение»²⁹, придал Катюше Масловой некоторое сходство с моей матерью. Она знала семью Толстых и до замужества гостила в Ясной Поляне³⁰. После замужества, окруженная детьми, она все время была занята деятельностью, направленной на помощь всем, кто в ней нуждался. Ее любовь к людям была живой, деятельной и энергичной. У нее было 11 детей, 9 внуков и 10 правнуков, которых почти всех она воспитала своими руками. В ней было много терпения и человеческой мудрости. Веру ее в людей не могли поколебать никакие обстоятельства. Она никогда не ссорилась с отцом. Их взаимная любовь и уважение не иссякли до конца жизни. Л.[идия] А.[лександровна] надолго пережила А.[ндрея] Г.[аврииловича]. В возрасте 93-х лет она умерла 16 ноября 1970 года. А.[ндрей] Г.[авриилович] скончался 9 октября 1949 года.

ГАВО. Ф. Р-2980. Оп. 1. Д. 15. Л. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7.

№ 3

Из письма Л.А. Кукуева³¹ Т.Н. Русановой³².

11 июля 1991 г.

Уважаемая и дорогая Таня!

(Позвольте мне Вас так называть, пользуясь стариковскими правами, тем более что я не знаю Вашего отчества).

Прежде всего, хочу выразить Вам хотя и запоздалое, но искренне сочувствие в связи с невосполнимой потерей – кончиной Вашей мамы. Для Вас – это потрясение, которое бывает лишь один раз в жизни. Для нас, ее однокашников, – это печальная и болезненно воспринимаемая утрата достойного товарища, возвышенной и примечательной личности. Анна Андреевна была выдающимся человеком.

Память о ней сохранится в сердцах людей, как о яркой представительнице многих поколений семьи Русановых, оставившей неизгладимый след в истории России, служившей народу своим талантом, руками и скальпелем.

Я узнал о печальном событии, уже возвратившись из больницы, где мне делали операцию по поводу катаракты, и долго не мог собраться написать Вам, боясь лишний раз тревожить свежую рану.

Живо и образно написанные Анной Андреевной воспоминания о медицинском факультете ВГУ³³ я бережно храню и по временам с удовольствием обращаюсь к ним. Когда будете в состоянии и появится желание – напишите мне о последних днях Анны Андреевны и где она похоронена³⁴.

Примите мои искренние соболезнования, и разрешите хотя отчасти разделить Вашу скорбь.

С уважением
сокурсник Анны Андреевны
Подпись
Кукуев Лев Александрович

ГАВО. Ф. Р-2980. Оп. 2. Д. 57. Л. 7.

¹ Ф. Р-2980. Оп. 2. Д. 41. Л. 1.

² Там же. Оп. 1. Д. 15. Л. 1-6.

³ Там же. Оп. 2. Д. 50. Л. 3.

⁴ Там же. Д. 44. Л. 2 об.

⁵ Там же. Л. 6-8.

⁶ Там же. Оп. 1. Д. 18; Оп. 2. Д. 50. Л. 1 об., 2, 3 об.

⁷ Там же. Оп. 2. Д. 48. Л. 1 об., 2, 3 об., 4; Ф. Р-1440. Оп. 107. Д. 24. Л. 9, 10.

⁸ Ф. Р-2980. Оп. 2. Д. 50. Л. 1 об.; Оп. 1. Д. 18.

⁹ Там же. Оп. 2. Д. 43. Л. 4.

¹⁰ Там же. Оп. 1. Д. 18.

¹¹ Там же. Оп. 2. Д. 43. Л. 20 об.

¹² Там же. Д. 57. Л. 2.

¹³ Алексеевская О.А. – жена писателя Бориса Николаевича Полевого (псевдоним). Настоящая фамилия Кампов, 1908 г. рождения. В годы Великой Отечественной войны – военный корреспондент газеты «Правда».

¹⁴ Адрес О.А. Алексеевской не установлен. Возможно, в это время О.А. Алексеевская находилась в Москве.

¹⁵ Вероятно, ее дочь.

¹⁶ Зимой 1942 г. О.А. Алексеевская находилась на лечении в клинике госпитальной хирургии Воронежского государственного медицинского института в г. Воронеже, которой руководил отец А.А. Русановой – хирург, доктор медицины (1912 г.), профессор (1921 г.) Андрей Гаврилович Русанов. В это время в клинике работала А.А. Русанова.

¹⁷ Так в тексте.

¹⁸ Имеется в виду муж.

¹⁹ Русанов Гавриил Андреевич (1845-1907). Похоронен в с. Ерофеевка Землянского уез-

да Воронежской губернии, мемуарист. Отец А.Г. Русанова, дед А.А. Русановой. Из дворян. Окончил юридический факультет Московского университета (1868). В 1868-1883 гг. служил следователем по особо важным делам (Харьков), окружным прокурором в г. Воронеже, в г. Острогожске Воронежской губернии.

²⁰ Имеется в виду Толстой Лев Николаевич (1829 -1910), граф, русский писатель.

²¹ Имеется в виду Островский Александр Николаевич (1823-1886), русский драматург.

²² Село Ерофеевка Землянского уезда Воронежской губернии. В настоящее время – село Большая Трещевка Сомовского сельского поселения Рамонского района Воронежской области (Ф. Р-1440. Оп. 88а. Д. 295. Л. 96, 117).

²³ Имеется в виду Русанова Антонина Алексеевна – жена Русанова Гавриилы Андреевича. Похоронена в с. Ерофеевка Землянского уезда Воронежской губернии.

²⁴ Русанов Андрей Гаврилович (1874-1949), доктор медицины (1912). Сын Г.А. Русанова, отец А.А. Русановой. Из дворянской семьи. Окончил медицинский факультет Московского университета (1898). Работал ординатором университетской хирургической клиники (1899-1902), сельским врачом в Пензенской, Екатеринославской губерниях (1902-1906). Старший врач Воронежской губернской земской больницы (1907-1919). Заведующий кафедрой госпитальной хирургии медицинского факультета ВГУ (с 1919). Культурный и общественный деятель, мемуарист. Похоронен на Коминтерновском кладбище г. Воронежа.

²⁵ Изначально воспоминания А.Г. Русанова о Л.Н. Толстом были опубликованы в г. Воронеже в 1937 г. (Ф. Р-2980. Оп. 2. Д. 80. Л. 1). В 1972 г. книга Г.А. Русанова и А.Г. Русанова «Воспоминания о Л.Н. Толстом» была переиздана в г. Воронеже. Впоследствии в книге «Русановы. Из века в век» (В., 1996. Т. 1-2.) были опубликованы воспоминания А.Г. Русанова о Л.Н. Толстом под названием «Из воспоминаний».

²⁶ Русанова Лидия Александровна – жена А.Г. Русанова. В девичестве – Дунаева (Ф. Р-2980. Оп. 2. Д. 80. Л. 12). Похоронена на Коминтерновском кладбище г. Воронежа.

²⁷ Сытин Иван Дмитриевич (1851-1934), русский издатель. В 1884 г. начал печатать в своей типографии книги издательства «Посредник», основанного В.Г. Чертковым при участии Л.Н. Толстого с целью выпуска доступных книг для народа.

²⁸ Пастернак Леонид Осипович (1862-1945), художник, отец русского советского писателя Пастернака Бориса Леонидовича (1890-1960).

²⁹ Роман Л.Н. Толстого «Воскресение» вышел в свет в 1899 г.

³⁰ Имение Л.Н. Толстого находилось в усадьбе Ясная Поляна Тульской губернии. В настоящее время там находится Государственный мемориальный и природный заповедник «Музей-усадьба Л.Н. Толстого «Ясная поляна» (Щекинский район Тульской области).

³¹ Кукуев Лев Александрович – однокурсник А.А. Русановой во время учебы на медицинском факультете Воронежского государственного университета. В дальнейшем жил и работал врачом-невропатологом в г. Москве (Ф. Р-2980. Оп. 2. Д. 56. Л. 1 об.).

³² Русанова Татьяна Николаевна (1939 г. рождения). Дочь Анны Андреевны Русановой. Врач. Работала в Магадане, в Воронеже на «Скорой помощи», в детской реанимации.

³³ Имеется в виду Воронежский государственный университет.

³⁴ А.А. Русанова похоронена на Коминтерновском кладбище г. Воронежа.

ИЗ ИСТОРИИ АРХИВОВ, МУЗЕЕВ, БИБЛИОТЕК

«Золотой век» воронежского партархива: из истории Государственного архива общественно-политической истории Воронежской области

***Разинков А.П.,**
заместитель руководителя
Государственного архива
общественно-политической
истории Воронежской области*

В самом центре Воронежа находится один из крупнейших архивов Черноземья – Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области. В казенном учреждении Воронежской области «ГАОПИВО» на хранении находятся фонды бывшего партийного архива Воронежского обкома КПСС, который существовал в 1929–1991 гг. Являясь богатейшим хранилищем документальных свидетельств по истории партийного строительства в воронежском крае, наш архив имеет и собственно «свою» историю.

Ранее мною в ряде публикаций освещались вопросы деятельности нашего архива в довоенный период, поэтому сегодня посмотрим, как развивался воронежский партархив в 50–80-е гг. прошлого века.

В отчете о работе партийного архива за 1952 г. сообщается об отсутствии свободных площадей: «Все имеющиеся архивохранилища переполнены. Значительная часть документов размещена уже на полу между стеллажами»¹. Поэтому в 1962–1963 гг. партархиву были выделены еще 4 дополнительные комнаты в подвале обкома КПСС, так что последний занимал теперь 13 комнат².

В связи с переездом Воронежского обкома партии в новое здание Дома Советов на площади им. Ленина (ныне в нем работает правительство Воронежской области) и передачей старого здания технологическому институту, пар-

тийному архиву было предоставлено помещение бывшего Дома политического просвещения горкома партии по улице Карла Маркса, 86 (ныне ул. К. Маркса, 82)³. На 1 января 1960 г. штат воронежского партийного архива составил 8 человек⁴.

Решением бюро обкома КПСС от 16 июня 1962 г. И.Г. Воронков был освобожден от должности заведующего партархивом в связи с уходом на пенсию. Ровно через месяц новой заведующей была утверждена А.А. Шехова.

Александра Андреевна Шехова родилась 16 октября 1918 г. в д. Ступино Юхновского района Калужской области в крестьянской семье. Родители занимались земледелием. В 1924 г. отец уезжает на стройки индустриализации, а в 1927 г. и вся семья перебирается к нему (в это время он работал на строительстве Каширской ГЭС).

С 1924 г. по 1936 г. Александра обучалась в школе. В сентябре 1936 г. поступила в Московский государственный историко-архивный институт. К сожалению, Александра Андреевна не оставила нам своих воспоминаний о времени своей учебы в нем. Только несколько фотографий рассказывают нам о том ее периоде жизни. Особенно интересна фотография выпускников 1940 г. Здесь все фотографии преподавателей и сокурсников. Среди них профессор А.Н. Сперанский (1891-1943), кандидат исторических наук, доцент кафедры вспомогательных исторических дисциплин; К.А. Попов (1876-1949), доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой марксизма-ленинизма; А.В. Чернов (1901-1966), доктор исторических наук, профессор; И.И. Мартынов, директор историко-архивного института в 1939-1941 гг.; В.В. Максаков (1886-1964), профессор, заведующий кафедрой истории и организации архивного дела в 1931-1964 гг.; М.И. Пармузина, диспетчер учебной части института в 1931-1970 гг.; Ю.В. Готье (1873-1943), академик, профессор кафедры вспомогательных исторических дисциплин.

Историко-архивный институт Александра Андреевна окончила в 1940 г. и сразу же была направлена на работу в архивные органы Воронежской области. Работала вначале научным сотрудником, затем – старшим научным сотрудником, временно исполняла должность начальника отдела фондов Октябрьской революции и социалистического строительства Воронежского областного государственного архива. С 1946 г. по 1949 г. – начальник облгосархива, затем – начальник архивного отдела УВД Воронежского облисполкома. В июне 1961 г. Шехова была переведена инструктором на работу в партийный архив.

Годы руководства партархивом А.А. Шеховой стали настоящим золотым временем в его истории. Главным событием этих лет стало получение архивом нового специализированного помещения. 7-этажное здание партийного архива по разработанному в 1967 г. «Горьковгражданпроектом» типовому проекту ввели в эксплуатацию в 1973 г.⁵ Здание имело общий объем 10 588 куб. метров, 2761 кв. м полезной площади, проектную вместимость – 1200 тыс. дел. Машинное отделение устроили в подвале.

Документы партархива были размещены в шести архивохранилищах, оборудованных стеллажами со съёмными металлическими полками протяженно-

Коллектив партархива. 1978 г.

стью 18 450 погонных метров. Сметная стоимость произведенных работ составила 389,7 тыс. рублей. Все дела были вложены в специальные картонные короба. С помощью системы кондиционирования воздуха в архивохранилищах соблюдался оптимальный температурно-влажностный режим. Здание было оборудовано лифтом, противопожарной и охранной сигнализацией. Архив круглосуточно охраняла милиция.

Переезд в новое здание планировался в 1973 г., однако сделать это удалось только в июле 1974 г. При А.А. Шеховой более чем в два раза увеличился штат архива. Только с 1969 г по 1978 г. – на 14 единиц: с 8 до 22 человек⁶.

Тогда же воронежский партархив вошел в число лучших партархивов страны. В октябре 1978 г. на его базе даже был проведен межзональный семинар-совещание научных сотрудников Центра, ЦЧО, Поволжья, Северного Кавказа, Армении, Грузии и др.⁷

Вопросы комплектования партийного архива, как тогда говорили, «постоянно находились под пристальным вниманием» обкомов КПСС и ВЛКСМ. Например, за 1969-1978 гг. по ним обкомом ВЛКСМ было принято 9 постановлений и обкомом партии – 2⁸.

Сотрудники партархива регулярно проходили курсы переподготовки при Ростовской Высшей партийной школе, практиковался обмен опытом в работе с выездом в другие архивы. Сотрудники воронежского партархива посетили архивы Брянского, Горьковского, Калужского, Липецкого, Харьковского, Ярославского и других обкомов партии. В Воронеж приезжали коллеги из Архангельска и Астрахани, Белгорода, Волгограда и Горького, Кабардино-Балкарии и Татарии, Куйбышева и Курска, Орла и Смоленска, Тамбова и Коми, Свердловска и Новосибирска, Нальчика, а также делегации архивистов Кубы и Болгарии.

В 1970-е гг. в партархиве была оборудована фотолаборатория, создана реставрационная мастерская, приобретены машина для дробления макулатуры и даже портативный магнитофон⁹.

В 1977, 1985 гг. работу архива проверяли сотрудники ЦПА¹⁰. Московские проверяющие в целом оставались довольны работой воронежцев, отмечая «отдельные недостатки». Например, в 1977 г. они указали на то, что «не все ответственные сотрудники принимают посильное участие в пропагандистской работе». Но все же это были мелочи.

Бюро Воронежского обкома КПСС своим решением от 23 декабря 1980 г. освободило Шехову от должности в связи с уходом на пенсию. За многолетний труд Александра Андреевна была награждена медалями «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.» (1947 г.), «За трудовое отличие» (1951 г.), «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина», «За трудовую доблесть» (1971 г.)¹¹, «Ветеран труда».

Ее административная деятельность удачно сочеталась с научной, свидетельством тому являются многочисленные публикации на страницах газет, в сборниках, которые она подготовила в соавторстве с учеными воронежских вузов и сотрудниками партийного и государственного архивов.

Находясь на заслуженном отдыхе, она не теряла связи с архивистами, охотно принимала участие в научно-практических конференциях и встречах

16 октября 2003 г. Государственным архивом Воронежской области было организовано чествование Александры Андреевны – ей исполнилось 85 лет. «Любите и берегите архивы, – обратилась она к коллегам, – это наша жизнь!»

До конца своих дней, оставаясь архивистом, она передала книги из своей домашней библиотеки, свои документы, рукописи, фотографии в дар родному архиву. Сейчас в нашем архиве хранится ее личный фонд. Скончалась Александра Андреевна в феврале 2005 г., пережив свой партархив на 13 лет.

Следующей заведующей партархивом стала Любовь Гавриловна Выставкина. Любовь Гавриловна родилась в 1932 г. в семье рабочего в Воронеже. В 1940 г. поступила в школу. Потом грянула война, и в 1941 г. вместе с родителями она была вынуждена эвакуироваться в г. Мичуринск. Вернувшись в родной город после его освобождения в 1943 г., она продолжила обучение в школе, после окончания которой поступила в пединститут на географический факультет, который окончила в 1954 г., и была направлена на работу в школу одного из совхозов Ново-Усманского района учителем географии. Затем вышла замуж за военного, которого перебрасывали с одного места на другое. Бесконечные переезды, новые люди, новая работа. Лишь в конце 1950-х семья вернулась в Воронеж. Здесь она поступает на работу в Доме пионеров и школьников Левобережного района, который возглавляет в должности директора в 1961 г. В 1970-е гг. – на советской и партийной работе.

При Л.Г. Выставкиной в 1980-е гг. в партийном архиве активно проводилась работа по копированию документов с угасающим текстом¹². Читальный зал достаточно активно посещали исследователи – преподаватели вузов, партийные работники, пропагандисты, ветераны партии и комсомола. Так, за 1983 г. в чи-

тальном зале работали 100 человек, которыми было сделано 547 посещений¹³. В 1983 г. был проведен ремонт в здании партархива, а кабинеты сотрудников обставлены новой мебелью, той самой, которой в некоторых кабинетах мы пользуемся по сей день¹⁴.

В сентябре 1984 г. ЦК КПСС утвердил «Перечень документов партийных органов и первичных организаций, подлежащих сдаче в партийные архивы»¹⁵. К сентябрю 1985 г. все горкомы и райкомы партии рассмотрели и утвердили на бюро новые списки первичных организаций, документы которых подлежат хранению в архиве. В результате их с 1761 сократилось до 830, т.е. более чем в 2 раза¹⁶. Фонды архива в эти годы пополнялись воспоминаниями ветеранов партии и комсомола, фотодокументами, штат партархива увеличился до 24 человек¹⁷.

Росло материально-техническое обеспечение. В 1987 г. была приобретена аппаратура «Старт» для микрофильмирования документов на микрофишах с целью создания страхового фонда и исключения из использования оригиналов особо ценных документов¹⁸. Работа по оборудованию лаборатории по микрофильмированию была завершена в 1988 г. Параллельно с этим в 1987 г. введена в эксплуатацию пожарно-охранная сигнализация «Топаз»¹⁹.

В 1988 г. «в целях усиления идеологической, политико-воспитательной работы» при партийном архиве был создан научно-методический Совет²⁰. Перед Советом ставилась задача: «содействие деятельности партийного архива по собиранию, критической оценке, публикации документальных, мемуарных источников, фотографий, пропаганде историко-революционных знаний и оказание методической помощи Советам ветеранов Коммунистической партии и комсомола». В состав Совета вошли ветераны партии и комсомола, партийные и комсомольские работники, ученые, краеведы г. Воронежа и области.

Политика гласности и перестройки вносила свои коррективы в работу главного хранилища документов Воронежской парторганизации. Значительно, в основном за счет обращений по вопросам партийной реабилитации, увеличилось число запросов граждан и общественных организаций. Заводским музеям трудовой славы, школьным и краеведческим музеям только в 1988 г. было выдано более 60 исторических справок и копий документов, «объективно раскрывающих практическую деятельность партийных и комсомольских организаций, а также о незаслуженно забытых партийных и советских работниках области 20-30-40-х годов»²¹. В 1989 г. – 765 справок, из них – 305 на лиц, необоснованно репрессированных²².

Архив стал более доступен, в 1989 г. в его читальном зале занимались уже 246 исследователей²³. Сотрудники архива выступали с лекциями на предприятиях и в учреждениях, с радио- и телепередачами, публиковали статьи о необоснованно репрессированных членах партии.

10 апреля 1990 г. был утвержден последний заведующий партархивом Юрий Павлович Свиридов.

Юрий Павлович родился в 1939 г. в п. Терновка Воронежской области. Рос без отца, который пропал без вести в первый год войны. В 1956 г. окончил среднюю школу, поступил на истфак ВГУ. После получения диплома историка был направ-

лен на работу в Кемеровскую область преподавателем школы в г. Салаир. В марте 1964 г. его избрали первым секретарем Гурьевского горкома ВЛКСМ Кемеровской области, а через два года перевели в аппарат Кемеровского обкома комсомола. В 1967 г. Свиридов возвращается в Воронеж, работает инструктором, затем заведующим отделом обкома комсомола. В 1970-е трудится в горкоме партии. В сентябре 1983 г. его утверждают заместителем заведующего общим отделом обкома КПСС, а в 1986 г. – помощником первого секретаря Воронежского обкома партии.

На основании Указа Президента РСФСР от 24 августа 1991 г. № 83 «О партийных архивах» и в целях обеспечения сохранности и использования документов, согласно письму Комитета по делам архивов при Совете Министров РСФСР от 2 сентября 1991 г. № 9/683-П, во всех областях и краях Российской Федерации на базе упраздняемых партийных архивов, обкомов, крайкомов КПСС были созданы Центры документации новейшей истории», подведомственные архивным отделам облкрайисполкомов.

Решением исполкома Воронежского областного Совета народных депутатов от 5 сентября 1991 г. за № 437 на базе упраздняемого партархива Воронежского обкома КПСС был создан государственный архив – «Центр документации новейшей истории», подведомственный архивному отделу облисполкома²⁴.

¹ ГАОПИВО. Ф. 5297. Оп. 1. Д. 70. Л. 6.

² Там же. Д. 111.

³ Там же. Д. 112. Л. 14.

⁴ Там же. Л. 15.

⁵ ГАОПИВО. Д. 247. Л. 2-3.

⁶ Там же. Д. 278. Л. 42.

⁷ Там же. Д. 294. Л. 4.

⁸ Там же. Д. 278. Л. 20-21.

⁹ Там же. Л. 45.

¹⁰ Там же. Д. 263а. Оп. 5. Д. 59.

¹¹ Там же. Ф. 3. Оп. 97. Д. 13450.

¹² Там же. Ф. 5297. Оп. 5. Д. 33. Л. 6.

¹³ Там же. Л. 9.

¹⁴ Там же. Д. 58. Л. 2.

¹⁵ Там же. Л. 3.

¹⁶ Там же. Л. 8.

¹⁷ Там же. Д. 75. Л. 24.

¹⁸ Там же. Л. 7.

¹⁹ Там же. Д. 88. Л. 1.

²⁰ Там же. Д. 109. Л. 1.

²¹ Там же. Д. 98. Л. 8.

²² Там же. Д. 111. Л. 7.

²³ Там же. Л. 5.

²⁴ Там же. Ф. 9357. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

ХРОНИКА СОБЫТИЙ

День архивов в Воронеже

Правление областного отделения РОИА ежегодно ко Дню архивов организует научно-практические конференции, на которые приглашает ведущих ученых воронежских вузов, студентов, представителей общественных организаций, сотрудников краеведческих музеев, библиотек, государственных и муниципальных архивов области. Стало традицией собираться на День архивов всем членам Общества. 16 марта 2018 г. в актовом зале Воронежской областной универсальной научной библиотеки им. И.С. Никитина управлением делами Воронежской области совместно с Воронежским областным отделением Российского общества историков-архивистов, Государственным архивом Воронежской области в рамках празднования Дня архивов была проведена научно-практическая конференция «Государственной архивной службе России – 100 лет».

В работе конференции приняли участие студенты Воронежского государственного университета, Воронежского государственного технического университета, преподаватели и курсанты Воронежского института Федеральной службы исполнения наказаний России, представители Союза Возрождения Родословных Традиций, сотрудники государственных и муниципальных архивов области. Участники конференции ознакомились с выставкой архивных изданий, специально подготовленной к этому дню отделом краеведения научной библиотеки.

С приветствием к участникам конференции от временно исполняющего обязанности губернатора Воронежской области А.В. Гусева обратился заместитель руководителя управления делами Воронежской области П.П. Толстых. Павел Павлович пожелал участникам конференции плодотворной работы, крепкого здоровья, семейного благополучия, успехов в важном и благородном деле. Начальник Воронежского института ФСИН России полковник внутренней службы С.С. Выхорь поздравил руководителя Государственного архива Воронежской области В.В. Гурова и вверенный ему коллектив со знаменательной датой. Сергей Степанович пожелал всем крепкого здоровья, новых творческих удач и свершений, успехов в деле сохранения документального наследия Воронежской области и России. От всей души поздравил воронежских архивистов управляющий ГУ-Отделением ПФР по Воронежской области А.Ф. Меркулов (приветствие огласила заместитель начальника отдела оценки пенсионных прав застрахованных лиц ОПФ РФ по Воронежской области Л.М. Матвеева), отметив многолетнее

плодотворное сотрудничество с архивной службой, основанное на взаимопонимании и стремлении к совместному решению задач по обеспечению социальных гарантий жителей Воронежской области.

Со вступительным словом к собравшимся обратился В.А. Перцев, начальник отдела по делам архивов управления делами Воронежской области, поздравив присутствующих с Днем архивов, передав поздравления от коллег из Главного архивного управления Москвы, председателя Правления РОИА, члена-корреспондента РАН, президента РГГУ Е.И. Пивовара, Президента Союза Возрождения Родословных Традиций В.В. Бибикова, пожелав здоровья и плодотворной работы в общем деле сохранения и пропаганды исторического и культурного наследия, а также успехов участникам конференции в раскрытии темы.

О государственной архивной службе Воронежской области на современном этапе доложил В.А. Перцев, к. и. н., начальник отдела по делам архивов управления делами Воронежской области; о частных архивах и архивофильстве как явлении современного общественного быта поведал О.Г. Ласунский, к. филол. н., член Союза российских писателей, Почетный председатель Воронежского историко-культурного общества. На конференции прозвучали доклады, подготовленные на основе архивных материалов: «Страницы истории воронежского края в XVII в.» (В.Н. Глазьев, д. и. н., профессор, декан исторического факультета Воронежского государственного университета); «Опыт переосмысления функционирования политической полиции в Российской империи через призму новых архивных материалов» (А.В. Перегудов, к. и. н., доцент Воронежского государственного университета); «Исторические свидетельства о санитарно-демографическом состоянии сельского населения Воронежской губернии второй половины XIX–начала XX вв.» (П.В. Загоровский, д. и. н., профессор Воронежского института развития образования); «Визиты Ольги и Петра Ольденбургских в Воронежскую губернию в 1910-1914 гг.: по материалам Госархива Воронежской области» (Н.А. Комолов, к. и. н., ведущий специалист управления культуры администрации г. Воронежа); «Лукьянчиков Константин Николаевич – руководитель Воронежского губархива (1919-1926)» (В.А. Алленова, к. и. н., доцент Воронежского государственного университета); «Газета «Коммуна». 1939-1941. (Из фондов ГАВО)» (В.Ю. Рылов, к. и. н., доцент Воронежского государственного университета); «Использование архивных документов студентами факультета архитектуры и градостроительства Воронежского государственного технического университета» (П.А. Попов, к. и. н., доцент Воронежского государственного технического университета).

Все докладчики выступили на высоком научном уровне и были награждены памятными подарками с символикой Воронежского областного отделения РОИА.

По окончании конференции Н.Г. Воротилина, председатель Правления Воронежского областного отделения РОИА, торжественно наградила победителей регионального и V Всероссийского конкурсов юношеских учебно-исследовательских работ 2017 г. «Юный архивист» дипломами, почетными грамотами и памятными подарками.

Правление областного отделения РОИА благодарит директора цифровой типографии «Фортуна» Александра Васильевича Гончарова за подготовку баннера, кра-

сочное оформление приглашений на конференцию, грамот и памятных подарков. Активная деятельность А.В. Гончарова в интересах Российского общества историков-архивистов позволяет пропагандировать не только архивные документы, но и символику нашего Общества. Дни архивов в Воронеже стали узнаваемы и любимы.

Завершился праздник фотосессией.

Н.Г. Воротилина,
*председатель Правления
областного отделения
РОИА*

*О.Г. Ласунский раскрывает
понятие «архивофильство»
и повествует о своих
архивных находках*

*Н.А. Комолов знакомит
слушателей с подробностями
визитов Ольги и Петра
Ольденбургских в Воронежскую
губернию в 1910-1914 гг.*

*П.А. Попов делится опытом
по использованию архивных
документов студентами
факультета архитектуры
и градостроительства
Воронежского государственного
технического университета*

*Победители регионального
и V Всероссийского конкурсов
2017 г. «Юный архивист»
Гаспарян София, ученица
МБОУ СОШ № 73 Воронежа,
и руководитель ее конкурсной
работы Платонова Наталья
Васильевна, педагог
дополнительного образования
Центра развития творчества
детей и юношества*

*Лауреат регионального
и V Всероссийского конкурсов
юношеских учебно-
исследовательских работ 2017 г.
«Юный архивист»
Бородин Владислав,
ученик МБОУ СОШ
№ 80 г. Воронежа*

«Круглый стол» в Рамонском муниципальном архиве

25 мая 2018 г. в Рамонском муниципальном архиве состоялось заседание «круглого стола», посвященное празднованию 100-летия государственной архивной службы России. В работе «круглого стола» приняли участие руководители и специалисты управления делами Воронежской области, администрации Рамонского муниципального района, государственных и муниципальных архивов области. С приветствием к участникам «круглого стола» обратились временно исполняющий обязанности руководителя управления делами Воронежской области А.А. Кучеренко, глава Рамонского муниципального района, К.В. Фролов, руководитель архивной службы области в 1999-2009 гг., И.Г. Росляков, пожелавшие архивистам плодотворной работы, крепкого здоровья, семейного благополучия, успехов в важном и благородном деле сохранения национального достояния – Архивного фонда Российской Федерации.

О состоянии государственной архивной службы Воронежской области на современном этапе рассказал в своем выступлении начальник отдела по делам архивов управления делами Воронежской области В.А. Перцев.

С сообщением об истории архивного строительства в воронежском крае выступила начальник отдела информации, публикации и научного использования документов казенного учреждения Воронежской области «Государственный архив Воронежской области» Н.Г. Воротилина.

Президиум «круглого стола» в Рамони

Прозвучали доклады, подготовленные специалистами государственных архивов области по вопросам, отражающим различные направления архивной деятельности.

Участники «круглого стола» ознакомились с работой Рамонского муниципального архива.

Администрацией Рамонского муниципального района для участников «круглого стола» были организованы экскурсии по рабочему поселку Рамонь, посещение Дворцового комплекса Ольденбургских, Аллеи Славы. Участники «круглого стола» возложили цветы к памятнику героям Великой Отечественной войны.

С.И. Тимошенкова,
заместитель начальника отдела
по делам архивов управления
делами Воронежской области

Торжественное заседание, посвященное 100-летию государственной архивной службы России в Государственном архиве Воронежской области

1 июня 2018 г. в читальном зале Государственного архива Воронежской области состоялось торжественное заседание, посвященное 100-летию государственной архивной службы России, с вручением наград сотрудникам архива.

Руководитель госархива В.В. Гуров вручил нагрудный знак Росархива «Почетный архивист» главному архивисту отдела обеспечения сохранности документов Т.А. Голоденко, благодарность Росархива – заместителю руководителя Ю.В. Степановой.

Также сотрудникам были вручены почетные грамоты госархива и благодарности Воронежской городской Думы, администрации городского округа город Воронеж.

Ю.В. Степанова,
заместитель руководителя
Госархива Воронежской области

*Т.А. Голоденко, главный
архивист Госархива
Воронежской области*

Ю.В. Степанова

Участники торжественного заседания

«Круглый стол» в Панинском муниципальном архиве

8 июня 2018 г. в рамках празднования 100-летия государственной архивной службы России в рабочем поселке Панино Воронежской области состоялось заседание «круглого стола» с участием руководителей и специалистов управления делами Воронежской области, администрации Панинского муниципального района, государственных и муниципальных архивов области. С приветствием к участникам «круглого стола» обратился глава Панинского муниципального района Николай Васильевич Щеглов, рассказавший о районе и пожелавший архивистам успехов в важном и благородном деле сохранения национального достояния – Архивного фонда Российской Федерации. Участникам «круглого стола» были продемонстрированы видеоролики о прошлом и настоящем Панинского муниципального района Воронежской области.

О состоянии государственной архивной службы Воронежской области на современном этапе рассказал в своем выступлении начальник отдела по делам архивов управления делами Воронежской области В.А. Перцев.

С сообщением об истории архивного строительства в воронежском крае выступила начальник отдела информации, публикации и научного использования документов казенного учреждения Воронежской области «Государственный архив Воронежской области» Н.Г. Воротилина. Прозвучали доклады, подготовленные специалистами государственных архивов области по вопросам, отражающим различные направления архивной деятельности:

Участники «круглого стола»

«Создание и развитие научно-справочного аппарата к документам Архивного фонда Российской Федерации в КУВО «Государственный архив Воронежской области»» (начальник отдела НСА КУВО «ГАВО» С.Н. Спаннут), «Обеспечение сохранности документов в КУВО «Государственный архив Воронежской области» (начальник отдела обеспечения сохранности документов КУВО «ГАВО» Н.И. Новикова), «Меняющийся архив в меняющемся мире» (ведущий архивист отдела ведомственных архивов КУВО «ГАВО» А.В. Щепетнев).

Участники «круглого стола» ознакомились с работой Панинского муниципального архива.

Администрацией Панинского муниципального района для участников «круглого стола» была организована экскурсия по рабочему поселку Панино. Архивисты возложили цветы к памятникам героям Великой Отечественной войны и воинам, погибшим в мирное время.

*С.И. Тимошенкова,
заместитель начальника отдела
по делам архивов управления
делами Воронежской области*

Торжества в Большом зале Дома актера

15 июня 2018 г. управлением делами Воронежской области совместно с Воронежским областным отделением Российского общества историков-архивистов проведено торжественное мероприятие, посвященное празднованию 100-летия государственной архивной службы России. В мероприятии приняли участие руководители и специалисты управления делами, сотрудники государственных и муниципальных архивов области, научные работники и студенты ведущих воронежских вузов, на протяжении многих лет сотрудничающие с архивами. Почетными гостями мероприятия были ветераны архивной службы разных лет.

С приветствием к собравшимся обратились А.А. Кучеренко, временно исполняющий обязанности руководителя управления делами Воронежской области, М.Д. Карпачев, доктор исторических наук, профессор Воронежского государственного университета, О.Г. Ласунский, кандидат филологических наук, член Союза российских писателей, Почетный председатель Воронежского историко-культурного общества, поблагодарившие архивистов области за их кропотливый труд по сохранению и использованию подлинных уникальных документов.

Гости мероприятия посмотрели документальный фильм об истории становления и развития архивного дела в России, значении архивных документов в истории страны. Благодарственные слова прозвучали в адрес ветеранов архивной службы. Ветеранам были вручены памятные подарки.

Состоялось награждение передовиков архивной службы Воронежской области почетными грамотами и благодарностями Федерального архивного агентства, Научно-методического совета архивных учреждений Центрального федерального округа России, правительства и губернатора Воронежской области, Воронежской городской Думы, администрации города Воронежа, управления делами Воронежской области.

Завершилось торжественное собрание праздничным концертом, в котором принял участие фольклорный ансамбль преподавателей и студентов Воронежского государственного института искусств.

К.И. Кузин,
*ведущий консультант отдела
по делам архивов управления
делами Воронежской области*

Участники торжественного собрания в Большом зале Дома актера

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Юбилей П.В. Загородовского

31 января 2018 г. отметил 60-летний юбилей доктор исторических наук, профессор Павел Владимирович Загородовский.

Окончив в 1981 г. исторический факультет ВГУ, П.В. Загородовский продолжил семейную династию, связав свою жизнь с наукой. Используя архивные материалы, подготовил и блестяще защитил в 1985 г. кандидатскую, а в 1999 г. – докторскую диссертации. Фундаментальные труды по социально-политической истории Центрального Черноземьянискали Павлу Владимировичу славу ведущего специалиста по

этому вопросу не только в нашем регионе, но и далеко за его пределами.

П.В. Загородовский активно участвует в научно-практических конференциях, «круглых столах» госархива, является членом редакционной коллегии научно-информационного ежегодника «Воронежский вестник архивиста». Подготовленные им публикации вызывают неизменный интерес не только среди научной общественности, но и в самых широких кругах любителей и собирателей истории края.

От всей души желаем Павлу Владимировичу доброго здоровья, семейного благополучия, новых открытий и новых публикаций!

Поздравляем!

8 марта 2018 г. воронежские архивисты от всей души поздравили с 60-летием Сергея Ивановича Филоненко, доктора исторических наук, профессора, ректора Воронежского государственного педагогического университета.

Закончив в 1980 г. исторический факультет ВГПИ, он выбрал научное поприще. На протяжении многих лет постоянно работает в архивах. Активно используя архивные материалы, подготовил и защитил в 1985 г. кандидатскую, а в 2000 г. – докторскую диссертации. С самого начала в сферу научных интересов С.И. Филоненко вошла история Великой

Отечественной войны. Кропотливый труд исследователя был очень плодотвор-

ным. Написано и опубликовано около 150 научных работ, среди которых фундаментальные труды по военной истории. Сергей Иванович – блестящий организатор международных конференций, посвященных боевым действиям на Дону в годы Великой Отечественной войны. Во многом благодаря стараниям именно С.И. Филоненко г. Воронежу было присвоено почетное звание «Город воинской славы».

Сергей Иванович активно участвует в работе редакционной коллегии научно-информационного ежегодника «Воронежский вестник архивиста», тесно сотрудничает с архивными учреждениями, выступает на научно-практических конференциях, в «круглых столах» и других мероприятиях, проводимых архивами.

Желаем дальнейших научных свершений, крепкого здоровья и прекрасного настроения!

50 лет на архивной службе

27 августа 2018 г. Наталья Ивановна Новикова отметила 50-летие своей службы в архиве. В августе 1968 г. Н.И. Новикова начала свою трудовую деятельность в Госархиве Воронежской области лаборантом микрофотолаборатории. 20 лет отработала Наталья Ивановна лаборантом отдела кинофотофонодокументов, старшим лаборантом лаборатории по микрофильмированию и реставрации, старшим оператором, а с марта 1990 г. Н.И. Новикова руководит отделом обеспечения сохранности документов и фондов.

За многолетний и добросовестный труд Н.И.Новикова неоднократно отмечалась различными наградами, среди которых медаль «За трудовое отличие» и медаль к ордену «За заслуги перед Отечеством» II степени. Наталья Ивановна активно участвует в жизни регионального отделения Российского общества историков-архивистов.

Желаем Н.И. Новиковой активного долголетия в архиве, крепкого здоровья и всего самого наилучшего!

Знаменательная дата

4 ноября 2018 г. исполнилось 70 лет Владимиру Леонидовичу Елецких, директору издательства «Творческое объединение «Альбом».

Владимир Леонидович давно и плодотворно сотрудничает с архивистами, оказывая большую помощь в пополнении архивных фондов фотодокументами и коллекциями.

В.Л. Елецких активно участвует в работе краеведческой секции областного отделения Российского общества историков-архивистов. Незабываемые экскурсии по Бобровскому,

Павловскому, Эртильскому районам организованы Обществом при деятельном участии Владимира Леонидовича. В.Л. Ёлецких – среди авторов научно-информационного ежегодника «Воронежский вестник архивиста», в его публикациях со всей полнотой проявились интерес и любовь к истории воронежского края. Постоянный участник краеведческих конференций, а также научно-практических конференций и «круглых столов» госархива. Его рассказы о поисках и открытиях вызывают неизменный интерес слушателей.

Выход очередной книги Владимира Леонидовича мы всегда ждем с большим нетерпением и надеемся, что еще не раз будем благодарными читателями его публикаций.

Желаем нашему коллеге новых творческих свершений!

Юбилей Э.Л. Лариной

6 ноября 2018 г. свой 80-летний юбилей отметила уникальный человек для архивной службы Воронежской области – Эмма Леонидовна Ларина. Более 40 лет жизни отдала архивному делу. Выпускница Московского государственного историко-архивного института Эмма Леонидовна с 1964 г. работала в Воронежском областном государственном архиве, с октября 1973 г. – в партийном архиве Воронежского обкома КПСС (ныне Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области) хранителем фондов, с сентября 1991 г. – главным хранителем фондов, с января 2001 г. по июль 2004 г. – заместителем директора – главным хранителем фондов ГАОПИ Воронежской области. С 2008 г. по 2014 г. она успешно трудилась в должности заместителя руководителя Государственного архива Воронежской области документов по личному составу.

Под руководством Э.Л. Лариной и при ее активном непосредственном участии осуществлен значительный комплекс работ по интеграции бывшего партийного архива в систему Федеральной архивной службы России. Благодаря ее богатому опыту и обширным знаниям была налажена работа нового архива – документов по личному составу. За многолетнюю плодотворную работу Э.Л. Ларина награждена почетными грамотами Федеральной архивной службы России, администрации Воронежской области, архивного отдела администрации Воронежской области. В 1998 г. Э.Л. Лариной присвоено почетное звание «Заслуженный работник культуры Российской Федерации».

Желаем Эмме Леонидовне здоровья и долголетия, радости и счастья!

От всей души

13 ноября 2018 г. Вячеслав Васильевич Гуров, руководитель Государственного архива Воронежской области, в кругу коллег и друзей отметил 65-летний юбилей.

В архивную отрасль В.В. Гуров пришел 22 апреля 2009 г. на должность руководителя архивного отдела Воронежской области, с 1 июля 2012 г. – заместитель руководителя департамента культуры и архивного дела Воронежской области, с 31 декабря 2013 г. – руководитель Государственного архива Воронежской области. Богатый опыт руководящей работы

(руководитель аппарата администрации г. Воронежа, руководитель управления государственной службы и кадров администрации Воронежской области) позволил Вячеславу Васильевичу активно включиться в решение задач, стоящих перед архивной службой, и прежде всего – проблемы сохранения документального наследия края. Предложение В.В. Гурова о разработке и финансировании ведомственной целевой программы «Обеспечение сохранности архивных документов и архивных фондов Воронежской области на 2013-2015 годы» (ВЦП) получило поддержку губернатора А.В. Гордеева. Благодаря внедрению ведомственной целевой программы в обеспечении сохранности архивных документов и архивных фондов, отражающих материальную и духовную жизнь общества, имеющих историческое, научное, социально-экономическое и культурное значение, наметились серьезные сдвиги в решении основной задачи, стоящей перед архивной отраслью области. В настоящее время Государственный архив Воронежской области – в лидерах по оцифровке архивных документов среди архивных учреждений России. В.В. Гуров является главным редактором научно-информационного ежегодника «Воронежский вестник архивиста», под его руководством изданы с 7-го по 16-й выпуски вестника. В.В. Гуров избран членом Центрального совета Правления Российского общества историков-архивистов, членом-корреспондентом муниципальной академии Российской Федерации.

За высокие достижения в труде награжден медалью «За заслуги в проведении Всероссийской переписи населения, Благодарностью министра культуры Российской Федерации, почетными грамотами администрации Воронежской области.

Желаем Вячеславу Васильевичу дальнейших успехов в архивном деле, семейного благополучия и крепкого здоровья!

С наилучшими пожеланиями!

22 ноября 2018 г. в кругу коллег и друзей отметил 75-летие Михаил Дмитриевич Карпачев, доктор исторических наук, профессор Воронежского государственного университета. С выдающимся ученым архивистов связывают многолетние дружба и сотрудничество.

М.Д. Карпачев в 1968 г. окончил исторический факультет ВГУ. Вся его жизнь связана с наукой. На протяжении многих лет постоянно работает в архивах, активно используя документы. В 1973 г. он подготовил и защитил кандидатскую, а в 1987 г. – докторскую диссертации.

В сфере научных интересов – история общественной жизни, аграрных отношений в России второй половины XIX – начала XX вв., история воронежского края. Написано и опубликовано около 200 научных работ.

Михаил Дмитриевич активно участвует в работе редакционной коллегии научно-информационного ежегодника «Воронежский вестник архивиста». Подготовленные им публикации пользуются неизменным интересом всех тех, кто интересуется историей воронежского края. Беззаветная преданность науке и неутомимость в научном поиске вызывают уважение. М.Д. Карпачев – постоянный участник научно-практических конференций, «круглых столов» госархива.

Желаем Михаилу Дмитриевичу крепкого здоровья, счастья, новых творческих идей и дальнейшего активного участия в работе областного отделения Российского общества историков-архивистов!

ВОРОНЕЖСКИЙ ВЕСТНИК АРХИВИСТА

Научно-информационный ежегодник

Выпуск 16

ISBN 978-5-6041904-2-5

Компьютерная верстка А.В. Горбань
Корректор Н.Е. Тарлыкова

Формат 60х84^{1/16}. Бумага мелованная.
Объем 12,78 п.л. Тираж 250 экз.
Заказ № 60

ИП Гончарова Галина Григорьевна
Цифровая типография «Фортуна»

394006 г. Воронеж, ул. Ворошилова, 2, оф. 200,
тел. (473) 251-22-70

2018